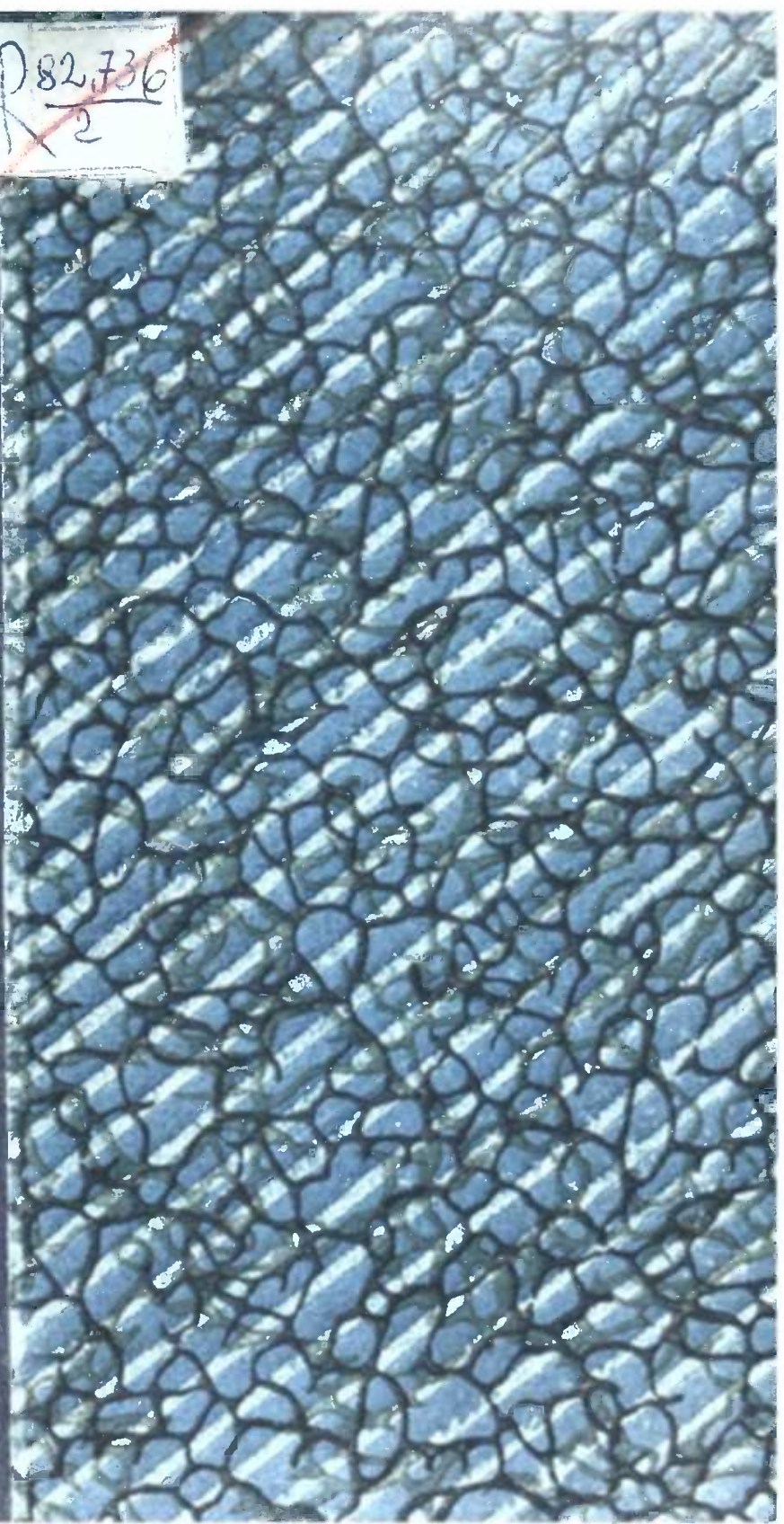

D82.736

X2

К. А. ИВАНОВЪ,
преподаватель СПб. Высших Женских Курсовъ, Патриотическаго института и Пятой гимназии.

СРЕДНЕВѢКОВОЙ МОНАСТЫРЬ

И ЕГО ОБИТАТЕЛИ.

Изданіе 2-е.

Съ 31 рисункомъ.

Предисловія. — Св. Бенедиктъ Нурсійскій. — Правило жизни монашеской. — Монте-Кассино. — Легенда о Тассилонѣ. — Монастырская школа. — Школьная жизнь. — Монахи и рукописи. — Въ женской обители. — Беатриса (средневѣковая легенда). — Среди книгъ. — Монахи и природа.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Складъ изданія въ „Петербургскомъ Учебномъ Магази́нѣ“: Петербургская Стор., Большой пр., д. 6.

1902.

R 82736
2

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7-го Мая 1902 года.

Спб. Типо-литографія М. П. Фроловой. Галерная ул., № 6.

Предисловіе къ 1-му изданію.

Даже среди образованнаго общества встрѣчаются люди, которые имѣютъ односторонній, а слѣдовательно, и неправильный взглядъ на средневѣковое западное монашество. Намъ приходилось лично и неоднократно убѣждаться въ этомъ. Очень и очень многіе знакомы съ извѣстнымъ разсказомъ одного изъ гуманистовъ о посѣщеніи имъ Монте-Кассинской бібліотеки, о печальномъ состояніи, въ которомъ онъ нашелъ нѣкоторыя изъ ея рукописей, о варварскомъ отношеніи къ нимъ монаховъ обители. Не обращая вниманія на то, что указаніе это относится уже къ XIV вѣку, его принимаютъ за основаніе при своемъ сужденіи о средневѣковомъ монашествѣ. Люди, имѣющіе такой односторонній взглядъ, конечно, ожидаютъ отъ настоящей книги прежде всего подобныхъ разсказовъ, разсказовъ объ отрицательныхъ сторонахъ монашества, объ его злоупотребленіяхъ и невѣжествѣ. Иначе смотритъ на дѣло авторъ. Великое культурное значеніе монашества, всѣми признанное, заключается не въ его отрицательныхъ, но положительныхъ сторонахъ. Выставить эти положительныя стороны, выяснить заслуги монашества, какъ историческаго учрежденія, заслуги его въ области человѣческой культуры и составляетъ цѣль настоящихъ очерковъ. Монашество, какъ человѣческое учрежденіе, должно было пасть и пало или, лучше сказать, пережило цѣлый рядъ паденій, но заслуги, имъ принесенныя, сдѣлались достояніемъ исторіи, а поэтому и подлежатъ не одностороннему и пристрастному, но объективному или историческому разсмотрѣнію.

Для изображенія болѣе цѣльной и полной картины автору необходимо было очертить извѣстную, определенную окружность для своей работы. Въ виду преобладающаго культурнаго значенія бенедиктинскаго ордена, авторъ останавливаетъ вниманіе своихъ читателей исключительно на немъ, при чемъ имѣетъ въ виду періодъ времени съ VI по XIII в.

Прежде всего монахи содѣйствовали окончательной побѣдѣ христіанской вѣры надъ язычествомъ. Но заслуги монашества не ограничиваются только этимъ.

Западное монашество отличается отъ восточнаго своимъ практическимъ характеромъ. Если на Западѣ и встрѣчались отшельники-созерцатели и даже столпники (стилиты), они представляли рѣдкія исключенія. Скоро общежитіе сдѣлалось единственнымъ видомъ монашеской жизни. Была пора, когда западное монашество представляло великую культурную силу. Великое переселеніе народовъ, какъ грандіозное наводненіе, разлилось на почвѣ Западной Римской имперіи и произвело на ней страшныя опустошенія: города были опустошены, мечъ безжалостныхъ побѣдителей и грозныя эпидеміи унесли въ могилы неизмѣримое множество человѣческихъ жизней. Казалось, культура была окончательно побѣждена природой. Отдѣльнымъ личностямъ невозможно было вступить въ борьбу съ нею. И вотъ выступаетъ на историческое поприще бенедиктинскій орденъ; его Правило соединяетъ отдѣльныхъ лицъ въ общества и выдвигаетъ эти общества на борьбу съ природой: они работаютъ надъ культурой земли, вырубаятъ вѣковѣчные лѣса, пахутъ и сѣютъ полными кошницами. Въ ту пору бенедиктинцы дѣйствовали не однимъ только плугомъ, но и крестомъ (*cruce et aratro*): срубая вѣковые лѣса, они подрубали основанія идоловъ

и капищъ, наносили смертельные удары язычеству. Отважно шли они противъ язычества и нерѣдко падали жертвами языческихъ фанатиковъ, но ничто не останавливало ихъ.

Бенедиктинцы оказали неоцѣнимыя заслуги въ области науки и образованія. До начала XIII в. въ этой области работали въ Западной Европѣ только одни бенедиктинцы. Безъ ихъ дѣятельности варварство одержало бы полную побѣду. Нѣкоторые бенедиктинскіе монастыри въ Италіи, Германіи, Англіи, Франціи и Бельгіи сдѣлались настоящими умственными свѣточами, были какъ бы университетами, разсадниками знанія. *Внутреннія* монастырскія школы создавали контингентъ образованнаго монашества, готовили учителей, направлявшихся потомъ въ другія мѣста, *внѣшнія*—просвѣщали представителей свѣтскаго общества. Просвѣщенные иноки усердно и благоговѣно переписывали цѣнныя рукописи. Въ то же время въ монастырскихъ обителяхъ являлись истинные образцы нравственности и добродѣтели христіанской. Христіанская добродѣтель являлась для нихъ главною цѣлью жизни, спасительнымъ маякомъ, къ которому долженъ стремиться каждый. „Дай мнѣ, Боже, — благоговѣно восклицаетъ аббатъ монастыря Св. Винцента на Волтурнѣ въ заключеніи своего толкованія на Апокалипсисъ—кромѣ научнаго знанія еще знаніе добродѣтели и умѣнье пользоваться имъ! И если я не могу вмѣстить въ себѣ и то, и другое (и научныя знанія, и добродѣтель), возьми отъ меня научныя знанія и дай мнѣ добродѣтель. Не дара научныхъ познаній хотѣлъ я получить отъ Тебя, когда покинулъ отечество свое и родныхъ своихъ: я стремился къ тому, чтобы Ты провелъ меня къ вѣчной жизни по пути совершенной добродѣтели. Таково

было желаніе мое, Господи, и я молю Тебя, помоги его осуществленію, да не сдѣлаю я ложнаго шага, да не впаду въ позоръ. Лучше быть безъ знанія, чѣмъ безъ добродѣтели“.

Если автору удалось хоть отчасти изобразить въ предлагаемой книгѣ только что сказанное, онъ считаетъ цѣль свою достигнутою.

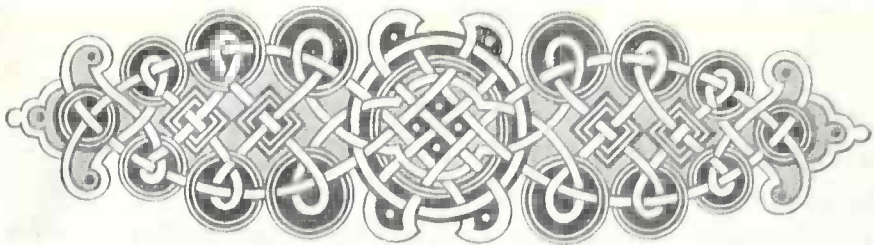
Автору приходилось, при исполненіи работы, обращаться къ разнороднымъ сочиненіямъ: церковно-историческимъ, педагогическимъ, историко-литературнымъ, къ монографіямъ отдѣльныхъ монастырей, а также къ специальнымъ изслѣдованіямъ по отдѣльнымъ вопросамъ исторіи культуры. Съ особеннымъ удовольствіемъ пользовался авторъ и первоисточниками, въ видѣ монастырскихъ хроникъ (Льва Остійскаго, Петра Діакона), напечатанныхъ въ патрологіи Миня (Migne), діалоговъ папы Григорія и др.

С.-Петербургъ,
1 Мая 1895 года.

Предисловіе ко 2-му изданію.

По отношенію къ тексту предлагаемое изданіе представляетъ собою воспроизведеніе перваго, въ настоящее время совершенно исчерпаннаго изданія. Что же касается иллюстрацій, то число ихъ во второмъ изданіи увеличено пятью новыми рисунками, а именно слѣдующими: 1) Св. Галлъ полагаетъ начало Сень-Галленской обители (стр. 79), 2) Монастырская школа (стр. 95), 3) Гросвита читаетъ инокинямъ свои произведенія (стр. 154), 4) Пашущіе иноки (стр. 185), и 5) Средне-вѣковой монастырскій садъ (стр. 191).

С.-Петербургъ,
28 Апрѣля 1902 года.

Св. Бенедиктъ Нурсійскій.

Когда-то Италія величалась владычицей міра. Ея побѣдоносные легіоны покорили ей великое множество народовъ, населявшихъ Европу, Африку и Азію. Торжественно во главѣ своихъ войскъ вступали въ Римъ триумфаторами ея доблестные вожди: передъ ними несли и везли роскошную добычу изъ покоренныхъ странъ, передъ ними шли несчастные плѣнники, въ числѣ послѣднихъ бывали и цари.

Не то было въ пятомъ столѣтіи послѣ Рождества Христова. Лишенная власти и силы Италія изнемогала отъ борьбы. Ея провинціи отторгались врагами одна за другою. Варварскіе народы боролись за обладаніе ею и своею борьбою опустошали, терзали ее. И теперь также вступали въ Римъ вожди, сопровождаемые полчищами, но то были торжествующіе враги: безнаказанно грабили они всемірную столицу и приводили въ ужасъ современниковъ. „Когда погасъ — говоритъ блаженный Иеронимъ — самый блестящій свѣтъ, когда отсѣчена была глава Римской имперіи, и, скажу вѣрнѣе, цѣлый міръ погибъ въ одномъ городѣ, онѣмѣлъ языкъ мой, и былъ я глубоко униженъ“.

Въ ту пору, когда Италіей управлялъ геруль Одоакръ, въ городѣ Нурсіи въ 480 году родился Св. Бенедиктъ. Данное ему имя (Benedictus въ переводѣ на русскій языкъ значитъ благословенный) какъ бы указывало за-ранѣе на благословіе Божіе, которымъ была отмѣчена потомъ вся его дѣятельность. Много содѣйствовала развитію религіознаго чувства въ ребенкѣ его кормилица Кирилла. Она обладала чистою, кроткою и любвеобильною душою. Родители Бенедикта, желая дать ему хорошее образованіе, отправили его въ Римъ для ученья. Но недолго пробылъ тамъ Бенедиктъ: ничто не могло привлечь его въ этомъ городѣ. Надъ послѣднимъ разразилось новое бѣдствіе: новый варварскій народъ—остготы проникли въ Италію; въ лицѣ его вождя римляне получали новаго владыку. Въ то время, какъ товарищи Бенедикта искали утѣшенія въ пиряхъ, онъ тайкомъ покинулъ занимаемый имъ домъ въ Транстеверинскомъ кварталѣ и ушелъ изъ города. Ему было тогда только четырнадцать лѣтъ. Спѣхнулись о немъ товарищи и родные, горько заплакала добрая Кирилла и пошла отыскивать своего дорогого питомца. Безъ отдыха шла она по его слѣдамъ, поднимаясь на крутизны и спускаясь въ обрывы. Она сердцемъ чуяла, куда пошелъ онъ, и скоро отыскала его въ одной горной деревушкѣ, пріютившейся посреди живописныхъ высотъ. Жители деревушки любили пришельца. Здѣсь — говоритъ легенда—Бенедиктъ совершилъ свое первое чудо. Кирилла выпросила себѣ у сосѣднихъ женщинъ сито и какъ-то неосторожно положила его на столъ, отчего оно упало со стола и разбилось на двѣ части. Кирилла стала горько сокрушаться объ этомъ, такъ какъ не могла возратить вещи, принадлежавшей, надобно думать, людямъ бѣднымъ. Питомецъ не могъ оставаться спокойнымъ при видѣ слезъ

своей кормилицы, такъ какъ любилъ ее. Горя желаніемъ утѣшить ее, онъ сложилъ половинки разбитаго сита и обратился къ Богу съ пламенной молитвой. И совершилось чудо: половинки сита соединились и образовали одно цѣлое; никакихъ слѣдовъ поврежденія не было видно. Это чудо очень скоро сдѣлалось извѣстнымъ всему мѣстному населенію. Жители мѣстечка повѣсили сито при входѣ въ церковь, въ воспоминаніе чуда, совершеннаго Св. Бенедиктомъ *). Кирилла перестала видѣть въ Бенедиктѣ своего питомца; передъ ней была святой, чудотворецъ; чудо, имъ совершенное, сразу отдалило его отъ этой вѣрной и любящей души. Бенедиктъ же, увидѣвъ силу молитвы своей, весь проникнулся стремленіемъ къ молитвѣ. Единственная земная привязанность—любовь къ старой кормилицѣ—казалась ему помѣхой на пути, имъ избранномъ. И онъ рѣшился порвать свою послѣднюю связь съ міромъ, съ прошлымъ. Теперь ему легче было порвать эту связь, а Кириллѣ легче было переносить разлуку. И святой тайно покинулъ Кирилла. Раньше онъ бѣжалъ отъ близкихъ людей къ чужимъ, теперь онъ бѣжалъ отъ людей вообще въ пустыню.

Святой углубился въ дикія ущелья съ отвѣсными скалами, гдѣ рѣка Аньо впадаетъ въ Тибръ. Онъ остановился въ мѣстечкѣ Субіако. Здѣсь онъ встрѣтился съ монахомъ ближняго монастыря, по имени Романомъ. „Чего ты ищешь? куда ты идешь?“ спросилъ онъ у Бенедикта. Послѣдній открылъ ему свою душу. Инокъ привѣтствовалъ его, какъ своего младшаго собрата, и общался помогать ему, не нарушая его уединенія. Свершилась завѣтная мечта Бенедикта! Изслѣдовавъ мѣстныя горы, онъ выбралъ себѣ для житья небольшую пещеру.

*) Св. Григорій Двоесловъ. Собесѣдованія, кн. II, гл. I.

Чтобы попасть въ нее, необходимо было спускаться внизъ: она была почти недоступна для людей. До сихъ поръ еще показываютъ то мѣсто, чрезъ которое Романъ спу- скалъ святому на веревкѣ куски хлѣба, съ привязан- нымъ къ ней колокольчикомъ, чтобы звономъ послѣд- няго оповѣщать святого о прибытіи пищи. Дьяволъ— говоритъ легенда—не могъ равнодушно видѣть суровую жизнь одного и благотворительность другого; подстерегши Романа въ тѣ минуты, когда онъ спускалъ свою веревку, врагъ человѣческаго рода бросилъ въ колокольчикъ кам- немъ и разбилъ его. Но онъ не помѣшалъ этимъ одному спастись, а другому благотворить.

Тяжелыя муки приходилось переживать порою Св. Бенедикту. Здѣсь, въ полномъ уединеніи, вдали отъ люд- ской жизни, все чаще и назойливѣе стали тревожить его воспоминанія о ней. Эти воспоминанія были такъ ясны, такъ ярки, что передъ нимъ возставали цѣльные образы. Ему казалось порою, что пещера его наполни- лась людьми: до того ярки были видѣнья. Изъ нихъ одно видѣнье, одинъ образъ дивной красоты всего чаще представлялся его взорамъ. Онъ манилъ его къ жизни, къ людямъ, онъ звалъ его въ Римъ. Святой старался отогнать отъ себя прекрасное видѣнье, старался умерт- вить свои вышнія чувства, старался причинить себѣ боль, чтобы, испытывая ее, позабыть обо всемъ осталь- номъ. Онъ бросался на терновники и терзалъ себя ими. Легенда рассказываетъ, что, нѣсколько столѣтій спустя, это мѣсто посѣтили, по обѣту, Св. Францискъ; онъ ви- дѣлъ эти терновники и привилъ къ нимъ розовые ку- стики, съ тѣхъ поръ и вырастаютъ здѣсь крупные и ароматныя цвѣты, о которыхъ не можетъ никогда поза- бить тотъ, кто посѣтилъ хоть разъ это поэтическое мѣсто.

Когда проходили часы и дни тяжелой нравственной

борьбы, святой отдавался молитвѣ, размышленію и созерцалъ дивную природу, окружавшую его. Здѣсь горы какъ будто стѣснились толпами. Между ними извиваются узкія долины. При каждомъ поворотѣ дороги путнику представляется новый, неожиданный видъ. Всюду дремучіе лѣса и богатая, роскошная растительность. И здѣсь, и тамъ катятся по крутымъ склонамъ шумливые ручьи, сливаются вмѣстѣ, образуютъ каскады и низвергаются въ Аньо. А послѣдняя быстро несетъ свои холодныя и прозрачныя воды по неровному, обрывистому руслу, и шумъ ея поглощаетъ всѣ другіе звуки. Еще въ настоящее время путешественникъ, рядомъ съ полусгнившими и упавшими отъ старости стволами дубовъ или сосенъ, наталкивается на остатки древняго фундамента или капители, покрытые мхомъ и каменными обломками; здѣсь наталкивается на кусокъ отъ какого-нибудь древняго барельефа, тамъ на обломокъ торса. А во времена Св. Бенедикта, недалеко отъ его пещеры, стояли руины Нероновой виллы. За шесть вѣковъ до появленія въ этихъ, уже пустынныхъ мѣстахъ, Св. Бенедикта, вилла Нерона оглашалась шумомъ его дикихъ оргій. Во время одной изъ такихъ оргій разыгралась гроза, и молнія ударила въ самую виллу съ такой силой, что сорвала со стола скатерть и раздробила столъ.

Какъ во времена Св. Бенедикта, такъ и теперь эта мѣстность пустынна. Порою только забредетъ сюда полудикое стадо козъ въ сопровожденіи своего пастуха. Разъ—говоритъ легенда—забрели сюда пастухи и увидѣли между кустарниками святого, вышедшаго изъ своей пещеры; они испугались его, такъ какъ не ожидали встрѣтить человека въ этой глуши; они приняли его даже за дикаго звѣря, такъ какъ на немъ была надѣта звѣриная шкура. Святой не скрылся отъ пастуховъ, а

вступилъ съ ними въ бесѣду и многихъ изъ нихъ, по словамъ легенды, на столько тронулъ, что они нравственно переродились. Проведя цѣлыхъ три года въ своемъ уединеніи, Св. Бенедиктъ окончательно овладѣлъ собою, окончательно покорилъ себѣ свои чувства, приготовилъ себя къ дѣятельности среди людей.

Слава о его подвижнической жизни широко распространилась. Къ нему стали стекаться слушатели, желавшіе поучиться у него, и онъ охотно бесѣдовалъ со всѣми. Между прочимъ, пришли къ нему монахи изъ Виковаро *) и просили его принять власть надъ ними, сдѣлаться ихъ настоятелемъ (аббатомъ), такъ какъ прежній ихъ настоятель умеръ. Долго отказывался онъ принять предложеніе монаховъ, говоря, что не сочувствуетъ ихъ жизни, что подчинить ихъ строгому уставу. Монахи усердно просили его согласиться. И Св. Бенедиктъ покинулъ свое мирное убѣжище. Онъ былъ вѣренъ данному имъ слову и принялся за серьезныя преобразованія. Скоро монахи поняли, съ кѣмъ они имѣютъ дѣло. Привыкшіе къ распущенности, они уже раскаивались въ своемъ выборѣ, укоряли другъ друга за этотъ выборъ, а нѣкоторые, самые дурные изъ нихъ, задумали отравить святого. Они подмѣшали яду въ вино и во время трапезы поднесли аббату подъ благословеніе стеклянный сосудъ съ отравленнымъ напиткомъ. Едва святой перекрестилъ его, какъ сосудъ разбился въ дребезги. Тайные помыслы монаховъ обнаружались. Святой человекъ сразу понялъ, что въ сосудѣ заключалось смертоносное питье. Немедленно всталъ онъ съ веселымъ лицомъ и спокойно сказалъ монахамъ: „да проститъ вамъ Богъ, братья мои! И почему вы хотѣли такъ поступить со

*) Виковаро расположено между Субіако и Тиволи.

мною? Развѣ я не предупреждалъ васъ заранѣе, что мои обычаи не могутъ согласоваться съ вашими? Ищите себѣ другого аббата, подходящаго къ вамъ: я никогда не

сойдусь съ вами“ *). Послѣ этого святой покинулъ обитель въ Виковаро и возвратился въ свое убѣжище.

*) *Св. Григорій Двоесловъ. Собесѣд. кн. II, гл. 3.* Прилагаемый рисунокъ представляетъ копию съ фрески Спичелли назъ Арещо въ церкви Санъ-Миниато, близъ Флоренціи, и изображаетъ оба описанные нами момента: въ лѣвой половинѣ: монахи просятъ святого быть ихъ аббатомъ, въ правой — подносить ему отравленное вино.

Но объ уединеніи не могло быть и рѣчи. Отовсюду стекались къ Св. Бенедикту ученики и послѣдователи. Онъ населилъ ими пустынное мѣсто, основавъ здѣсь двѣнадцать небольшихъ монастырей. Въ каждомъ изъ нихъ находилось двѣнадцать монаховъ, которые управлялись своимъ собственнымъ настоятелемъ. Высшая власть надъ ними принадлежала Св. Бенедикту. Такіе правители назывались въ то время, по образцу греческихъ и вообще восточныхъ, архимандритами. Время отъ времени онъ обходилъ основанные имъ монастыри, побуждая иноковъ къ благочестію, укрѣпляя слабыхъ, воодушевляя робкихъ, укоряя колеблющихся. Управляя своими обителями, святой примѣнялъ на практикѣ свои собственные взгляды на иноческую жизнь; въ это время, можно сказать, постепенно слагалось его „Правило жизни монашеской“. Но и сюда, въ это мирное мѣсто, вмѣстѣ съ людьми проникнули зависть и злоба. Священникъ сосѣдней церкви, по имени Флоренцій, позавидовалъ славѣ Св. Бенедикта и, не будучи въ состояніи воспрепятствовать его успѣхамъ, началъ строить противъ него всевозможныя козни. Такъ, на примѣръ, онъ послалъ къ святому отравленный хлѣбецъ. Ядъ, скрытый въ хлѣбѣ,—говорить легенда—не укрылся отъ него. Въ обѣденный часъ къ святому прилеталъ воронъ, жившій въ сосѣднемъ лѣсу, и получалъ отъ него порцію хлѣба. Когда воронъ, по обыкновенію, прилетѣлъ въ его келью, святой положилъ передъ нимъ отравленный хлѣбъ и далъ слѣдующее приказаніе: „во имя Іисуса Христа, Господа Нашего, возьми этотъ хлѣбъ и унеси въ такое мѣсто, гдѣ бы никто изъ людей не могъ найти его“. Воронъ сталъ летать надъ нимъ съ раскрытымъ клювомъ, каркалъ, но хлѣба не касался. Святой еще разъ сказалъ ему: „возьми, не бойся, возьми и брось тамъ, гдѣ бы нельзя было

найти его". Воронъ схватилъ хлѣбецъ, поднялся съ нимъ, вылетѣлъ въ окно и скоро скрылся изъ виду. Такъ разрушилось намѣреніе злого человѣка. Но послѣдній, не имѣя возможности повредить самому святому, пытался нравственно испортить лучшихъ учениковъ его. Тогда святой рѣшился уйти изъ своего убѣжища и на этотъ разъ—уйти навсегда. Въ сопровожденіи самыхъ преданныхъ учениковъ, онъ покинулъ Субіако и направился къ югу. Его—по словамъ легенды—сопровождали также три прирученныхъ имъ ворона. Ему явились два ангела подъ видомъ юношей и указывали направленіе пути. Изъ Лаціума путники спускались въ сторону Кампаніи. Они шли ущельями Апеннинскихъ горъ и, спустя нѣсколько дней, остановились въ томъ мѣстѣ, гдѣ главный Апеннинскій хребетъ заворачиваетъ въ сторону и отдѣляетъ отъ себя вѣтвь на обширную равнину, орошаемую Лирисомъ. Когда они поднялись на Монте-Кассинскую гору, передъ ними развернулся чудный кругозоръ. Вся плодородная Кампанія, обрамляемая съ одной стороны горами, а съ другой—Средиземнымъ моремъ, раскинулась передъ ними во всемъ блескѣ своей красоты. Здѣсь они остановились.

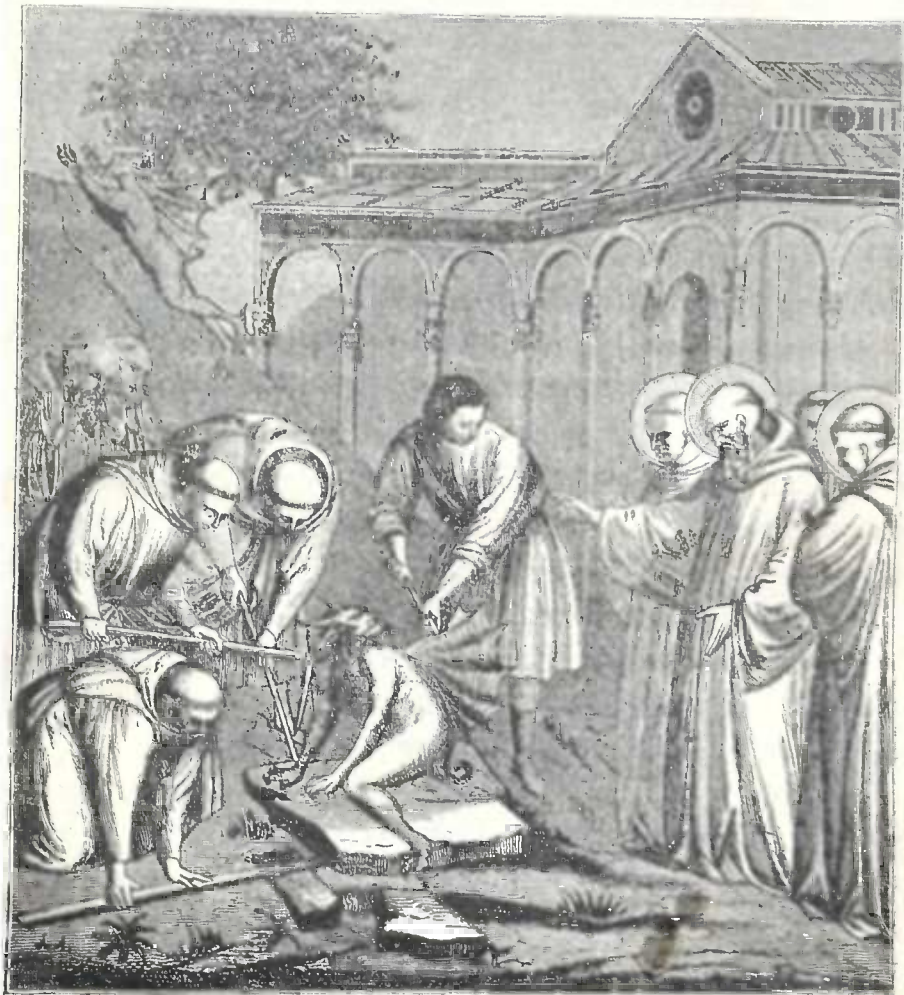
У подножія Монте-Кассинской горы были видны въ то время руины города, который имѣлъ когда-то свой сенатъ, своихъ сановниковъ и жрецовъ, а теперь представлялъ собою печальное зрѣлище. Въ половинѣ пятаго столѣтія онъ былъ разоренъ и разрушенъ германскими полчищами. Тѣ изъ жителей его, которымъ удалось спастись отъ смерти или тяжкаго плѣна, разбѣжались въ разныя стороны, разсѣялись по окрестнымъ горамъ. Отъ города оставались еще, какъ памятники его прошлаго, амфитеатръ, храмъ и нѣсколько зданій. Не смотря на то, что со времени мученической кончины

Апостоловъ Петра и Павла прошло полтысячи лѣтъ, окрестное населеніе еще крѣпко держалось языческой вѣры. На вершинѣ горы, господствовавшей надъ городомъ, стоялъ храмъ въ честь Аполлона, а около него тянулся таинственный лѣсъ, посвященный богинѣ Венерѣ. Окрестное населеніе прилежно посѣщало эти мѣста и совершало свои языческіе обряды. Съ этой мѣстностью, „любимымъ мѣстопробываніемъ нимфъ“, по выраженію одного древняго поэта, было связано много языческихъ воспоминаній. Съ вершины горы путникамъ былъ видѣнъ вдали городъ Арпинумъ, родина Цицерона, совсѣмъ недалеко—тутъ же, въ Кассинскомъ округѣ—имъ бросились въ глаза тѣнистые сады, окружающіе виллу Теренція Варрона, а на одномъ изъ противулежащихъ склоновъ Апеннинъ рельефно выдѣлялся городъ Аквинумъ, въ которомъ родился знаменитый сатирикъ Ювеналь. На этой-то горѣ и рѣшилъ поселиться Св. Бенедиктъ.

На первый взглядъ кажется страннымъ то обстоятельство, что святой выбралъ себѣ для пребыванія мѣсто, въ которомъ были свѣжи языческія воспоминанія, въ которомъ обитали поклонники Аполлона и Венеры. Дѣло объясняется весьма просто. Одинъ богатый сенаторъ, отецъ ревностнаго сторонника и ученика Св. Бенедикта, пожертвовалъ послѣднему принадлежавшую ему на вершинѣ горы землю. Съ другой стороны, Св. Бенедиктъ былъ несказанно радъ поселиться въ такомъ близкомъ сосѣдствѣ съ остатками язычества. Предъ нимъ сразу развернулось обширное поле дѣятельности—побороть язычество, сокрушить его остатки. И вотъ, онъ началъ со своими учениками просвѣщать окрестное населеніе. Потомъ онъ разбилъ идола, ниспровергъ его алтарь, а самый храмъ превратилъ въ капеллу. Но онъ

не остановился на этомъ, а предпринялъ сооруженіе просторнаго жилища для монаховъ. За работой были всѣ иноки; дѣло было для нихъ тяжелое и сперва, конечно, не ладилось, но, благодаря неослабной энергіи

святого и трудамъ его братій, всѣ препятствія были преодолены. Легенда приписываетъ всѣ эти неудачи дѣйствію злой силы, дьявола, который никакъ не могъ примириться съ мыслью о торжествѣ истинной вѣры въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ такъ долго жило заблужденіе. Онъ

хотѣлъ всячески помѣшать построенію дома, въ которомъ могло бы спастись столько народа. И онъ навелъ на иноковъ апатію, изсушалъ источники, изъ которыхъ они доставали себѣ воду, разметывалъ ночью то, что они выстраивали за день. Иногда онъ садился на камнѣхъ незримый на камни, и камни становились такими тяжелыми, что, не смотря на всѣ усилія, иноки не могли сдвинуть ихъ съ мѣста. Тогда святой осѣнялъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, и они опять приобрѣтали свою естественную тяжесть, такъ какъ дьяволъ стремительно уносился въ другія мѣста *). Впрочемъ, онъ вскорѣ возвращался и принимался за прежнее дѣло. Не обходилось и безъ несчастій. Разъ дьяволъ обрушилъ часть стѣны на одного послушника и убилъ его. Святой велѣлъ отнести убитаго въ свою келью и положить его на рогожу, на которой обыкновенно молился онъ самъ. Выславъ всѣхъ изъ кельи и оставшись въ ней съ мертвецомъ, онъ сталъ горячо молиться Богу и своею молитвою воскресилъ послушника **). Не смотря на многія препятствія, домъ былъ выстроенъ. Это было совершенно простое сооруженіе, но въ то же самое время вполне отвѣчавшее всѣмъ потребностямъ общежитія.

Послѣ этого Св. Бенедиктъ принялся за составленіе своего „Правилъ жизни монашеской“. По опыту зная объ упадкѣ нравовъ въ средѣ современнаго ему монашества, онъ задумалъ его реформу. Онъ хотѣлъ избѣжать крайностей восточнаго аскетизма и въ то же время соединить всѣ существовавшія тогда монашескія общества въ одно стройное цѣлое. Онъ задумалъ создать такое общество, члены котораго были бы соединены оди-

*) Копія съ фрески Спинелли, здѣсь прилагаемая, изображаетъ чорта въ двухъ видахъ — сидящимъ на камнѣ и улетающимъ вдаль.

***) *Св. Григорій Двоесл. Собесѣдов. кн. II, гл. II.*

наковыми идеями, чувствами и обязанностями. При этомъ, необходимымъ условіемъ онъ считалъ трудъ. Написанное имъ „Правило“ скоро распространилось по всей Италіи и перешло за ея предѣлы. Это правило стало какъ бы законодательствомъ для всѣхъ монашескихъ обществъ въ Западной Европѣ. Долгое время оно было единственнымъ монастырскимъ уставомъ. Да и со временемъ, строго говоря, всѣ другіе уставы прививались къ нему, какъ къ своему основному стволу. Одинъ изъ папъ XI вѣка *), въ виду того громаднаго значенія, которое „Правило“, написанное и впервые примѣненное въ Монте-Кассинской обители, имѣло во всѣхъ странахъ Западной Европы, уподобляетъ Монте-Кассинскую гору съ ея монастыремъ библейскому Синаю: „эта обитель — говоритъ онъ — подобна Синаю, на которомъ были даны заповѣди, какъ доказываетъ это законъ, который когда-то былъ изданъ здѣсь; отсюда распространился возвышающій души законъ и возсіялъ по всѣмъ странамъ свѣта“ **).

Чѣмъ же занимался Св. Бенедиктъ въ остальные четырнадцать лѣтъ своей жизни? Онъ велъ упорную борьбу съ остатками язычества, устраивалъ свой монастырь. Благодаря его уставу и заботамъ, пустынные окрестности сдѣлались цвѣтущими, такъ какъ монахи усердно занимались земледѣіемъ и садоводствомъ. Гора заселялась съ поразительною быстротою: отовсюду приходили люди, наслышавшіеся о святой жизни Бенедикта и желавшіе поселиться въ основанномъ имъ монастырѣ. Онъ принималъ всѣхъ безъ различія. Какъ и въ Субіако,

*) Викторъ III.

***) *Haec domus est similis Sinai sacra jura ferenti,*

Ut lex demonstrat hic quae fuit edita quondam.

Lex hinc exivit, mentes quae ducit ab imis,

Et vulgata dedit lumen per climata saeculi.

Leo Marsicanus. Chronicon Monasterii Casinensis. III, 28.

сюда приходили нерѣдко молодые люди знатнаго происхожденія; случалось, что родители сами приводили къ нему своихъ дѣтей. Они должны были работать наравнѣ съ остальными иноками; исключеній изъ общаго правила не полагалось. Кромѣ обработки земли, они должны были исполнять различныя обязанности за столомъ аббата. Одинъ изъ молодыхъ аристократовъ, вступившихъ въ общину Св. Бенедикта, долженъ былъ держать канделябръ со свѣчами передъ столомъ аббата, во время его вечерней трапезы. Его гордость была возмущена этою обязанностью. „Развѣ я — рабъ человѣка, который сидитъ и ѣсть, между тѣмъ какъ я стою передъ нимъ съ подсвѣчникомъ въ рукѣ?“ подумалъ онъ. Но святой отлично изучилъ человѣка по себѣ, по наблюденіямъ за своими душевными движеніями, послѣ того онъ видѣлъ не мало людей, присмотрѣлся къ нимъ, умѣлъ читать на лицахъ ихъ сокровенныя мысли. Особенно нетрудно было для него прочесть ту или другую мысль на лицѣ молодого человѣка, еще не научившагося, не привыкшаго скрывать своихъ внутреннихъ чувствъ. И на этотъ разъ святой аббатъ провидѣлъ мысль стоявшаго передъ нимъ юноши. Ничего не говоря ему, онъ приказалъ другому лицу принять отъ него канделябръ, а его самого отправилъ въ келью. И юноша все понялъ и раскаялся искренно въ своей грѣховной мысли.

Но, налагая на всѣхъ безъ различія одну и ту же обязанность трудиться, онъ былъ врагомъ всякихъ излишествъ. Какъ-то донесли ему, что на одной изъ ближайшихъ горъ спасается пустынный, что пустынный этотъ, не довольствуясь строгимъ образомъ жизни и изнуреніемъ своей плоти, прикрѣпилъ себя цѣпью къ горѣ. Св. Бенедиктъ поручилъ передать ему, чтобы онъ бросилъ цѣпь. „Если ты — рабъ Божій, сказалъ онъ, сдер-

живай себя не желѣзною цѣпью, а цѣпью Христовой“, т. е. строгимъ выполненіемъ Христова ученья.

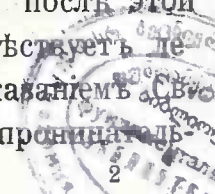
Благодаря постоянной и усердной работѣ иноковъ, а также и пожертвованіямъ, стекавшимся въ монастырь, послѣдній понемногу богатѣлъ. Его житницы были полны, и въ голодные годы всѣ нуждающіеся въ хлѣбѣ получали его изъ монастырскихъ житницъ. Такое отношеніе къ мѣстному населенію вызвало горячія симпатіи къ аббату и его монастырю. Когда готы, новые господа Италіи, обижали какого-нибудь туземца, аббать заступался за него. Легенда рассказываетъ слѣдующій чудесный случай. Одинъ остготъ, по имени Галла, жестоко избилъ итальянскаго крестьянина, вымогая отъ него деньги. Желая избавиться отъ новыхъ побоевъ, несчастный крестьянинъ сказалъ Галлѣ, что всѣ свои деньги онъ снесъ въ монастырь и отдалъ ихъ Монте-Кассинскому аббату. Тогда жестокой готъ связалъ ему руки, сѣлъ на лошадь, поѣхалъ къ монастырь и погналъ передъ собою несчастнаго крестьянина. Такимъ образомъ они взобрались на гору и приблизились къ святой обители. У ея воротъ сидѣлъ Св. Бенедиктъ и читалъ книгу. Крестьянинъ сказалъ Галлѣ, указывая на святого: „вотъ отецъ Бенедиктъ, о которомъ я говорилъ тебѣ“. Привыкшій добиваться своего угрозами и криками, готъ закричалъ и на аббата: вставай, вставай, и отдай мнѣ вещи крестьянина, которыя ты взялъ у него! Тогда святой прекратилъ на время чтеніе, говоритъ легенда, и только *взглянулъ* сперва на крестьянина въ узахъ, а потомъ на гота. И совершилось великое чудо: узы спали съ рукъ крестьянина, а готъ, пораженный могучимъ взглядомъ, палъ на землю и лишился чувствъ. Крестьянинъ ушелъ, воспользовавшись своею свободой, а гота, по приказанію святого, перенесли во внутренность мо-

настыря. Когда онъ пришелъ въ себя, святой началъ укорять его въ жестокосердіи, въ несправедливости и въ совѣтовалъ ему перемѣнить свой образъ дѣйствій. Послѣ этого Галла уже не трогалъ болѣе такъ чудесно освободившагося крестьянина да, вѣроятно, не обижалъ съ тѣхъ поръ никого вообще. Нерѣдко приходилось Св. Бенедикту заступаться за гонимыхъ и угнетаемыхъ, особенно въ то время, когда началась новая борьба въ Италіи, борьба между остготами и Византіей.

Въ 542 году, за годъ до смерти святого, на престолъ остготскаго королевства вступилъ самый замѣчательный изъ преемниковъ Теодориха Великаго—Тотила. Онъ одержалъ блестящую побѣду надъ византійскими войсками, во главѣ которыхъ стояли неспособные предводители: славнаго Велизарія уже не было тогда въ Италіи. Тотила прошелъ всю Италію; его походъ походилъ на триумфальное шествіе. Направляясь къ Неаполю и проѣзжая вблизи Монте-Кассинской обители, Тотила захотѣлъ посѣтить ее, захотѣлъ лично повидать того, о комъ онъ такъ много слышалъ, кого считали чудотворцемъ и пророкомъ. Но онъ не вѣрилъ молвѣ, а захотѣлъ испытать прославляемаго аббата. Предупредивъ святого о своемъ посѣщеніи, онъ подозвалъ къ себѣ одного изъ своихъ оруженосцевъ, приказалъ ему обуться въ красныя королевскія сандали и надѣть на себя королевское платье, далъ ему свиту и приказалъ идти въ Монте-Кассинскую обитель. Ему хотѣлось провѣрить народную молву. Если этотъ монахъ, думалось ему, и въ самомъ дѣлѣ святой, онъ не дастся въ обманъ; если же приметъ слугу за господина, то окажется простымъ смертнымъ, а сверхъ того обманщикомъ. Едва взобрались посланные на вершину горы, какъ Св. Бенедиктъ, завидѣвшій ихъ, еще издали закричалъ шедшему во главѣ

свиты: „сними эту одежду, сынъ мой, она не твоя“. Смущенный оруженосецъ палъ на колѣни, а его примѣру послѣдовала многочисленная свита. Немедленно же послѣ совершившагося они спустились съ горы, нашли своего короля и рассказали ему обо всемъ. Тотила былъ пораженъ, такъ какъ въ необыкновенной пронизательности святого увидѣлъ новое чудо. Онъ почувствовалъ потребность немедленно же взобраться на гору и повидать святого. Но, когда, дойдя до вершины, увидѣлъ его, внезапно оробѣлъ, палъ передъ нимъ на колѣни и даже простерся на землѣ. „Встаньте!“ пронеслось надъ нимъ приглашеніе святого. Тотила оставался недвижимъ и послѣ третьяго приглашенія. Тогда святой всталъ съ своего мѣста и поднялъ Тотилу. Между ними завязалась бесѣда. „Много зла—говорилъ святой—причинилъ ты и причиняешь его постоянно. Прекрати же наконецъ свои насилія и беззаконія. Правда, ты вступишь въ Римъ, переплывешь море, процарствуешь девять лѣтъ, но на десятомъ году умрешь и будешь отозванъ отсюда Богомъ.“—Молись за меня, святой отецъ, я постараюсь исправиться...—проговорилъ взволнованный Тотила. Его поразили не только слова, но и самый видъ святого: изъ очей его какъ будто исходило пламя. Съ того времени Тотила сдѣлался менѣе жестокимъ. Покоривъ снова все итальянское населеніе, онъ взялъ Римъ, завоевалъ Сицилію, Корсику и Сардинію. Но Византія не покидала намѣренія подчинить Италію своей власти. Между Тотилой и греческимъ главнокомандующимъ Нарзесомъ разыгралась рѣшительная битва, кончившаяся поражениемъ готовъ. Тотила умеръ нѣсколько дней спустя послѣ этой битвы въ 552 году. Такимъ образомъ—повѣствуетъ легенда—все совершилось согласно съ предсказаніемъ Свято-Бенедикта. Одаренный необыкновенною пронизатель-

 R 82706
 2

ностью, онъ предвидѣлъ грядущія бѣды Италіи. Да и современныя событія складывались такъ опредѣленно, что представляли богатый матеріалъ для выводовъ о будущей судьбѣ полуострова. Въ то время, какъ остготы и греки оспаривали Италію другъ у друга, человѣкъ проникательный могъ предвидѣть, что борьба эта не послѣдняя, что Италія можетъ подвергнуться новому вражескому нашествію. За Альпами жили варварскіе народы, которые еще находились въ порѣ движенія, еще могли искать себѣ мѣстъ для поселенія. Оттуда непрерывно приходили въ Италію и посольства, и воинственныя дружины. Все происходившее въ Италіи, естественно, при такихъ условіяхъ, должно было отзываться за ея предѣлами. Пораженіе готовъ не могло остаться безъ серьезныхъ послѣдствій для Италіи: за готами должны были явиться новые враги. Это и предвидѣлъ Св. Бенедиктъ. Какъ-то разъ — дѣло происходило въ послѣдній годъ жизни святого — его монастырь посѣтилъ одинъ изъ сосѣднихъ сеньоровъ, нѣкто Теопробъ. Онъ былъ многимъ обязанъ святому, такъ какъ увѣщанія послѣдняго направили его на путь добродѣтели. Войдя въ келью аббата, Теопробъ остановился въ крайнемъ изумленіи. Аббатъ плакалъ, но не тѣми слезами, которыя вызывались у него религіознымъ чувствомъ, не слезами умиленія, а жгучими, обильными слезами горя. Посѣтитель сразу понялъ разницу между тѣмъ, что приходилось видѣть ему раньше, и тѣмъ, что онъ видѣлъ передъ собою теперь. Постоявъ довольно долгое время въ благоговѣйномъ молчаніи и вида, что святой не перестаетъ плакать, онъ обратился къ нему съ вопросомъ, о чемъ онъ такъ горько, такъ неутѣшно плачетъ? „Увы — отвѣчалъ ему святой, Я опечаленъ мыслью о томъ, что весь этотъ монастырь, построенный мною, и все, приготовлен-

ное мною для братіи, обречено Господомъ на погибель: все перейдетъ въ руки варваровъ и подвергнется разрушенію. Я умолилъ Бога, чтобы обитающіе здѣсь иноки спаслись живыми и невредимыми“. Сорокъ лѣтъ спустя послѣ этой бесѣды лангобарды напали ночью на монастырь и разрушили его, обитатели же монастыря обратились въ бѣгство.

Но не одни тяжкіе труды и огорченія посылала святому современная жизнь. Широкое распространеніе написаннаго имъ „Правила“ доставляло ему самое лучшее, цѣлительное утѣшеніе. Ближайшіе сотрудники и ученики Св. Бенедикта перенесли его правило, какъ сѣмена драгоценнаго растенія, въ Сицилію, Испанію и Францію. Въ послѣдней „распространилась молва о Монте-Кассинской обители, о новомъ правилѣ, которое чудеснымъ образомъ приводитъ души къ евангельскому совершенству“ *). Одинъ изъ французскихъ епископовъ (гор. Манса) отправилъ въ 543 году въ Монте-Кассинскую обитель посольство съ просьбой прислать въ его епархію монаховъ изъ Монте-Кассино. На эту просьбу святой аббатъ согласился съ радостью. Онъ выбралъ изъ своей братіи нѣсколько выдающихся иноковъ и поставилъ во главѣ ихъ знаменитѣйшаго изъ своихъ учениковъ, по имени Мавра. Когда среди монастырскихъ обитателей распространилось извѣстіе о выборѣ нѣсколькихъ монаховъ и отправленіи ихъ за предѣлы Италіи, всѣ пріуныли въ виду предстоящей разлуки съ любимыми людьми. Самъ аббатъ, не смотря на всю силу воли, чувствовалъ сердечную боль при одной мысли о разлукѣ съ любимѣйшимъ ученикомъ своимъ. Онъ со-

*) Erasi sparsa in Francia la fama di Monte-Cassino, e della nuova Regola che mirabilmente conduceva gli spiriti a perfezione evangelica. *Tosti*. Storia della Badia di Monte-Cassino.

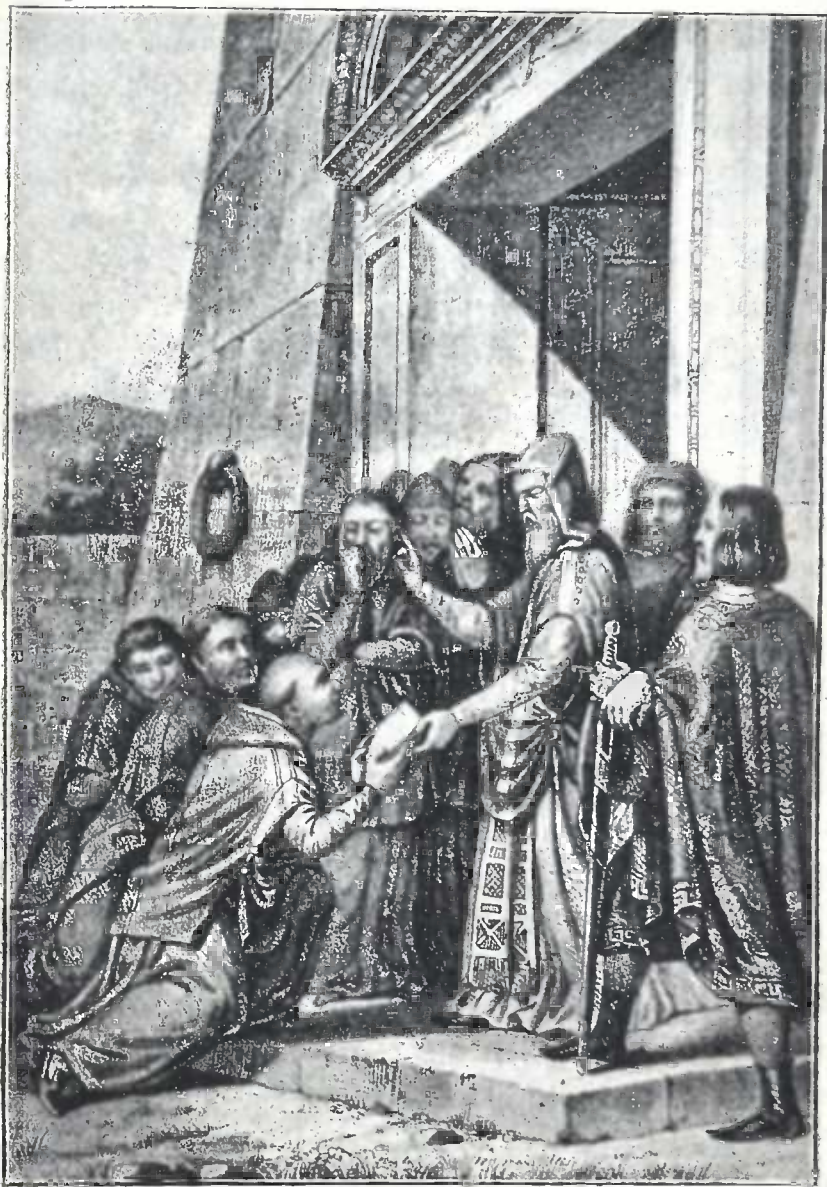
звалъ всѣхъ монаховъ, объяснилъ значеніе совершившагося событія и обратился ко всѣмъ присутствующимъ со словами утѣшенія. „Если кто изъ насъ, дорогіе братья и дѣти мои, долженъ испытывать огорченіе при разлукѣ и чувствовать особенную тяжесть, такъ это — я. Мнѣ тяжело не только разлука съ дорогими моему сердцу, мнѣ тяжело сознаніе, что я теряю въ нихъ свою опору, въ которой при настоящихъ обстоятельствахъ я сильно нуждаюсь. Но вы уже долгое время были наставляемы въ ученіи о милосердіи, которе повелѣваетъ своимъ собственнымъ выгодамъ предпочитать выгоды другихъ людей. Перестаньте плакать. Никакія разстоянія не могутъ разъединить тѣхъ, кого соединяють крѣпкія узы милосердія“. Послѣ этого онъ обратился къ инокамъ, отправляющимся въ далекій путь, и сказалъ имъ: „а вы, которыхъ Богъ предназначаетъ къ святому служенію, будьте мужественны; чѣмъ больше невзгодъ вынесете вы ради Христа, тѣмъ лучше будетъ та награда, которая ожидаетъ васъ; идите же твердою стопой къ намѣченной цѣли, служите святой религіи. Хотя бы и смерть вскорѣ разлучила меня съ вами, не падайте духомъ“... Послѣ этого они подошли подѣ благословеніе своего аббата и получили отъ него книгу, заключающую въ себѣ „Правило жизни монашеской“ *). Потомъ они распростились съ товарищами и начали спускаться съ горы. Долго смотрѣли имъ вслѣдъ и аббать, и братія, оставшаяся въ монастырѣ, смотрѣли до тѣхъ поръ, пока уходящіе не скрылись изъ виду. Тогда каждый обратился къ своему обычному занятію, хотя у cadaго изъ нихъ тоска сжимала сердце и, какъ камень, давила грудь.

Но Св. Бенедиктъ обладалъ любящею душою; онъ

*) Описанный моментъ изображенъ на рисункѣ.

не могъ ограничиться только однимъ торжественнымъ, такъ сказать, официальнымъ прощаньемъ. Скоро же, на

мѣстѣ первой своей остановки, путешественники снова почувствовали близость святого человѣка. Они остановились въ одномъ изъ монастырскихъ помѣстій и здѣсь

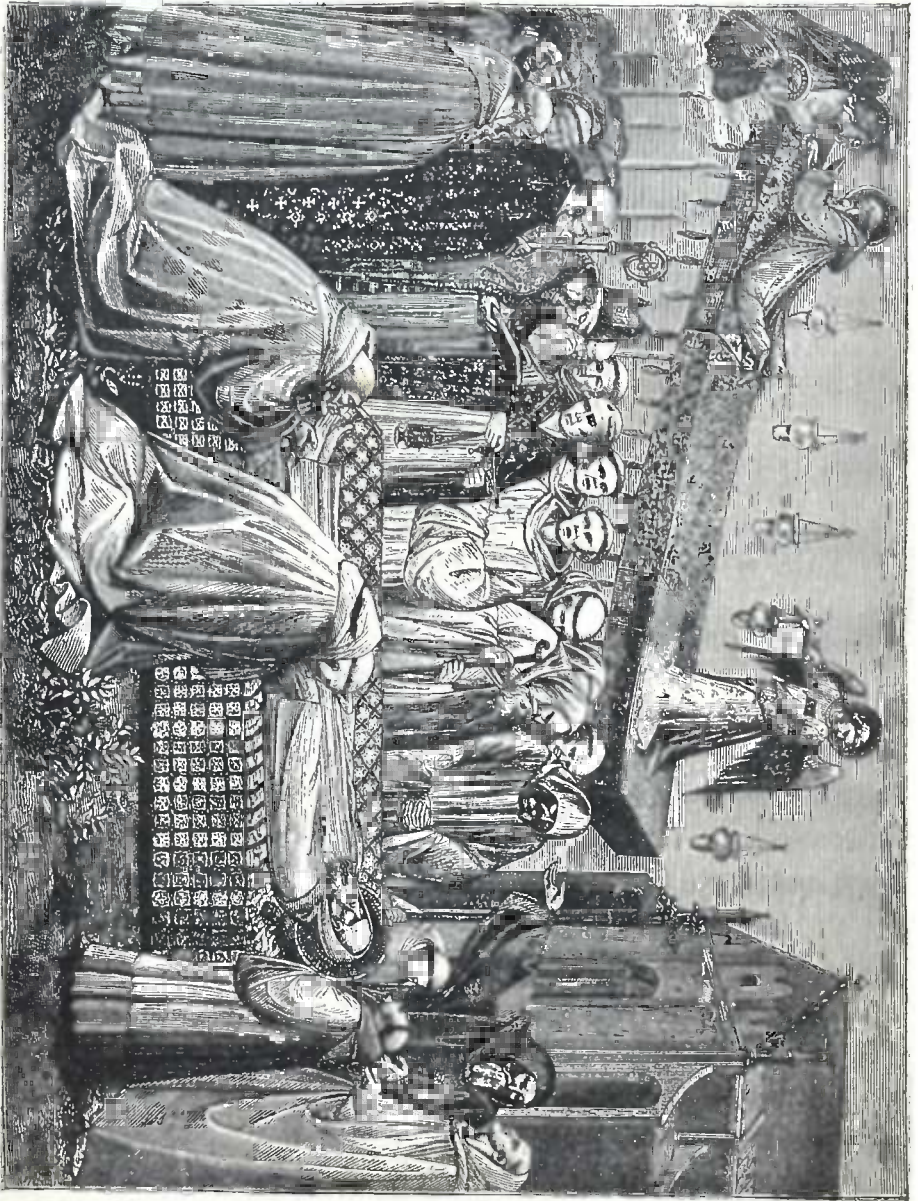
совершенно неожиданно встрѣтили двухъ Монте-Кассинскихъ иноковъ. Святой аббатъ прислалъ ихъ сюда еще наканунѣ вечеромъ, чтобы они встрѣтили путниковъ и позаботились о нихъ. Ночью, когда всѣ они молились, изъ монастыря пришли еще два инока. Они принесли съ собою ларчикъ изъ слоновой кости, въ которомъ были заключены священные реликвіи и прощальное письмо аббата къ его любимому ученику Мавру. „Прими, мой дорогой сынъ,— писалъ онъ — этотъ послѣдній залогъ моей любви. Пусть онъ будетъ для твоихъ спутниковъ и для тебя самого предметомъ утѣшенія и поддерживаетъ васъ во всѣхъ тѣхъ бѣдствіяхъ, которыя предстоятъ вамъ. Много препятствій вы встрѣтите на пути своемъ, но Богъ будетъ бодрствовать надъ вами, и предпріятіе ваше кончится счастливо“. Напутствуемые новымъ благословеніемъ своего добраго аббата, иноки пошли впередъ, къ далекой цѣли своего странствованія.

Послѣ кормилицы Кириллы самую сердечную привязанностью Св. Бенедикта пользовался инокъ Мавръ. Святой пожертвовалъ и эту привязанностью. Но у него оставался еще одинъ, послѣдній предметъ земной любви. То была его родная сестра Схоластика. Увлекаемая примѣромъ своего брата, Схоластика основала женскій бенедиктинскій монастырь, по образцу котораго создались всѣ остальные женскіе монастыри того же ордена. Монастырь этотъ былъ расположенъ въ долинѣ, въ разстояніи одной съ половиной мили отъ подошвы Монте-Кассинской горы. Схоластика ходила на свиданіе съ братомъ. Чтобы избавить ее отъ труднаго восхода на вершину горы, а также и для того, чтобы не нарушать своего собственнаго устава, возбраняющаго женщинамъ входъ въ монастырь, святой, при всякомъ посѣщеніи сестры, спускался съ вершины на встрѣчу ей. Ихъ свиданія про-

исходили обыкновенно на нижней части горы, въ маленькой кельѣ. Последнее свиданіе брата съ сестрой легенда украсила поэтической подробностью. И въ этотъ разъ святой, по обыкновенію, спустился до келейки, въ сопровожденіи нѣсколькихъ монаховъ. Быстро протекло время въ благочестивыхъ бесѣдахъ, и, при наступленіи вечера, они поужинали вмѣстѣ. Настало время различиться другъ съ другомъ. Какъ будто предчувствуя, что больше она не увидится съ братомъ на этомъ свѣтѣ, Схоластика стала просить брата, чтобы онъ не уходилъ. „Дорогой мой братъ! говорила она. Я умоляю тебя, проведи эту ночь со мною, потолкуемъ, побесѣдуемъ до утра о радостяхъ небесной жизни“. Братъ отвѣчалъ ей:—что ты говоришь, сестра? я никакъ не могу провести ночь внѣ монастыря.—А небо было ясное, на немъ не было видно ни одного облачка. Тогда Схоластика, опечаленная отказомъ, оперлась локтями о столъ, склонила голову къ рукамъ и стала горячо молиться Богу. И Богъ услышалъ молитву ея. Когда Схоластика подняла голову, небо покрылось мрачными тучами и разыгралась страшная гроза. Полился проливной дождь, за сверкала ослѣпительная молнія, загрохоталъ громъ, которому вторило эхо долинъ и пещеръ. О возвращеніи въ монастырь нельзя было и думать, такъ какъ дороги сдѣлались совершенно непроходимыми. Святой видѣлъ это и въ глубокой скорби сказалъ своей сестрѣ:—да пощадитъ тебя Всемогущій Богъ, сестра; что это ты сдѣлала?—Сестра отвѣчала ему: „вотъ, я тебя просила, но ты не хотѣлъ слушать меня; попросила Моего Господа, и Онъ услышалъ меня. Если только можешь, выходи и, отпустивши меня, возвратись въ монастырь“ *).

*) *Св. Григорій Двоесл. Собесѣдов., кн. II, гл. 33*

любовь сестры совершила чудо. До самого разсвѣта провели они время въ бесѣдахъ о вѣчной жизни. Спустя

три дня Схоластика умерла. Скоро послѣдовалъ за нею и Св. Бенедиктъ.

Почувствовавъ приближеніе своей смерти, святой при-
звалъ монахамъ открыть гробницу, приготовленную имъ
вѣнчанъ. Послѣ этого его стала мучить лихорадка, кото-
рая въ шесть дней свела его въ могилу. Въ самый часъ
смерти своей онъ велѣлъ инокамъ отнести его въ цер-
ковь Іоанна Крестителя, тамъ приобщился Тѣла и Крови
Христовой и умеръ стоя, съ поднятыми къ небу руками.
Святые епископы окружали и поддерживали его, заливаясь сле-
зами. Умеръ онъ 21 Марта 543 года.

Въ день смерти Св. Бенедикта — рассказываетъ папа
Григорій Великій — двоимъ изъ его учениковъ, одному
находящемуся въ монастырѣ, а другому бывшему вдали
отъ него, явилось одно и то же видѣніе. Они видѣли
всплывающую отъ земли къ небесному своду, отъ мо-
настыря къ востоку дорогу, устланную одеждами и оза-
вѣненную безчисленнымъ множествомъ яркихъ свѣтильни-
ковъ. Мужъ въ свѣтломъ одѣяніи предсталъ передъ
собранными иноками и спросилъ ихъ: „чья это—до-
рога?“ Они не могли дать отвѣта, и свѣтлый мужъ ска-
залъ имъ: „это — путь, по которому восходитъ на небо
любленный Господу Бенедиктъ“ *).

Правило жизни монашеской.

Въ правилѣ называется уставъ, составленный Св. Бене-
диктомъ и впервые примененный имъ въ Монте-
Кассинскомъ монастырѣ. По образцу общины Монте-
Кассинской въ скоромъ времени стали основываться всѣ
нашескія общины въ Западной Европѣ. Онъ сдѣлался,

*) Св. Григорій Двоесл. Собесѣд. кн. II, гл. 37. Это видѣніе изображено
прилагаемомъ рисункѣ, представляющемъ копию съ фрески Спиналли изъ
Ассизи.

подвергаясь въ разное время извѣстнымъ измѣненіямъ, единственнымъ обязательнымъ для всего западнаго монашества уложеніемъ. До появленія и распространенія „Правилъ“ западные монахи слѣдовали различнымъ уставамъ, занесеннымъ съ Востока, какъ на примѣръ, уставу Св. Василія Великаго, или же руководствовались обычаями, заимствованными у монаховъ Египта и Сиріи, сводъ которыхъ былъ сдѣланъ въ первой половинѣ V вѣка Кассіаномъ. Въ то время существовала полная свобода избирать себѣ такой или иной образъ жизни, и отсутствіе извѣстнаго, общеобязательнаго закона порождало различныя безпорядки. Монахи составляли какой-то особый классъ людей, которые отдѣлялись отъ общества свѣтскаго и не примыкали къ духовному, даже сторонились отъ послѣдняго. Здѣсь они жили цѣлыми общинами подъ управленіемъ настоятеля; въ другомъ мѣстѣ встрѣчались общины и безъ настоятелей; иногда собирались въ одномъ мѣстѣ всего два или три монаха, не подчинявшіеся ни правилу, ни настоятелю; существовалъ особый видъ монаховъ-скитальниковъ, которые постоянно перекочевывали съ мѣста на мѣсто и отличались крайней безпорядочностью своей жизни; наконецъ, подъ вліяніемъ Востока, появились отшельники или пустынники, доходившіе иногда до самыхъ рѣзкихъ проявленій самоистязанія: они замуравывались въ такихъ тѣсныхъ пространствахъ, что могли поворачиваться лишь съ большимъ трудомъ, стояли на столбахъ и т. п. Объединить монашествующихъ, собрать ихъ подъ сѣнью одного общеобязательнаго правила, внести въ ихъ среду одинъ всѣмъ общій порядокъ—вотъ цѣли, которыми задался Св. Бенедиктъ, приступая къ составленію своего „Правилъ“. Но онъ не сразу пришелъ къ этой мысли, а сначала и самъ подчинился современному направле-

нію. Онъ, можно сказать, самъ пережилъ главнѣйшіе виды монашеской жизни, начавъ съ затворничества. Но скоро онъ убѣдился личнымъ опытомъ въ несовершенствѣ существующихъ формъ и создалъ свое знаменитое „Правило“. Такимъ образомъ, „Правило жизни монашеской“—лучшій источникъ для ознакомленія съ духомъ западнаго монашества. Съ другой стороны, оно раскрываетъ передъ нами внутреннія убѣжденія, душу самого законодателя. „Оно является какъ бы зеркаломъ, въ которомъ цѣликомъ отражается душа Св. Бенедикта; такъ лучи благодѣтельнаго свѣтила, отраженные и умноженные прозрачною и движущеюся поверхностью воды, становятся болѣе доступными для взоровъ созерцателей“.

Правило Св. Бенедикта состоитъ изъ введенія и *семидесяти трехъ* главъ. Изъ нихъ.

9 главъ касаются общихъ (нравственныхъ) обязанностей монастырской братіи.

13 главъ трактуютъ объ обязанностяхъ религиозныхъ, о богослуженіи;

29 главъ относятся къ монастырской дисциплинѣ: въ нихъ идетъ рѣчь о проступкахъ, о наказаніяхъ;

10 главъ посвящаются вопросамъ о внутреннемъ монастырскомъ управленіи;

наконецъ, остальные 12 главъ касаются разныхъ обстоятельствъ обыденной жизни (пріема гостей, избранія аббата, поведенія братіи во время путешествій и т. д.).

Прежде всего остановимъ свое вниманіе на небольшихъ, но заключающихъ въ себѣ существенныя положенія, отрывкахъ изъ введенія. „Слушай сыне *),—такъ

*) На средневѣковыхъ миниатюрахъ и иконахъ, представлявшихъ Св. Бенедикта, первые два слова „слушай сыне“ (ausculta, o fili) всегда писались на книгѣ, съ которою въ рукахъ изображался художниками Св. Бенедиктъ.

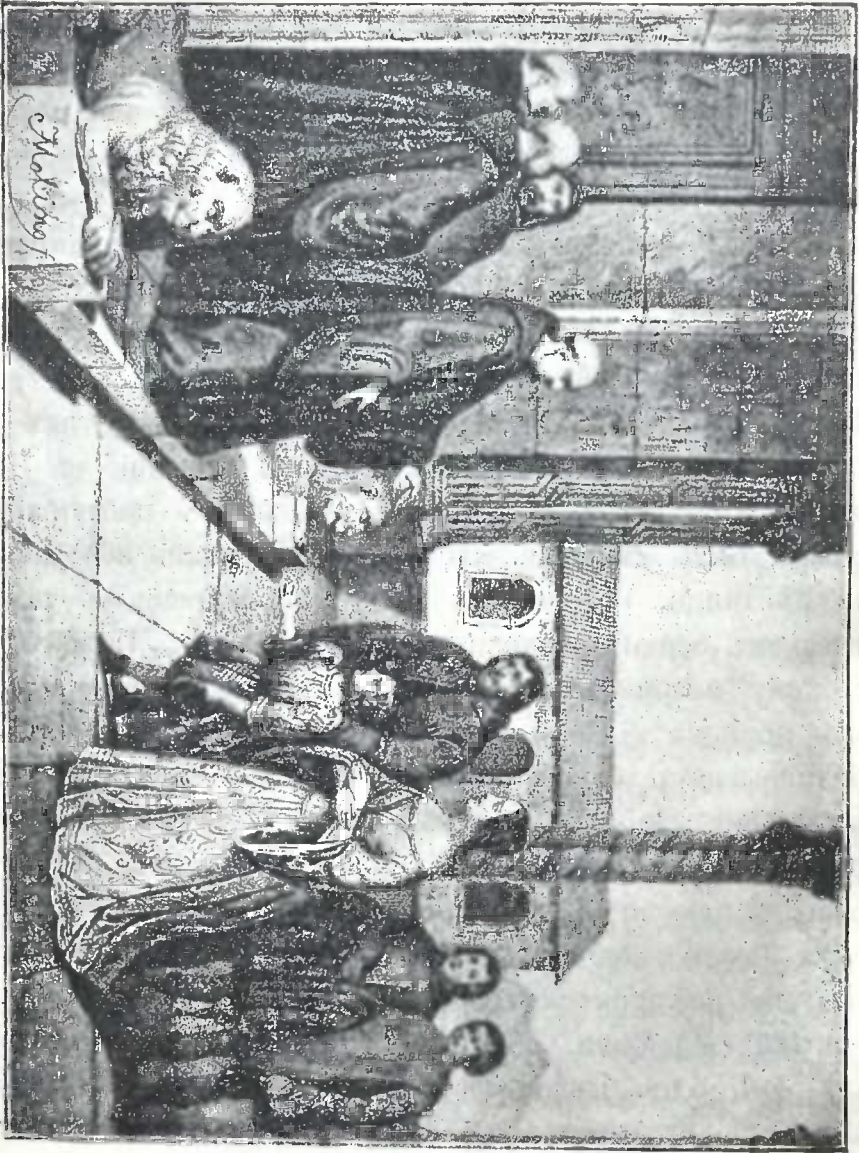
начинается оно — наставленія учителя и склони къ нему слухъ сердца своего; безъ боязни прими совѣтъ отъ добраго отца и точно осуществи его на дѣлѣ, съ тѣмъ чтобы послушаніе въ соединеніи съ трудолюбіемъ снова привело тебя къ Тому, отъ Кого удалили тебя непослушаніе и изнѣженность. Къ тебѣ обращаюсь я съ настоящею рѣчью, кто бы ты ни былъ, если только, отказываясь отъ своей собственной воли и приготовляясь нести службу Истинному Царю, Господу Іисусу Христу, ты берешь въ руки крѣпкое и славное оружіе послушанія“... „Воспрянемъ же—говорится въ другомъ мѣстѣ — въ отвѣтъ на побужденіе, съ которымъ обращается къ намъ Св. Писаніе „вотъ наступилъ часъ пробудиться отъ сна“. Открывши свои глаза подъ воздѣйствіемъ свѣта Божьяго, напрягши внимательно слухъ свой, выслушаемъ возгласъ божественный, который звучитъ ежедневно: „приди ко мнѣ, сынъ мой, послушайся меня, страху Господнему научу тебя. Спѣши, пока еще сіяетъ въ тебѣ свѣтъ жизни, пока тѣни ночи не объяли тебя“... „Господь ждетъ во всѣ дни, чтобы мы откликались на его святыя наставленія своими дѣлами“... „Мы желаемъ—говоритъ конецъ введенія—учредить школу служенія Господу и надѣмся, что не внесли въ это учрежденіе ничего суроваго и трудно переносимаго; если же тутъ и найдется что-нибудь, по справедливости, слишкомъ суровое для кары за пороки и поддержанія добродѣтели то не отвращайся изъ-за этого отъ пути спасенія: въ началѣ своемъ онъ всегда узокъ, но, по мѣрѣ успѣховъ въ правильной жизни и вѣрѣ, сердце расширяется, и человекъ съ неизрѣченною сладостью идетъ по пути заповѣдей Божіихъ“. Изъ этихъ отрывковъ уже можно заключить, что главными положеніями „Правила жизни монашеской“ являются послушаніе и трудъ. Эти главнѣй-

шія положенія проходятъ красною нитью черезъ все правило.

Монахъ долженъ пожертвовать своею волей и повиноваться не только начальникамъ, но желаніямъ и просьбамъ своихъ братьевъ (товарищей). „Если случится, что брату будетъ приказано что-нибудь трудное или невозможное, онъ долженъ выслушать это повелѣніе скромно. Если онъ видитъ, что дѣло совершенно превышаетъ его силы, пусть прилично и спокойно изложитъ причину неисполнимости тому, кто стоитъ надъ нимъ, безъ гордыни, сопротивленія или спора. Если послѣ этого замѣчанія настоятель останется при своемъ мнѣніи и не отмѣнитъ приказанія, пусть братъ знаетъ, что такъ и должно быть, и повинуется, возлагая упованіе на Божию помощь“. Необходимымъ спутникомъ послушанія должно быть смиреніе. „Наша земная жизнь все равно что лѣстница, которая, начинаясь въ смиренномъ чловѣческомъ сердцѣ, доходитъ до самаго неба... Подняться къ нему можно только по ступенямъ смиренія и строгаго порядка“. Но если Правило, съ одной стороны, предписываетъ строжайшее послушаніе, оно требуетъ, съ другой стороны, отъ аббата, чтобы онъ отдавалъ приказанія, согласныя съ Закономъ Божиимъ. Аббатъ долженъ примѣняться къ характерамъ лицъ, составляющихъ братію; однако, никоимъ образомъ не долженъ полагать различія между знатными и незнатными, свободными и рабами, богатыми и бѣдными. „Всѣ мы составляемъ одно цѣлое во Христѣ,—продолжаетъ Правило—всѣ мы несемъ на себѣ одну и ту же службу подъ главенствомъ Господа“. Изъ самоотреченія совершенно естественно вытекало отреченіе отъ всякой личной собственности. Правило смотритъ на личную собственность, какъ на самый существенный порокъ, кото-

рый слѣдуетъ вырвать изъ монастыря съ корнемъ. Всякій, поступающій въ монашескую среду, долженъ былъ

публично отказаться отъ своего имущества въ пользу родственниковъ, или бѣдныхъ, или монастыря. Монахъ не можетъ имѣть въ качествѣ собственности ничего. — „ни

книги, ни табличекъ для письма, ни стилета“, но все получать отъ аббата для временнаго пользованія. Но могло случиться, что родители знатныхъ юношей, поступившихъ въ число иноковъ, въ своемъ духовномъ завѣщаніи оставляютъ часть своего имущества монашествующему сыну. Св. Бенедиктъ предусмотрѣлъ такую возможность особенной главой своего правила. Всякій патрицій, приводившій своего сына въ монастырь *), былъ обязанъ поклясться въ томъ, что его сынъ, сдѣлавшійся монахомъ, никогда не получитъ имущества ни отъ него лично, ни черезъ какое-бы то ни было посредничество. Родители могли пожертвовать свое имущество всему монастырю, удерживая за собою право пожизненнаго пользованія доходами, приносимыми этимъ имуществомъ.

Что касается другого основнаго положенія Правила, положенія объ обязательности труда, въ этомъ отношеніи Св. Бенедиктъ произвелъ въ монашеской жизни великій и благодѣтельный переворотъ. Онъ обязалъ монаховъ заниматься физическимъ трудомъ, земледѣліемъ. Хотя требованіе труда выставлялось и прежними монастырскими уставами, но Св. Бенедиктъ впервые обратилъ на него особенное вниманіе, опредѣлилъ его въ большихъ подробностяхъ. Благодаря этому, бенедиктинскіе монахи много способствовали развитію земледѣлія въ Западной Европѣ. „Послѣ королевскихъ помѣстій—говоритъ одинъ нѣмецкій изслѣдователь—сельское хозяйство велось всего лучше въ монастырскихъ имѣніяхъ; германское солнце прежде всего въ монашескихъ садахъ нарумянило персики и абрикосы, и въ нихъ же расцвѣли впервые бѣлая лилія и цышная роза рим-

*) Относящійся сюда рисунокъ изображаетъ Аквинскаго графа Ландольфа и его супругу Теодору, приводящихъ своего сына въ монастырь, для посвященія его на служеніе Богу.

лянь "... „Колонія, рой монаховъ,—говорить Гизо,—начала въ небольшомъ числѣ, приходили въ совершенно или почти неразработанную мѣстность, часто въ среду языческаго населенія, напримѣръ, въ Германіи, нѣ Бретани, и тамъ — миссіонеры и земледѣльцы заразъ — они совершали свое двойное дѣло, часто съ одинаковымъ трудомъ и опасностью“. Праздность — врагъ души (*otiositas inimica est animae*). Изъ этого главнаго положенія *) и исходитъ составитель правила. На ручную работу онъ отдѣляетъ семь часовъ въ день. Брату, который тратитъ время, назначенное для работы, попусту, предстоитъ строгое взысканіе. „Если по бѣдности монастыря монахамъ придется самимъ убирать жатву, пусть они не огорчаются; они только тогда и могутъ считаться настоящими монахами, если живутъ трудами своихъ рукъ, какъ жили наши отцы и апостолы“ **). Правило Св. Бенедикта отличается своею гуманностью. Говоря о необходимости работы, законодатель прибавляетъ, что и въ работѣ слѣдуетъ соблюдать мѣру, такъ какъ есть люди слабаго здоровья, слабосильные ***), къ таковымъ слѣдуетъ относиться снисходительнѣе, задавать имъ работы лишь соразмѣрныя съ ихъ силами. Величайшую заслугу Св. Бенедикта составляетъ обязательность чтенія; на чтеніе онъ назначилъ также извѣстное время и на уклоненіе отъ чтенія смотрѣлъ такъ же, какъ на уклоненіе отъ ручнаго труда.

*) Вотъ какъ говоритъ объ этомъ глава 48-ая: „*otiositas inimica est animae. Ideo certis temporibus occupari debent fratres in labore manuum, certis iterum horis in lectione divina*“... Праздность — врагъ души, а потому въ извѣстное время братья должны заниматься ручнымъ трудомъ, извѣстное число часовъ — чтеніемъ Св. Писанія.

***) *Si autem necessitas loci aut paupertas exegerit, ut ad fruges colligendas per se occupentur, non contristentur; quia tunc vere Monachi sunt si labore manuum suarum vivant, sicut et Patres nostri et Apostoli.*

***) *Omnia autem mensurate fiant propter pusillanimes.*

Возставая противъ лѣности, Правило вооружается и противъ духа гордыни. Въ этомъ отношеніи особенно интересна 57 глава. Вотъ что говорится въ ней: „если есть въ монастырѣ какіе-нибудь ремесленники, и если кто-либо изъ нихъ возгордится знаніемъ своего ремесла... пусть заставятъ его заниматься другимъ ремесломъ, пока онъ не сдѣлается смиреннымъ“.

Что касается религіозныхъ обязанностей братіи, Правило устанавливаетъ ихъ съ большими подробностями. Пѣніе и продолжительность божественной службы оно ставитъ въ зависимость отъ времени года. Весь псалтирь обязательно прочитывается въ продолженіе недѣли. Ночью монахи встаютъ для служенія всеобщей: кромѣ того, въ теченіе сутокъ они еще шесть разъ собираются на молитву. Присутствовать на богослуженіи обязаны всѣ, за исключеніемъ тѣхъ, которые находятся въ отлучкѣ по какому-нибудь монастырскому дѣлу, но и они, находясь, положимъ, въ дорогѣ во время церковной службы, должны мысленно перенестись въ обитель, склониться на колѣни и прочесть установленныя молитвы. О молитвѣ Правило Св. Бенедикта говоритъ слѣдующее: „будемъ, братья мои, увѣрены въ томъ, что мы должны обращаться къ Господу не съ длинными рѣчами, но съ чистымъ сердцемъ и горькими слезами. Необходимо, чтобы молитва была коротка и чиста, особенно коротка тогда, когда совершается въ собраніи“.

Провинившіеся иноки наказываются, по уставу Св. Бенедикта, различно, смотря по степени проступка. Всѣ наказанія представляютъ послѣдовательную скалу, постепенно усиливаются, по мѣрѣ усиленія вины. Непокорный, строптивый братъ, не желающій исполнять въ точности правила, прежде всего подвергается выговору разъ

или два раза, сперва наединѣ, а потомъ въ собраньи. Если и послѣдній выговоръ не помогаетъ, провинившійся братъ или наказывается ударами, или изгоняется изъ монастыря. Какіе-нибудь незначительные проступки наказываются лишеніемъ права участвовать за общую трапезою, болѣе серьезные — лишеніемъ права участвовать въ общей молитвѣ. И то, и другое лишеніе продолжается лишь извѣстный, опредѣленный срокъ. Лишеніе это должно было дѣйствовать на провинившагося тѣмъ сильнѣе, что съ нимъ за это время никто не здоровался, никто не говорилъ. Лишенный права участвовать въ общей молитвѣ долженъ былъ во время послѣдней ложиться у порога, такъ, чтобы всѣ выходящіе переступали черезъ него. Но не слѣдуетъ представлять себѣ, что провинившійся только наказывался. Самое наказаніе, конечно, должно было оказывать на него извѣстное дѣйствіе, но Св. Бенедиктъ постановилъ, чтобы къ наказуемому посылались старые иноки и старались уговорить его, объяснить ему вину, спасти его отъ окончательнаго паденія. Если ни прежнія наказанія, ни тайныя увѣщанія старцевъ не дѣйствовали на него, только тогда прибѣгали къ бичеванью. Провинившійся инокъ, на котораго не дѣйствовало и послѣднее, крайнее средство, — къ нему, какъ видно, прибѣгали неохотно — выгонялся изъ монастыря. Но, предписывая самую строгія взысканія, Св. Бенедиктъ не переставалъ быть гуманнѣе. Его Правило позволяетъ исключенному иноку опять вернуться въ монастырь, подъ условіемъ полнаго раскаянія. Такое возвращеніе могло повторяться три раза, послѣ чего, въ случаѣ неисправимости, монахъ изгонялся навсегда изъ святой обители.

Зная по собственному опыту всю трудность самоотверженія, Св. Бенедиктъ не желалъ, чтобы монастыри

пополнялись всѣми приходящими въ нихъ, безъ разбору. Какъ же вообще пополнялись тогда монастыри? Кандидатами на монашескую жизнь были: дѣти, посвященныя Богу родителями своими или взятыя въ монастырь изъ милосердія самими монахами, и молодые люди или люди зрѣлаго возраста, приходившіе къ монастырскимъ воротамъ съ просьбою о принятіи ихъ въ число иноковъ. Дѣти, тѣмъ или инымъ способомъ попадавшія въ монастырь, получали соотвѣтствующее воспитаніе, жили въ обители долгіе годы и подвергались обстоятельному наблюдению со стороны аббата и братіи. Характеръ cadaго изъ такихъ лицъ былъ очень хорошо извѣстенъ. Съ точки зрѣнія законодателя такіе кандидаты являются вполне подходящими для обители. Что же касается кандидатовъ второго рода, т. е. лицъ, приходившихъ со стороны, Св. Бенедиктъ не слишкомъ поощряетъ ихъ. Онъ опредѣленно предписываетъ не открывать монастырскихъ воротъ въ продолженіе 4—5 дней тѣмъ лицамъ, которыя стучатся въ нихъ съ тѣмъ, чтобы навсегда поселиться въ обители. Такое предписаніе имѣетъ въ виду испытать силу рѣшимости упомянутыхъ лицъ. И дѣйствительно, если у какого-нибудь человѣка намѣреніе поступить въ монастырь зародилось совершенно случайно, подъ впечатлѣніемъ внезапно нахлынувшего чувства, внезапно обрушившагося бѣдствія, неожиданнаго и потрясающаго зрѣлища, время успокоить его. Чтобы приходиться въ теченіе 4 или 5 дней къ монастырскимъ воротамъ и стучаться въ нихъ, не смотря на безучастное отношеніе монастырскихъ обитателей, нужно имѣть уже болѣе или менѣе обдуманную рѣшимость. Представимъ себѣ, что подобный человѣкъ нашелся, что онъ почти не отходитъ отъ монастыря и стучится въ его ворота

и днемъ, при ослѣпительномъ блескѣ солнца, и ночью, когда

... звѣзды, искрясь и свѣтлѣя,
Сквозь вѣтви темныя глядятъ.

Тогда передъ нимъ раскрываются ворота обители, но на первое время его помѣщаютъ въ особое зданіе, предназначаемое для гостей, въ монастырскую гостиницу. Въ этомъ мѣстѣ онъ обязанъ прожить еще нѣсколько дней. Только въ томъ случаѣ, если онъ оставался при своемъ прежнемъ намѣреніи, его переводили отсюда въ помѣщеніе для послушниковъ. Какое теплое, гуманное отношеніе къ человѣку! Какое благоговѣйное отношеніе къ монашескимъ обѣтамъ, къ монастырскому уставу! И въ самомъ дѣлѣ, молодой человѣкъ, поспѣшившій произнести тяжелые обѣты, могъ призадуматься, пожалѣть, раскаяться въ опрометчивомъ поступкѣ. Сама природа, его окружающая, роскошная природа нашептывала бы ему слова раскаянья. Золотые солнечные лучи, падающіе на каменные плиты монастырской веранды сквозь живую древесную сѣнь, нѣжно воркующіе голуби, залетѣвшіе въ эту поэтическую веранду, манили бы его къ свободѣ, къ мірской жизни. Вотъ почему молодой человѣкъ, ищущій монашеской жизни, былъ долженъ по уставу Св. Бенедикта, прожить цѣлый годъ въ качествѣ послушника. За нимъ постоянно наблюдаетъ старый и опытный монахъ, которому поручено внимательно изучить его склонности и характеръ, а также познакомить его съ непріятностями, трудностями и униженіями, неизбѣжно встрѣчающимися на пути послушанія. Если онъ все-таки остается при своемъ желаніи въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, ему читаютъ все Правило и оканчиваютъ это чтеніе словами: „вотъ законъ, повинуюсь которому, ты хочешь служить; если ты можешь соблюдать его, всту-

пай въ наше общество, а если не можешь, уходи; ты — свободенъ“ *). Чтеніе устава повторяется въ продолже-

ніе года три раза. Если по прошествіи назначеннаго уставомъ срока, послушникъ остается при своемъ стрем-

*) *Ecce lex, sub qua militare vis: si potes observare, ingredere; si vero non potes, liber discede. Reg. cap. 58.*

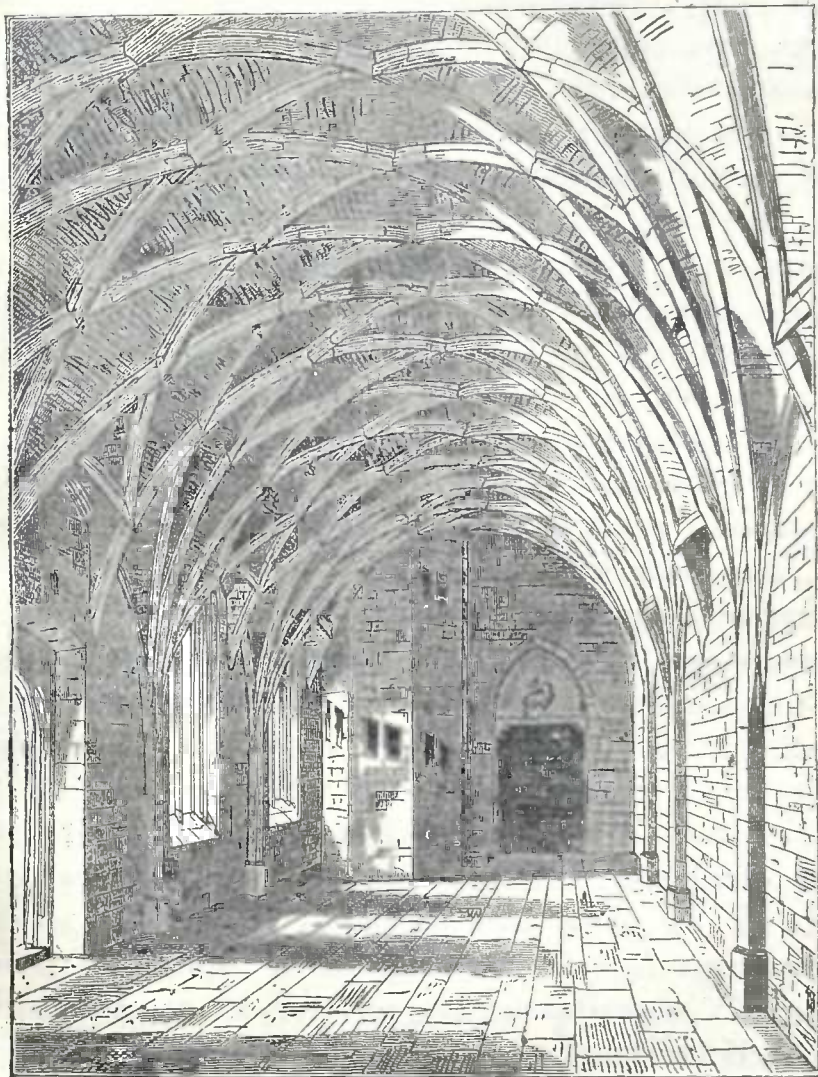

лени, онъ уже лишается права уйти изъ монастыря. „Пусть знаетъ онъ, — говоритъ Правило, — что съ этого дня онъ уже не имѣетъ власти даже надъ собственнымъ тѣломъ“ *). По окончаніи искуса, послушника приводятъ въ монастырскую церковь, гдѣ собирается и вся братія. Здѣсь онъ торжественно клянется передъ Богомъ и святыми Его, что будетъ всегда пребывать въ монастырѣ, навсегда измѣнить прежній образъ жизни и будетъ всегда послушенъ волѣ старшихъ подъ угрозой вѣчнаго осужденія. Произнося клятву, онъ называетъ имена всѣхъ святыхъ, реликвиі которыхъ хранятся въ монастырскихъ мощехранилищахъ. Но устной клятвы недостаточно. Онъ пишетъ своею рукою росписку, которую и кладетъ на алтарь. Это, конечно, самый главный моментъ обряда. Всѣ присутствующіе монахи три раза восклицаютъ: слава Богу! Тогда вновь вступающій становится на колѣни передъ каждымъ изъ нихъ съ просьбой помолиться объ немъ. Только послѣ этого на него надѣваютъ монашеское платье т. е. длинную тунику съ капюшономъ, поясъ и наплечникъ, покрывающій плечи и грудь и ниспадающій до колѣнъ **). Теперь онъ становится членомъ общины. Его прежнюю свѣтскую одежду обыкновенно уносили въ монастырскую гардеробную, чтобы сохранить ее тамъ на всякій случай.

*) Ex illo die nec proprii corporis potestatem se habiturum sciat. Reg. cap. 58.

***) Наплечникъ употребляется преимущественно при исполненіи полевыхъ работъ. Что касается цвѣта одежды, правило не даетъ никакого отвѣта на этотъ вопросъ: очевидно, Св. Бенедиктъ не придавалъ большого значенія внѣшности монашеской. Правило даже рекомендуетъ монахамъ, по какому-нибудь дѣлу выходящимъ изъ монастыря, надѣвать такой костюмъ, который не бросался бы слишкомъ рѣзко въ глаза мірянамъ. Болѣе подробныхъ указаній въ Правилѣ не имѣется. Основываясь на старинныхъ изображеніяхъ, предполагаютъ, что туника была бѣлаго цвѣта, а наплечникъ — чернаго. Рисунокъ на стр. 37 изображаетъ древняго бенедиктинца.

Монашеская община управляется аббатомъ *). Онъ избирается братіею, но разъ избранный получаетъ въ свои руки почти неограниченную власть и сохраняетъ ее

до самой своей смерти. Въ Правилѣ Св. Бенедикта есть нѣсколько положеній, касающихся обязанностей аббата.

*) Слово *аббатъ* происходитъ отъ еврейскаго *ав* или сирійскаго *авва*, что означаетъ *отецъ*.

Аббатъ — говорить оно — долженъ постоянно помнить, что онъ занимаетъ мѣсто Христа и долженъ будетъ отдать Богу отчетъ за своихъ подчиненныхъ. Онъ долженъ учить болѣе примѣрами, чѣмъ рѣчами, а любить всѣхъ равно, безъ лицепріятія — и крѣпостного, и свободнаго. Главныя заботы его должны направляться не къ тому, чтобы увеличивать преходящія богатства обители, а къ тому, чтобы правильно руководить ввѣреннымъ ему стадомъ и дѣлать его счастливымъ. Правило, предоставляя аббату, въ сущности, неограниченную власть, въ то же самое время обязываетъ его спрашивать мнѣнія у братіи, совѣщаться съ нею: въ болѣе серьезныхъ случаяхъ со всѣми, въ маловажныхъ только со старцами. Если аббатъ обращается ко всѣмъ монахамъ по тому или другому вопросу, они составляютъ его совѣтъ или такъ называемый капитулъ *). Вотъ какъ выражается Правило по этому вопросу. „Всякій разъ, когда въ монастырѣ возникаетъ какой-либо важный вопросъ, пусть аббатъ созоветъ всю свою паству и скажетъ имъ прежде всего, по какой причинѣ онъ созвалъ ихъ. Пусть онъ выслушаетъ всѣхъ братьевъ, затѣмъ обдумаетъ ихъ мнѣнія одинъ и поступитъ такъ, какъ сочтетъ полезнѣе. На совѣтъ, какъ я сказалъ, слѣдуетъ созывать всю братію, даже младшихъ, потому что Богъ нерѣдко младшему влагаетъ въ душу лучшій совѣтъ **). Братья должны высказывать свое мнѣніе смиренно и отнюдь не позволять себѣ дерзко защищать то, что имъ покажется лучшимъ. Постоянный совѣтъ при аббатѣ состоитъ изъ декановъ, избранныхъ братіей и удостоившихся выбора

*) Монастырскія залы, въ которыхъ происходили общія собранія, назывались капитульными. Рисунокъ на стр. 39 изображаетъ капитульную залу въ Бебенгаузенскомъ монастырѣ.

***) Omnes ad consilium vocari diximus, quia saepe juniore Dominus revelat, quod melius est.

своими заслугами. Съ ихъ согласія аббатъ можетъ назначать *пріора* (т. е. перваго между монахами), который служитъ ему въ качествѣ намѣстника. Такимъ образомъ во внутренней монастырской организаціи встрѣчаются рядомъ три начала: начало выборное, абсолютное и совѣщательное.

Изъ двѣнадцати главъ, касающихся различныхъ обстоятельствъ обыденной жизни въ монастырѣ, остановимъ здѣсь свое вниманіе только на той главѣ которая говоритъ о приѣмѣ гостей. „Пусть всѣ гости, приходящіе къ монастырскимъ воротамъ, будутъ принимаемы, какъ Самъ Христосъ, ибо настанетъ время, когда Онъ скажетъ намъ: „былъ странникомъ, и вы приняли Меня“. Пусть выходятъ къ нимъ навстрѣчу аббатъ и нѣкоторые изъ братіи, свидѣтельствуя тѣмъ нѣжную любовь къ ближнему. Пусть дадутъ имъ поцѣлуй мира и, вымывъ имъ ноги и руки, отведутъ ихъ къ столу аббата. Ради нихъ пусть будетъ прерванъ постъ. Еще съ большимъ вниманіемъ слѣдуетъ относиться къ нимъ, если они бѣдны и чужеземцы, такъ какъ въ лицѣ таковыхъ болѣе, чѣмъ въ лицѣ кого-либо другого, мы принимаемъ Самого Христа“.

На этомъ замѣчательномъ отрывкѣ изъ „Правилъ жизни монашеской“ мы и остановимся: все главное, все существенное пронеслось передъ нами. Остается впечатлѣніе чего-то эпически прекраснаго, простаго, но въ то же самое время величественнаго и стройнаго... Какъ будто только что пронеслись могучіе, чистые звуки органа, и послѣдніе отголоски ихъ еще повторяются высокими сводами храма.

Монте-Кассино.

рослѣдимъ въ главнѣйшихъ чертахъ исторію знаменитаго аббатства, которое долгое время было разсадникомъ монашества на Западѣ. Такой обзоръ, касаясь, впрочемъ, только извѣстнаго и притомъ лучшаго періода его исторіи, познакомитъ насъ со многими сторонами монашескаго быта, еще не выдвинутыми нами, и наглядно представитъ намъ опасности и невзгоды, пережитыя обитателями средневѣковыхъ монастырей. Правило изобразило передъ нами идеаль монашеской жизни, настоящій же очеркъ представитъ намъ живыхъ людей съ ихъ достоинствами и недостатками. При этомъ придется затронуть такого рода обстоятельства, которыя еще ярче выдвинуть передъ нами значеніе бенедиктинскихъ монастырей для европейской культуры.

По смерти Св. Бенедикта правили другъ за другомъ аббаты Константинъ, Симплицій и Виталій *), изъ которыхъ первый былъ ученикомъ Св. Бенедикта. До нашего времени не сохранилось никакихъ извѣстій объ управленіи этихъ аббатовъ и о судьбахъ монастыря за это время. Можно только предполагать, что ближайшіе преемники Св. Бенедикта управляли въ его духъ, такъ какъ религіозное рвеніе было еще сильно, и свѣжа была память объ усопшемъ учителѣ **). Однако монахи не

*) Въ хроникѣ Леона Остійскаго они только названы по именамъ. *Huic sanctissimo Patri (sc. Benedicto) succedit in monasterii regimine vir reverentissimus Constantinus, ejusdem sancti patris discipulus. Tertius autem praefuit eidem congregationi Simplicius; quartus Vitalis. Leo Mars. Chr. Cas. I, 2.*

**) *Ma é a credere, che santamente governassero; poichè erasi ancora in sul fervore, e viva rimanese la memoria del morto maestro. Tosti. Storia della badia di Monte-Cassino.*

могли вести вполне спокойную жизнь: они въ волненіи ожидали, когда и какъ исполнится пророчество Св. Бенедикта о предстоящемъ погромѣ монастыря. (См. первый очеркъ).

Опасенія ихъ имѣли полное основаніе. Италія переживала рядъ потрясеній. Послѣ смерти своего отважнаго и благороднаго короля Тотилы готы провозгласили своимъ королемъ его родственника Тейаса, челоуѣка, обладавшаго безпредѣльною храбростію. Война съ Византіей осталась ему въ наслѣдство. Онъ не хотѣлъ уступать грекамъ, но былъ окруженъ ими недалеко отъ вулкана Везувія. Его народъ былъ воодушевленъ отчаяніемъ. Тейасъ бился до изнеможенія, но не смотря на это, стоялъ „какъ прикованный къ землѣ, защищаясь щитомъ, который держалъ въ лѣвой рукѣ, а правой рукой наносилъ удары врагамъ“ *). Онъ былъ убитъ неприятельскою стрѣлою, вонзившеюся въ его грудь. Готы продолжали борьбу не на животъ, а на смерть. И дѣйствительно, большая часть ихъ была истреблена. Греки снова водворились въ Италіи, но не надолго. Явились новые завоеватели—лангобарды подъ предводительствомъ своего короля Альбоина. Альбоинъ овладѣлъ сѣверной половиной Италіи до самой рѣки Тибра, а его преемникъ Клефъ распространилъ господство лангобардовъ въ южной ея части. Здѣсь, въ южной Италіи, утвердились лангобардскіе герцоги, правившіе въ нѣкоторой, незначительной, впрочемъ, зависимости отъ своего короля.

Одинъ изъ этихъ герцоговъ, правившій въ Беневентѣ, по имени Зотонъ, напалъ на Монте-Кассинскій монастырь въ правленіе аббата Бонита. Забравъ съ со-

*) *Прокопій*. Исторія готской войны, IV, 35.

бою военный отрядъ, онъ поднялся ночью на гору, подступилъ незамѣтно къ монастырскимъ воротамъ, такъ какъ монахи мирно почивали, и ворвался въ обитель. Всѣ монахи, однако, успѣли спастись; не думая защищаться, они сейчасъ же бѣжали изъ монастыря, захвативъ съ собою Правило, написанное рукою Св. Бенедикта, установленныя имъ мѣры для хлѣба и вина и кое-что изъ утвари *). Надобно думать, что иноки, вѣруя въ неизбежность несчастія, предсказаннаго Св. Бенедиктомъ, заранѣе скрыли эти вещи въ потаенномъ мѣстѣ, чтобы онѣ не попали въ руки враговъ. Вѣроятно, они заранѣе обдумали и планъ самаго бѣгства. Лангобарды, захвативъ аббатство, страшно разграбили его и даже разрушили. Спасшіеся отъ смерти монахи прибыли въ Римъ и явились къ папѣ Пелагію. Послѣдній съжалился надъ ними, далъ имъ мѣсто близъ церкви Св. Іоанна Латеранскаго и позволилъ построить на этомъ мѣстѣ монастырь. Кое-что изъ монастырской казны они могли захватить съ собою; наконецъ, имъ пришли на помощь частныя пожертвованія: они устроились здѣсь и провели цѣлыхъ 130 лѣтъ, управляясь послѣдовательно двѣнадцатю аббатами, вдали отъ своего монастыря, который лежалъ въ развалинахъ. Существуетъ преданіе, что нѣсколько иноковъ вернулись въ разрушенную обитель и поселились тамъ, чтобы охранять могилу Св. Бенедикта **). Но съ этимъ трудно согласиться, такъ какъ защитить ее отъ какого-либо посягательства, если бы такое явилось, они, разумѣется, не могли: достаточно вспомнить исторію съ бѣгствомъ изъ монастыря. Если же, дѣйствительно, и вернулось нѣсколько человѣкъ на старое пепелище, они имѣли совершенно иную, а именно—

*) *Leo. Chr. Cas. I, 2.*

**) Такъ у *Tosti.*

исключительно религіозную цѣль: молиться въ томъ мѣстѣ, гдѣ жилъ святой. гдѣ покоится его тѣло.

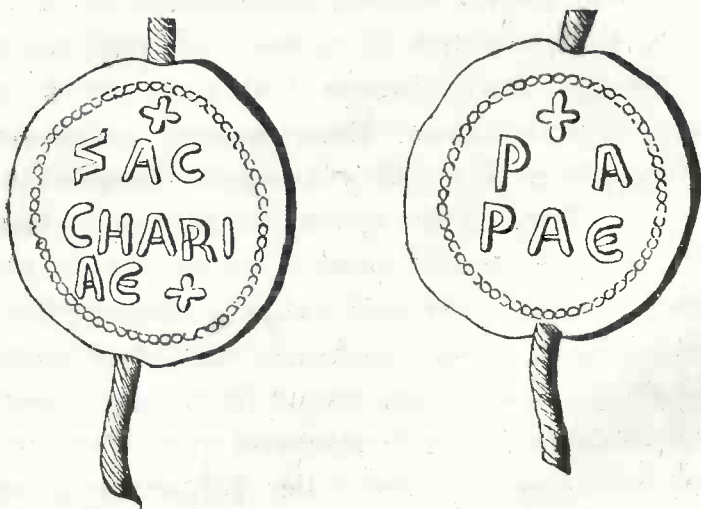
Изгнаніе послужило бенедиктинцамъ на пользу. Папа Григорій Великій окончательно одобрилъ „Правило жизни монашеской“ и выбралъ изъ среды поселившихся въ Римѣ бенедиктинцевъ нѣсколькихъ миссіонеровъ для распространенія христіанства въ Британніи. Такимъ путемъ Правило, написанное въ Монте-Кассинской обители, было занесено на Британскіе острова.

Казалось, что Монте-Кассинская обитель погибла навсегда. Между тѣмъ, спустя 130 лѣтъ послѣ погрома, она была восстановлена. Виновникомъ ея возрожденія былъ богатый и знатный итальянецъ Петронаксъ. Онъ прибылъ въ Римъ въ то время, когда папою былъ Григорій III. Онъ посѣтилъ папу и въ разговорѣ съ нимъ, вѣроятно, изъявилъ желаніе сдѣлать доброе дѣло. Тогда папа посоветовалъ ему поѣхать въ Монте-Кассинскую обитель и восстановить ее. Скоро Петронаксъ отправился въ Монте-Кассино, сопровождаемый нѣкоторыми бенедиктинцами, жившими въ Римѣ. Все устроилось прекрасно. Беневентскій герцогъ (Гизульфъ II) возвратилъ монахамъ все, похищенное Зотономъ. Преемникъ Григорія папа Захарій также содѣйствовалъ восстановленію обители. Онъ прислалъ въ нее нѣсколько книгъ Св. Писанія, собственноручное Правило Св. Бенедикта, мѣрки для хлѣба и вина, когда-то увезенныя иноками, богатую церковную утварь и т. п. *). Какъ только монастырь отстроился, герцогъ (Гизульфъ) посѣтилъ его въ сопровожденіи своей супруги, дивился жизни монаховъ, которые управлялись Петронаксомъ, избраннымъ ими въ аббаты, и богато одарилъ монастырь замками и селами. Очевидно, онъ хо-

*) *Leo I, 4.*

тѣль всѣми мѣрами искупить вину одного изъ своихъ предковъ. По просьбѣ Петронакса, папа Захарій скрѣпилъ дарственные грамоты беневентскаго герцога своими буллами. Незадолго до этого онъ лично посѣтилъ Монте-Кассинскій монастырь и совершилъ здѣсь торжественное освященіе вновь отстроенной церкви: на богослуженіи присутствовали 13 архіепископовъ и 68 епископовъ. Въ ознаменованіе особаго благоволенія своего,

папа объявилъ всѣ владѣнія, принадлежавшія Монте-Кассинскому аббатству, независимыми отъ епископской юрисдикціи (отъ епископскаго суда) и далъ аббату этой обители право на первое мѣсто послѣ епископовъ во всякихъ духовныхъ собраніяхъ; въ собраніяхъ такого рода Монте-Кассинскій аббатъ получилъ право сидѣть выше всѣхъ другихъ аббатовъ (*superiorem universis abbatibus sedere* *). Примѣру высокихъ покровителей аббатства

*) *Privilegium papae Zachariae*. Въ этой же буллѣ папа говоритъ, что онъ съ величайшимъ благоговѣніемъ созерцалъ тѣла Св. Бенедикта и Схоластики, но не осмѣлился коснуться до нихъ рукою. Рисунокъ изображаетъ печать, привѣшенную къ буллѣ, съ надписью „*papae Zachariae*“ т. е. папы Захарія.

стали слѣдовать разныя лица, и въ аббатство стекались многочисленныя и богатыя пожертвованія. Но, не смотря на богатства и почести, Монте-Кассинскіе иноки продолжали заниматься ручнымъ трудомъ и вели строгій образъ жизни. Слава объ ихъ подвигахъ проникла повсюду.

Св. Бонифацій, основавшій въ это время (около половины VIII вѣка) въ Германіи знаменитый Фульдскій монастырь, отправилъ нѣсколькихъ монаховъ въ Монте-Кассинскій монастырь, чтобы они въ продолженіе года изучали тамошніе порядки. Привлекаемый тою же славою братъ Пипина Короткаго, Карломанъ, принялъ въ Римѣ монашество и поселился въ Монте-Кассинскомъ монастырѣ въ правленіе того же аббата Петронакса. Вотъ что говоритъ о немъ въ своей хроникѣ епископъ Остійскій Леонъ *): „кажется, нелишне будетъ записать здѣсь на поученіе потомству, какимъ смиреніемъ и послушаніемъ отличался онъ въ монастырѣ. Вышеназванный аббатъ, видя горячую ревность Карломана, пожелалъ познать на дѣлѣ всю его твердость, и выносливость, такъ какъ и въ Писаніи говорится „не всякому духу вѣруйте, но испытывайте духовъ, отъ Бога ли они“ **). Онъ поручилъ ему имѣть попеченіе о небольшомъ стадѣ овецъ, ежедневно выгонять ихъ на пастбище, стеречь ихъ тамъ и провожать ихъ домой. Какъ-то разъ, когда онъ завелъ овецъ дальше обыкновеннаго, на него напали разбойники и хотѣли отнять порученное ему надзору стадо. Онъ съ твердостью воспротивился этому и сказалъ разбойникамъ: „я терпѣливо снесу, если

*) *Leo I, 7.*

**) Перв. посланіе Св. Апост. Іоанна Богослова, гл. IV, ст. I. Не всякому духу вѣруйте, но искушайте духи, аще отъ Бога суть; яко мнози лжепророцы изыдоша въ мѣръ.

вы поступите со мною такъ, какъ угодно Богу, но ни за что не могу позволить вамъ угнать овецъ, порученныхъ моимъ заботамъ“. Злые люди удалились, предварительно почти совершенно обобравши его. Когда онъ, полуобнаженный, вернулся въ монастырь, то на вопросъ аббата или кого-то изъ братіи, рассказалъ обо всемъ по порядку. Аббатъ же началъ сильно бранить его, желая провѣдать, имѣлъ ли онъ въ глубинѣ своей души то терпѣніе, которое обнаруживалъ. Онъ упрекалъ его въ вялости и притворствѣ. Карломанъ отвѣчалъ на эти упреки лишь сознаниемъ своей вины. Въ другой разъ онъ замѣтилъ, что одна изъ овецъ его хромаетъ, и, не желая опоздать, онъ положилъ ее на шею и въ такомъ видѣ вернулся въ монастырь“. Этотъ рассказъ прекрасно знакомитъ насъ съ нравами, господствовавшими тогда въ Монте-Кассинскомъ аббатствѣ. Хотя обстоятельства сложились такъ, что Карломанъ уѣхалъ во Францію и умеръ тамъ, но, согласно волѣ умирающаго, его прахъ былъ доставленъ въ Монте-Кассинскій монастырь. Подъ сѣнью Монте-Кассинской нашель себѣ вскорѣ успокоеніе и лангобардскій король Раткисъ (Ratchis). Его жена и дочь послѣдовали его примѣру, приняли монашество и выстроили въ долину, расположенной у подножія Монте-Кассинской горы, собственный монастырь. „И до настоящаго времени — говоритъ епископъ Леонъ въ своей хроникѣ — въ довольно близкомъ разстояніи отъ аббатства существуетъ виноградникъ, который всѣми называется виноградникомъ Раткиса. Нѣкоторые изъ нашихъ (монаховъ) утверждаютъ, что этотъ виноградникъ и насадилъ, и обрабатывалъ самъ король“ *).

Въ аббатство непрерывно поступали лица богатые

*) *Leo I, s.*

и выдающіяся своимъ положеніемъ въ свѣтѣ, жертвовали свои земли, выдавали своимъ рабамъ записи на свободу и потомъ поселяли ихъ на монастырскихъ земляхъ, ставили ихъ въ зависимость отъ монастыря. Само аббатство расширялось и основывало новые монастыри въ долину, орошаемую рѣкою Гарильяно. На земли этихъ монастырей стекались изъ окрестностей колонны и охотно становились монастырскими вассалами. Монастырскія башни не угрожали имъ, а служили надежной защитой противъ вражескихъ нападений. Стекавшееся сюда населеніе находило и трудъ, и покой, и полное удовлетвореніе своему религиозному чувству.

Въ это время владычеству лангобардовъ въ Итали былъ нанесенъ рѣшительный ударъ. Власть надъ большею частью Итали перешла въ руки Карла Великаго. Послѣдній въ концѣ VIII столѣтія посѣтилъ Монте-Кассинское аббатство, подтвердилъ особой грамотой его права на владѣніе зависящими отъ аббатства землями и обителями, далъ монахамъ Монте-Кассинской обители титулъ „капеллановъ имперіи“, а ея аббату титулъ „архикапеллера“. Кромѣ того, онъ даровалъ аббату особую почесть: передъ нимъ могли носить въ торжественныхъ процессіяхъ императорское знамя. Всѣ эти почести указываютъ на то, что великій государь понялъ и оцѣнилъ всю пользу, приносимую обителью. Уже вернувшись къ себѣ домой, онъ отправилъ къ Монте-Кассинскому аббату письмо съ просьбой выслать какъ для него лично, такъ и для надлежащаго распространенія экземпляръ „Правилъ жизни монашеской“. Долго знаменитый государь не прерывалъ сношеній съ славною обителью. Такъ, онъ вступилъ въ переписку съ инокомъ ея Павломъ Діакономъ, авторомъ исторіи лангобардовъ. Вотъ что писалъ онъ ему въ стихотворномъ посланіи

„отправляйся, — обращается онъ къ своему письму — отправляйся, лети какъ можно быстрѣе черезъ лѣса, холмы и долины, долетай до святой обители блаженнаго Бенедикта. Тамъ ожидаетъ вѣрный отдыхъ всѣхъ тѣхъ, кто приходитъ туда утомленнымъ. Тамъ гостю въ изобиліи предлагаются овощи, рыба и хлѣбъ; тамъ онъ находитъ благочестивый покой, смиреніе и прекрасное согласіе братіи *)... Передай мое привѣтствіе отцу аббату и его инокамъ и, передавая моему дорогому Павлу самые нѣжные поцѣлуи мои, перескажи ему много разъ мои добрыя пожеланія“.

Стекавшіяся въ монастырь богатства давали аббатамъ полную возможность украшать его. Такъ напр., тринадцатый аббатъ Монте - Кассинской обители (Гизульфъ) построилъ роскошную церковь, описаніе которой сохранилось въ хроникѣ того же Леона Остійскаго. Она представляла собою продолговатую залу съ потолкомъ изъ кипарисоваго дерева. Двадцать четыре мраморныя колонны поддерживали потолокъ. Стѣны были частью выложены драгоцѣннымъ мраморомъ, частью покрыты живописью. Полъ былъ составленъ изъ разноцвѣтнаго мрамора. Передъ входомъ въ церковь былъ устроенъ портикъ, покоившійся на шестнадцати колоннахъ. Золотые и серебряные предметы довершали убранство. Сколько было затрачено на эту постройку труда и денегъ, можно судить уже изъ того, что строителю пришлось прежде всего приготовить самую почву, осушить ее.

Аббатство продолжаетъ процвѣтать и увеличиваться

*) Est nam certa quies fessis venientibus illuc.

Hic holus hospitibus, piscis hic, panis abundat,

Pax pia, mens humilis pulchra et concordia fratrum.

при слѣдующихъ аббатахъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ надъ нимъ собирается новая гроза. Въ первой половинѣ IX вѣка арабы заняли Сицилію и отсюда стали вторгаться въ Италію. Не мало помогали имъ раздоры южно-итальянскихъ герцоговъ, которые нерѣдко сами призывали ихъ въ свою страну. До 884 года набѣги арабовъ не приносили вреда Монте-Кассинскому абатству. Последнее терпѣло по временамъ отъ нападеній южно-итальянскихъ владѣтелей, которые при случаѣ грабили его. Особенно часто тревожилъ аббатство своими нападеніями Сиконольфъ; въ хроникѣ Леона Остійскаго цѣлая страница посвящена одному только перечню предметовъ, похищавшихся при подобныхъ нападеніяхъ: похищалось золото, драгоценные камни, серебро и огромныя денежныя суммы. Все это, свидѣтельствуя о несчастіяхъ, которыя переживались монастыремъ, говоритъ въ то же время и о тѣхъ богатствахъ, которыя хранились въ его ризницѣ. Интересныя бытовыя подробности сообщаетъ лѣтописецъ, повѣствуя объ опасности, которая грозила разъ монастырю со стороны арабовъ еще до 884 года. Разоривъ городъ Римъ, арабы прибыли въ близкое сосѣдство къ монастырю. Монастырь былъ спасенъ на этотъ разъ страшной непогодой и небывалымъ разливомъ рѣки. Добравшись до рѣки, — рассказываетъ хроника — арабы не перешли черезъ нее, хотя она и была маловодна, а расположились станомъ на ночь за рѣкою. „Когда вѣсть объ этомъ дошла до слуха братіи, когда всѣ увидѣли, что имъ угрожаетъ внезапная и ужасная смерть, объятые превеликимъ ужасомъ, босые, посыпавъ головы пепломъ, съ пѣніемъ молитвъ, они собираются у гробницы Св. Бенедикта. Они молятъ Бога, чтобы Онъ милостиво принялъ къ Себѣ души тѣхъ, чьи тѣла судомъ Своимъ обрекъ на внезапную смерть.

Всю эту ночь братія бодрствовала и молилась“ *). Все это такъ просто, но вмѣстѣ съ тѣмъ такъ ярко описано въ хроникѣ, что невольно переносишься воображеніемъ въ тѣсную среду этой молящейся братіи. Аббату—продолжаетъ хроника—является одинъ изъ его умершихъ предшественниковъ и обѣщаетъ ему именемъ Св. Бенедикта спасеніе. „И вотъ, приблизительно около утрени, небо, которое раньше было необыкновенно ясно, внезапно покрывается густыми черными тучами, сверкаетъ молнія, гремитъ громъ, и проливается такой сильный дождь, что рѣка выходитъ изъ береговъ и широко разливается“. Враги поражены этимъ явленіемъ, но все еще не покидаютъ надежды пробраться въ монастырь: они мечутся по берегу, ищутъ лодокъ, но нигдѣ не находятъ ихъ. Лѣтописецъ заканчиваетъ свой рассказъ съ эпической наивностью: „такъ какъ они люди варварскаго, жестокаго нрава, то, шумя, скрежеща зубами, стали въ неистовствѣ грызть пальцы на рукахъ“. Такъ и ушли они на этотъ разъ ни съ чѣмъ.

Рядомъ съ подобными, воинственными рассказами въ монастырскихъ хроникахъ встрѣчаются эпизоды мирнаго, идиллическаго склада. Вотъ какъ, на примѣръ, описывается въ нашей хроникѣ религіозная процессія, совершавшаяся на Монте-Кассинской горѣ въ пасхальную недѣлю. „Процессію совершала вся братія, какъ изъ монастыря, расположеннаго внизу, такъ и изъ находящагося наверху; облаченные въ священныя одежды иноки брали съ собою золотые кресты, употребляемые при процессіяхъ, кадильницы, подсвѣчники съ восковыми свѣчами, евангелія, мощехранительницы и различныя

*) Leo. I, 27.

украшения и драгоценности церковныя. И поднимающіеся наверхъ и спускающіеся внизъ сходились на срединѣ горы, у построенной здѣсь церкви, какъ бы у царства Св. Петра. Поднимающіеся начинали пѣть „благословенъ грядый во имя Господне“, спускающіеся присоединяли свои голоса. За этимъ слѣдовалъ возгласъ священника. Тогда всѣ, пришедшіе снизу, другъ за другомъ подходили къ аббату, привѣтствовали и цѣловали его, а также и всѣхъ иноковъ, пришедшихъ сверху. Потомъ, съ пѣніемъ церковной молитвы, всѣ входили въ церковь Св. Петра и, послѣ возгласа священника, пѣли третій часъ и мессу. Они начинали ее пѣніемъ „приидите, благословенніи Отца Моего“, и оставались въ церкви до окончанія Евангелія. Послѣ этого въ храмѣ оставались только священники и служители, обѣдня продолжалась. Между тѣмъ, всѣ остальные, выйдя изъ церкви съ молитвеннымъ пѣніемъ, спускались съ горы. Они возобновляли пѣніе у торговой площади и не прерывали его до самаго монастыря Спасителя. Пропѣвши здѣсь обѣдню и шестой часъ, они шли въ ректорію (столовую) съ пѣніемъ молитвы „Тебе Бога хвалимъ“, какъ бы благодаря Бога за то, что Онъ исторгъ ихъ изъ рукъ вражескихъ и сохранилъ невредимо обитель и живущихъ въ ней... Они снимали праздничныя облаченія и садились за столъ. Въ этотъ день угощалъ ихъ завтракомъ пріоръ монастыря Спасителя. По окончаніи завтрака, верхняя братія, простившись съ аббатомъ и остальными иноками, возвращалась къ себѣ“.

Въ эту мирную и свѣтлую жизнь ворвалось въ 884 году неожиданное горе. Арабы, возбуждаемые надеждой на богатую добычу, рѣшили напасть на знаменитый монастырь. Ночью они заняли всѣ ведущія къ

нему дороги. Пользуясь темнотою, они подошли къ самой обители и подожгли ее. Безъ особеннаго труда ворвались они потомъ въ обитель и стали убивать попадавшихся имъ иноковъ. Нѣкоторые изъ монаховъ, которымъ удалось спастись отъ вражескихъ мечей, прибѣжали въ монастырь Спасителя и со слезами на глазахъ рассказывали обо всемъ случившемся съ ними и ихъ товарищами. Въ эти минуты всеобщаго ужаса и растерянности аббатъ Бертарій не потерялъ присутствія духа. Такъ какъ онъ не могъ сражаться, какъ рыцарь, то рѣшился умереть, какъ умираетъ мученикъ. „Братья и дѣти мои! обратился онъ къ присутствующимъ. Рука Господня покарала насъ и домъ нашъ. Покоримся волѣ Божіей и приготовимся къ смерти, какъ жертвы, обреченныя на закланіе. Если вы, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, праведною жизнью подготовили себя къ тому, чтобы переступить за порогъ земной жизни, тогда къ чему эта блѣдность на лицахъ вашихъ, эти жалобы на вашихъ устахъ, къ чему всѣ эти признаки отчаянія? Ваше уныніе, ваши стоны сокрушаютъ мое сердце и кажутся мнѣ тяжелѣе самой смерти. Каждый изъ васъ, чтобы спасти безсмертную душу, закалилъ себя въ борьбѣ духа съ плотью. Какъ же сегодня могло упасть ваше мужество, когда вамъ предстоятъ лишь тѣлесныя страданія, страданія тлѣнной плоти? Успокойтесь, братья мои; укрѣпитесь вѣрою въ Бога, опояшьте свои чресла, чтобы смѣло вступить въ ту борьбу, которую испытали тысячи мучениковъ, одержавшихъ побѣды надъ врагами вѣры! Вѣдь это — тѣ же невѣрныя. Съ мечами въ рукахъ они готовятся пресѣчь немногіе, остающіеся вамъ дни; кровь вашихъ братьевъ, пролитая ими, указываетъ вамъ дорогу, по которой нужно идти, чтобы, подобно погибшимъ отъ вражескихъ мечей, заслужить вѣчный

вѣнецъ“. Арабы на время отступили. Бертарій же рѣшился исполнить свой священный долгъ. Въ преднесеніи креста, онъ спустился по крутому склону Монте-Кассинской горы. Его сопровождалъ длинный кортежъ монаховъ, которые, съ серьезными и даже печальными лицами, пѣли протяжно молитвы объ усопшихъ. Всѣ они пришли въ ужасъ при видѣ разоренія, разыскивали тѣла убитыхъ иноковъ и предавали ихъ погребенію. Спустившись въ Санъ-Германо, они встрѣтили большое число монаховъ, бѣжавшихъ изъ окрестныхъ монастырей, въ надеждѣ на вѣрное убѣжище у аббата Бертарія. Скоро арабы появились и въ Санъ-Германо. Бертарій рѣшился не покидать этого монастыря и оставилъ при себѣ только такихъ же спокойныхъ и безстрашныхъ, какимъ онъ былъ самъ. Всѣмъ же остальнымъ онъ предложилъ удалиться и захватить съ собою буллы, разныя грамоты, Правило Св. Бенедикта и другіе цѣнные предметы. Иноки, къ которымъ обратился съ предложеніемъ Бертарій, послушались его. Бертарій и оставшіеся съ нимъ заперлись въ монастырѣ. Арабы выломали дверь, ведущую въ монастырскую церковь и ворвались туда. Бертарій въ это время стоялъ у алтаря Св. Мартина и совершалъ литургію. Враги ненавидѣли Бертарія, такъ какъ онъ когда-то воевалъ съ ними. Аббатъ ожидалъ смерти, стоя на алтарныхъ ступеняхъ. Молча возводилъ онъ къ небу свои очи, какъ вдругъ ужасная смерть постигла его. „Господи, предаю духъ мой въ руки Твои!“ были его послѣднія слова. Иноки были перебиты, монастырь разрушенъ.

Разбѣжавшіеся монахи жили разбросанно, пока аббатъ Алигернъ, избранный въ 919 году, не рѣшилъ отвести братію въ Монте-Кассинскую обитель. Онъ возстановилъ ее и украсилъ внутренность ея церковей богатой мо-

заикой и живописью. И въ это время жизнь Монте-Кассинской братіи вполнѣ согласовалась съ Правилѣмъ Св. Бенедикта. Аббатъ Алигернъ старался возвратить обители всѣ земли, расхищенныя врагами, и созывалъ разбѣжавшихся колонѣвъ на земли, остававшіяся долгое время безъ обработки. При этомъ ему приходилось встрѣчать много непріятностей, испытывать не мало огорченій. Бывали случаи, когда самой жизни его грозила опасность: разъ зашили его въ медвѣжью шкуру и травили собаками. Но, не смотря ни на какія препятствія, онъ много способствовалъ матеріальному благосостоянію монастыря и поддерживалъ его древнюю дисциплину. Послѣ Алигерна дисциплина замѣтно упала. Такимъ упадкомъ отмѣчено правленіе аббата Мансона, близкаго родственника капуанскаго князя. Уже самое вступленіе его во власть ознаменовалось беспорядками: нѣкоторые монахи воспротивились Мансону, не пожелали повиноваться ему и удалились въ Ломбардію, гдѣ возникли, благодаря этому, новые монастыри. Сдѣлавшись аббатомъ, Мансонъ заботился главнымъ образомъ объ увеличеніи своихъ доходовъ и велъ жизнь богатаго сеньора: окружилъ себя толпою слугъ, разодѣтыхъ въ шелковыя одежды, выѣзжалъ окруженный эскортомъ рыцарей, увлекался охотой и посѣщалъ императорскій дворъ *).

Къ счастью для обители, мудрый аббатъ Іоаннъ II возстановилъ упавшую дисциплину. При немъ Монте-Кассинская обитель снова вернула свое былое обаяніе. Германскіе бенедиктинцы обращались къ нему за совѣтами и указаніями. Вмѣстѣ съ казной и ризницей монастыря, продолжало обогащаться его книгохранилище.

*) *Leo II, 16.*

Аббатство посѣщали императоры и папы, и каждое изъ такихъ посѣщеній сопровождалось новыми приношеніями и льготами.

Аббатство, обладая огромными денежными средствами, употребляло ихъ на борьбу съ арабами. Когда папа Левъ IX вступилъ въ борьбу съ послѣдними, Монте-Кассинскій аббать усердно содѣйствовалъ ему, за что и получилъ новыя льготы для своего аббатства: власти Монте-Кассинской обители были подчинены новыя монастыри и, между прочимъ, монастырь Св. Креста Іерусалимскаго въ самомъ Римѣ; корабли, принадлежавшіе Монте-Кассинской обители и заходившіе въ гавань Остію, освобождались отъ всякой пошлины.

Непрерывно притекавшія въ монастырь богатства начали оказывать на братію дурное вліяніе: среди нея стало развиваться стремленіе къ обогащенію, къ собранію личной собственности. Папа Стефанъ IX, бывшій ранѣе аббатомъ Монте-Кассинскимъ, пробылъ въ аббатствѣ цѣлыхъ два мѣсяца, чтобы личнымъ воздѣйствіемъ своимъ на братію уничтожить это зло, это уклоненіе отъ Правила Св. Бенедикта. Мѣсто аббата оставалось еще незанятымъ, и папа желалъ сохранить этотъ санъ за собою, но, разболѣвшись передъ самымъ Рождествомъ 1057 года и чувствуя близость смерти, онъ поручилъ братіи приступить къ избранію аббата. Здѣсь уместно будетъ рассказать о томъ, какъ производилось избраніе аббата.

Когда умиралъ Монте-Кассинскій аббать, окруженный своею братіей, его двойная власть — духовная и свѣтская — снова переходила въ руки общины, уполномоченнымъ которой онъ былъ, занимая свой высокій постъ. Аббатскій посохъ и рукопись, заключавшая въ себѣ Правило жизни монашеской, относились въ главную

монастырскую церковь, полагались на алтарь ея и оставались тамъ до тѣхъ поръ, пока не выбирался общиною новый аббатъ. Обязанности же аббата временно возлагались на ближайшаго помощника аббата — пріора. Схоронивъ своего аббата, иноки собирались въ капитульной залѣ, гдѣ пріоръ, еще разъ оффиціально возвѣстивъ о смерти аббата, предлагалъ присутствующимъ приступить къ выборамъ. Присутствующіе избирали трехъ монаховъ, которымъ, собственно, и поручалось избраніе новаго аббата. При этомъ торжественно произносилась особая формула проклятія противъ тѣхъ избирателей, которые руководились бы при избраніи аббата какими-либо выгодами и расчетами. Когда избиратели останавливались на какомъ-либо лицѣ, старшій изъ нихъ, поклонившись въ землю передъ аббатскимъ мѣстомъ, громко произносилъ имя избранника и перечислялъ его качества. Тогда пріоръ обращался къ монахамъ съ вопросомъ: „не знаете ли вы, братья, препятствій, мѣшающихъ избранному лицу получить санъ аббата? Если знаете, — заклинаю васъ во имя Божьихъ и человѣческихъ законовъ, вѣрою въ Бога, въ Св. Крещеніе и Св. Бенедикта — сообщите намъ ихъ!“ Если всѣ молчали, пріоръ продолжалъ: „вы желаете имѣть его аббатомъ? этотъ выборъ нравится вамъ?“ И все собраніе отвѣчало пріору: — да, мы хотимъ его, этотъ аббатъ по душѣ намъ. — „Да? Тогда и берите его“. Послѣ этого вновь избранный, съ пѣніемъ гимна „Тебе Бога хвалимъ“, отправлялся, въ сопровожденіи присутствующихъ, изъ капитульной залы въ церковь. Здѣсь, упавъ на колѣни передъ алтаремъ Св. Бенедикта, онъ получалъ отъ пріора аббатскій посохъ и Правило жизни монашеской. Вручая эти предметы новому аббату, пріоръ произносилъ установленныя на этотъ случай формулы. По-

томъ пріоръ сажалъ его на аббатское мѣсто, падалъ передъ нимъ на колѣни и, поднявшись на ноги, просилъ у него поцѣлуя мира; за этимъ поцѣлуемъ, въ строгой послѣдовательности, подходили къ новому аббату всѣ иноки. Наконецъ пріоръ опоясывалъ аббата поясомъ, въ которомъ должны были храниться деньги для раздачи бѣднымъ, и вручалъ ему ключи отъ церкви, библіотеки и другихъ монастырскихъ помѣщеній. Въ свою очередь новый аббать вручалъ эти ключи монахамъ, смотря по должности, которую каждый долженъ былъ нести.

По избраніи аббата, братія отправляла къ папѣ посланіе, въ которомъ говорила о результатѣ выборовъ, и скрѣпляла это посланіе своими подписями. Папа, въ отвѣтъ на это, призывалъ новоизбраннаго аббата къ себѣ. Аббать отправлялся въ Римъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ монаховъ. Когда они являлись къ папѣ, послѣдній предлагалъ нѣсколько обычныхъ въ этомъ случаѣ вопросовъ какъ аббату, такъ и сопровождающимъ его монахамъ. Послѣ этого папа служилъ торжественную мессу, во время которой новый аббать произносилъ клятву въ томъ, что будетъ строго придерживаться Правила, не будетъ притѣснять никого изъ монашествующей братіи, не убѣдившись предварительно въ его виновности, наконецъ — не отдѣлится ничего въ свою пользу или въ пользу своихъ изъ монастырскихъ имѣній. По произнесеніи этой клятвы совершался обрядъ инвеституры: папа вручалъ аббату книгу, заключающую въ себѣ Правило, а вмѣстѣ съ ней посохъ и кольцо. Получивши эти знаки своего достоинства, аббать садился на возвышенное мѣсто, на которомъ и оставался до конца мессы.

Бывали, впрочемъ, случаи, когда избраніе аббата

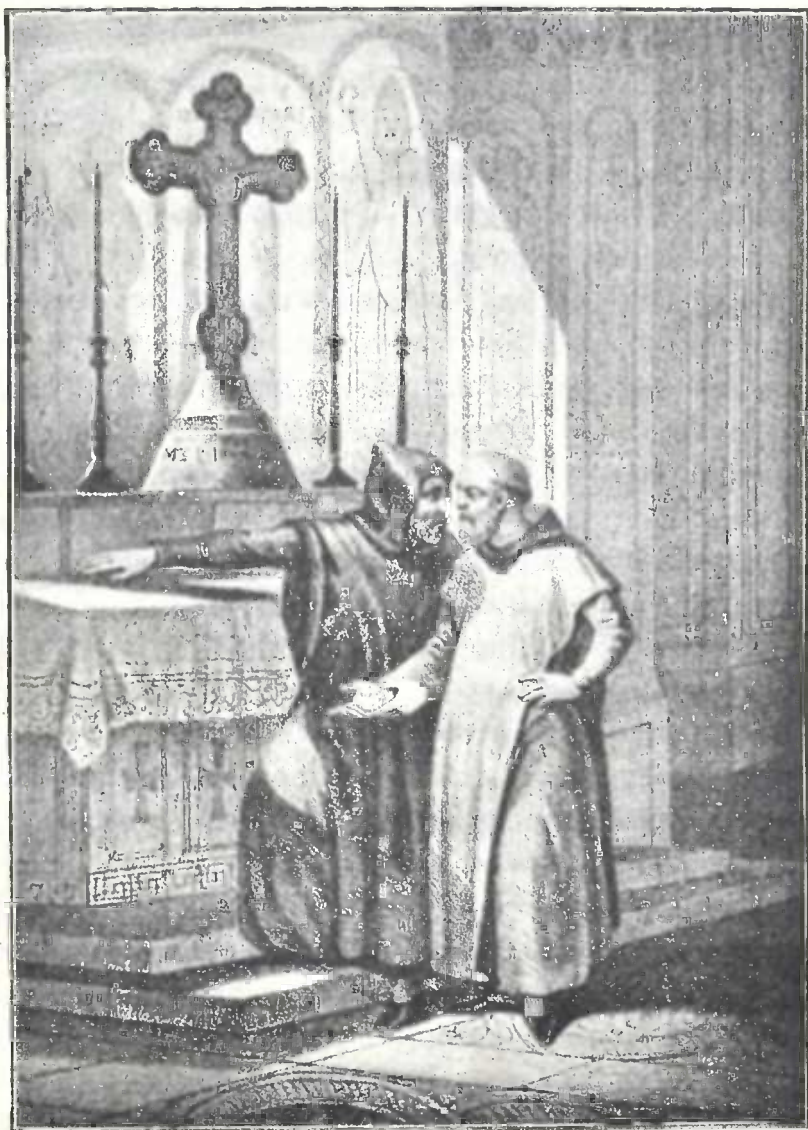

вызывало волненія и безпорядки, въ которыхъ принимали участіе и нѣкоторые монахи, и монастырскіе вассалы.

Выборы, произведенные по распоряженію папы Стефана IX въ самомъ началѣ 1058 года, совершились въ порядкѣ, нами описанномъ, безъ какихъ бы то ни было волненій, съ тою только разницей, что избранному аббату не было надобности ѣхать на утвержденіе въ Римъ, такъ какъ папа жилъ въ самой обители Св. Бенедикта. Избранъ былъ инокъ Дезидерій. Епископъ Леонъ называетъ его въ своей хроникѣ четвертымъ основателемъ и возстановителемъ аббатства, считая первымъ Св. Бенедикта, вторымъ Петроакса и третьимъ Алигерна *). Въ его правленіе аббатство достигло полного расцвѣта. Его монахи назначались епископами и аббатами. Самъ Дезидерій былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ кардиналомъ Петромъ-Даміаномъ и знаменитымъ архидіакономъ Гильдебрандомъ, будущимъ папою Григоріемъ VII. Первый изъ нихъ, достигнувъ высокаго сана кардинала-епископа Остійскаго, вернулся въ свое уединеніе, въ свой Умбрійскій монастырь, въ качествѣ простаго монаха. Онъ велъ строго аскетическій образъ жизни и требовалъ нравственнаго обновленія, не щадя при этомъ и самой римской курии. Дезидерій состоялъ съ нимъ въ перепискѣ и убѣдилъ кардинала-аскета посѣтить Монте-Кассинскую обитель. Отшельникъ согласился на призывъ и прожилъ въ аббатствѣ цѣлый постъ. Его посѣщеніе и пребываніе въ монастырѣ должно было вызвать нравственное обновленіе въ средѣ его обитателей. Дезидерій и по смерти Петра-Даміана сохранилъ о немъ свѣтлое воспоминаніе и почтилъ его память ежегодной торжественной службой въ монастырской церкви. Архидіаконъ

*) *Leo III, I.*

Гильдебрандъ, второй другъ Дезидерія, стремился подчинить всѣхъ и все римскому престолу, но вмѣстѣ съ тѣмъ раздѣлялъ желаніе, общее всѣмъ лучшимъ людямъ

той эпохи, поднять нравственность современнаго духовенства. Кромѣ названныхъ духовныхъ лицъ, Дезидерій былъ въ отличныхъ отношеніяхъ съ капуанскимъ кня-

земь Ричардомъ I. Послѣдній уступилъ аббатству нѣсколько укрѣпленныхъ замковъ, которые имѣли для монастыря огромное значеніе въ стратегическомъ отношеніи. Кромѣ того, щедрость капуанскаго князя доставляла въ распоряженіе Дезидерія большія средства, которыя онъ и рѣшилъ употребить на перестройку обители. Монастырскія постройки уже успѣли прійти въ ветхость и грозили паденіемъ: кельи иноковъ были темны и тѣсны, аббатское жилище неудобно, а церковь давно нуждалась въ перестройкѣ.

Съ береговъ Тибра перевозились въ Гаэту колонны, капители и обломки барельефовъ съ древнихъ памятниковъ: съ береговъ Гарильяно эти каменные глыбы встаскивались на Монте-Кассинскую возвышенность. Такъ еще сильна была въ то время зависимость отъ классической древности! Въ нѣсколько лѣтъ было воздвигнуто новое аббатство, обширныя монастырскія постройки, библіотека, капитульная зала и церковь. Церковь была построена по плану римской базилики *); два ряда колоннъ раздѣляли ее на три продольныхъ прохода. Въ противоположномъ отъ входа концѣ ея, надъ тройнымъ абсидомъ, было начертано цитированное нами выше изреченіе, уподоблявшее Монте-Кассинскую обитель Синаю (см. первый очеркъ). Здѣсь были воздвигнуты три алтаря **): во имя Св. Іоанна Крестителя, Дѣвы Маріи и папы Григорія Великаго. Вызванные изъ Константинополя художники покрыли стѣны церкви мозаиками, содержаніе которыхъ было заимствовано изъ

*) Базилики служили въ Римѣ мѣстами, гдѣ производился судъ, и собирались для обсужденія своихъ торговыхъ операций купцы. Базилика имѣла видъ длиннаго прямоугольника, раздѣленнаго колоннами на три продольныхъ прохода, съ полукруглымъ отдѣленіемъ (абсидомъ) въ глубинѣ.

**) Рисунокъ на стр. 61, изображаетъ одинъ изъ алтарей Монте-Кассинской обители.

Новаго Завѣта. Тамъ же, въ Константинополѣ, были отлиты входныя бронзовыя двери, на которыхъ серебряными буквами были нанесены названія городовъ, замковъ и ленныхъ владѣній, принадлежащихъ монастырю *). Внѣшній фасадъ монастырской церкви былъ также украшенъ мозаическими изображеніями.

Освященіе ея было совершено папою Александромъ II, въ сослуженіи съ кардиналами Петромъ - Даміаномъ и Гильдебрандомъ, десятью архіепископами, сорока тремя епископами, въ присутствіи множества духовныхъ и свѣтскихъ лицъ. Вскорѣ послѣ этого папа Александръ умеръ, и на папскій престолъ вступилъ Гильдебрандъ подъ именемъ Григорія VII. На слѣдующій же день онъ написалъ аббату Дезидерію письмо, въ которомъ говорилъ о своемъ избраніи, о волненіи, имъ испытанномъ, просилъ молитвъ братіи и призывалъ Дезидерія къ себѣ. Когда началась знаменитая борьба папы съ императоромъ Генрихомъ IV, аббатъ Дезидерій пытался быть примирителемъ между ломбардскими и норманнскими князьями **), чтобы соединенныя силы тѣхъ и другихъ могли быть направлены на защиту Церкви. Дезидерій взялъ на себя трудную и неблагодарную роль. Монастырь не только подвергся нападенію со стороны норманновъ, но навлекъ на себя гнѣвъ папы. Послѣдній наложилъ на монастырь и его обитателей интердиктъ (церковное отлученіе): служба церковная была прекращена, алтари лишены покрововъ, крестовъ и другихъ священныхъ изображеній. Сверхъ того, папа прислалъ къ аббату письмо, въ которомъ упрекалъ его и монаховъ въ небрежности и преступномъ малодушіи: папа не пощадилъ своего друга. Скоро, впрочемъ, отлу-

*) Двери сохранились до настоящаго времени.

**). Около того времени норманны утвердились въ Южной Италіи.

ченіе, тяготѣвшее надъ аббатствомъ, было снято съ него. Но тогда надвинулась гроза съ другой стороны.

Аббатству сталъ грозить императоръ, требуя къ себѣ Дезидерія и повелѣвая ему принести лѣнную присягу. Аббатство обладало такими средствами и силами, что каждый изъ враговъ старался переманить его на свою сторону. Дезидерій сначала не хотѣлъ ѣхать къ императору и обратился за совѣтомъ къ папѣ. Папа писалъ ему: „тебѣ хорошо извѣстно, что, если бы насъ не удерживали любовь къ правдѣ и честь Церкви, и если бы мы склонились передъ злой волей императора и его сторонниковъ, мы получили бы такія почести, которыхъ предшественники наши не получали ни отъ королей, ни отъ архіепископовъ. Но, такъ какъ мы презираемъ его угрозы и его ярость, такъ какъ мы готовы скорѣе встрѣтить смерть, чѣмъ исполнять его нечестивые замыслы и измѣнять справедливости, мы просимъ тебя, мы увѣщаемъ тебя оставаться твердо на нашей сторонѣ для вящей славы Римской Церкви, питающей къ тебѣ большое довѣріе“. Съ другой стороны, императоръ грозился аббату разрушить его монастырь. Простившись съ монахами и пообѣщавши имъ не пятнать чести св. Церкви, Дезидерій прибылъ въ указанное императоромъ мѣсто. Императоръ потребовалъ отъ него лѣнной присяги, обѣщая дать ему взаменъ того должности. Дезидерій отказался исполнить это требованіе теперь же и, при личномъ свиданіи съ императоромъ Генрихомъ, сказалъ ему: „когда вы будете коронованы императорской короною, тогда я приму изъ вашихъ рукъ инвеституру, если сочту это совмѣстнымъ со своими обязанностями, или же сложу свое званіе“. Не смотря на свою твердость и неповиновеніе, Дезидерій былъ отпущенъ домой. Вскорѣ послѣ этого побѣжденный

папа Григорій VII подтвердилъ проклятіе, направленное имъ еще ранѣе на императора и его сторонниковъ, и выѣхалъ изъ Рима. Спустя нѣсколько дней, въ то время, когда аббатъ бесѣдовалъ съ братіей о событіяхъ, происходившихъ въ Римѣ, за монастырскими воротами послышался непривычный топотъ лошадей и шумъ оружія. Оказалось, что въ аббатство прибылъ побѣжденный папа, въ сопровожденіи кардиналовъ, епископовъ и толпы вооруженныхъ всадниковъ. Папа прибылъ сюда, чтобы просить о гостепріимствѣ. Дезидерій принялъ бѣглецовъ радушно и всячески старался успокоить ихъ горе. Преданіе рассказываетъ, что первую ночь своего пребыванія въ Монте-Кассинской обители папа Григорій VII провелъ у гробницы Св. Бенедикта, наединѣ съ аббатомъ Дезидеріемъ. Здѣсь, подъ покровомъ ночи, за стѣнами мирнаго убѣжища раздавалась рѣчь папы, горячо рассказывавшаго аббату свои злключенія и разочарованія, всю свою жизнь. Дезидерій успокаивалъ папу, и тихое теченіе его рѣчи рѣзко отличалось отъ бурнаго потока сѣтованій Григорія. Уже свѣтало, когда папа возложилъ руки на аббата и сказалъ ему: „аббатъ Монте-Кассинскій, ты будешь моимъ преемникомъ“.

Спустя годъ папа Григорій VII умеръ въ Салерно. Не смотря на рѣшительный отказъ, аббатъ Дезидерій былъ избранъ папой подъ именемъ Виктора III. Правленіе его было непродолжительно. Замѣчательнѣйшимъ событіемъ его правленія слѣдуетъ считать походъ итальянцевъ, направленный имъ на африканскихъ мавровъ: такимъ образомъ онъ какъ бы предупредилъ дѣло папы Урбана II, проповѣдывавшаго первый крестовый походъ. Викторъ III оставался вѣренъ планамъ своего предшественника на папскомъ престолѣ: въ 1087 году

онъ созвалъ въ Беневентѣ соборъ, на которомъ было, между прочимъ, запрещено не только духовнымъ сановникамъ, но и простымъ клирикамъ получать бенефиціи или инвеституру отъ свѣтской власти. Вотъ что рассказываетъ въ своей хроникѣ Петръ Діаконъ о кончинѣ папы Виктора III. „Тотъ же папа, заболѣвъ тяжело на упомянутомъ соборѣ, продолжавшемся три дня, поспѣшно вернулся въ Монте - Кассино. Поднимаясь по горѣ къ этому монастырю съ епископами и кардиналами, онъ велѣлъ, снести себя въ капитульную залу. Здѣсь, подъ угрозой страшнаго проклятiя, онъ запретилъ преемникамъ своимъ продавать или отчуждать землю, церкви, виллы, вообще всякое владѣніе, принадлежащее монастырю. Равнымъ образомъ онъ запретилъ монахамъ писать хартіи или книги безъ вѣдома своего настоятеля... Сдѣлавъ это постановленіе, при единодушномъ согласіи всѣхъ монаховъ и одобреніи засѣдавшихъ въ собраніи епископовъ, онъ поставилъ аббатомъ обители отца Одеризія... Послѣ этого онъ увѣщевалъ и даже предписалъ, согласно волѣ своего предшественника папы Григорія, чтобы епископы постарались возможно скорѣе выбрать въ папы епископа Остійскаго Оттона. Такъ какъ послѣдній присутствовалъ здѣсь же, папа взялъ его за руку и передалъ епископамъ со словами: „примите его и поставьте во главѣ Римской Церкви, и повинуйтесь ему во всемъ, какъ повиновались мнѣ, пока будете въ состояніи дѣлать это“. Распорядившись такимъ образомъ, онъ приказалъ устроить себѣ гробницу въ абсидѣ самой капитульной залы и на третій день благополучно переселился къ Господу“... *) Бывшіе иноки Монте-Кассинской обители

*) Petr. Diac. III, 73, feliciter migravit ad Dominum.

такъ любили ее, что не хотѣли разлучаться съ нею и послѣ своей смерти.

Аббатъ Одеризій, выстроилъ обширную больницу и большую гостиницу: средства для этого доставляли главнымъ образомъ богатые жертвователи, которые всегда находились у Монте-Кассинской обители. Эту обитель посѣтили въ правленіе Одеризія первые крестоносцы — Гюго Вермандуа, Робертъ норманскій и братъ Годфрида Бульонскаго Евстахій. Они усердно молились передъ алтаремъ, воздвигнутымъ надъ могилой Св. Бенедикта, и концами своихъ копій прикасались къ алтарю, какъ будто для того, чтобы почерпнуть въ этомъ прикосновеніи особенную силу. Аббатъ радушно угощалъ своихъ посѣтителей и написалъ къ императору Византіи Алексію Комнену письмо, прося въ немъ о благоклонномъ отношеніи къ крестоносцамъ. Императоръ отвѣчалъ ему тремя посланіями и прислалъ въ подарокъ кусокъ драгоценной матеріи, которыми славилась Византія, и которыхъ не умѣли еще выработать на Западѣ.

Со смертію Одеризія, послѣдовавшей въ началѣ XII вѣка, въ аббатствѣ стали исчезать и согласіе, и порядокъ. Иноки когда-то строгой обители раздѣлились на двѣ враждебныя партіи — старую и молодую; молодая партія требовала облегченій, послабленій, старая же стояла за прежніе порядки. Аббаты или принимали самое дѣятельное участіе въ борьбѣ императорской и папской властей, или воевали съ сосѣдними сеньорами. Бывали случаи, когда Монте-Кассинскій аббатъ и часть братіи стояли на сторонѣ антипапы, противъ законнаго папы. Въ аббатство проникли злоупотребленія. Въ этомъ отношеніи интересны нѣкоторыя распоряженія папы Иннокентія III. Такъ напр., онъ запрещаетъ пускать въ аббатство шутовъ и жонглеровъ. Если же —

говорить знаменитый папа — они и попадутъ туда, ихъ слѣдуетъ накормить, но отнюдь не позволять имъ показывать свое искусство передъ иноками. Очевидно, нравы аббатства сильно измѣнились. Тотъ же папа запрещаетъ аббату и инокамъ имѣть охотничьихъ птицъ и собакъ, не позволяетъ имѣть аббату болѣе двухъ слугъ и заводить богато украшенныя сѣдла и уздечки. При своихъ выѣздахъ аббатъ долженъ окружать себя скромною свитой. Не слѣдуетъ — говоритъ внушительно римскій первосвященникъ — употреблять въ свою пользу или вообще на постороннія дѣла богатствъ, составляющихъ принадлежность монастыря. Эти постановленія папы Иннокентія III имѣютъ тѣмъ большую цѣнность въ глазахъ историка, что они вытекли изъ личныхъ наблюдений; папа имѣлъ полную возможность хорошо познакомиться съ аббатствомъ въ то время, когда проживалъ въ немъ.

На этомъ мы и прервемъ исторію Монте-Кассинскаго аббатства, такъ какъ дальнѣйшее изложеніе ея не входитъ въ предѣлы нашей задачи.

Легенда о Тассилонѣ.

Не одно влеченіе къ монашеской жизни, не одни обѣты содѣйствовали развитію и размноженію монастырей. Послѣдніе были мирными пристанями, подъ сѣнь которыхъ спѣшили укрыться всѣ тѣ, кто терпѣлъ крушеніе на волнахъ житейскаго моря. Число такихъ людей, разбитыхъ жизнью или пресыщенныхъ ею и искавшихъ тихаго счастья за монастырскими стѣнами, всегда было велико. Нерѣдко это были люди, происходившіе изъ высшихъ общественныхъ слоевъ. Между

ними бывали короли, герцоги и владѣтельныя особы. Къ числу такихъ лицъ легенда относитъ и послѣдняго баварскаго герцога изъ рода Агилольфинговъ Тассилона.

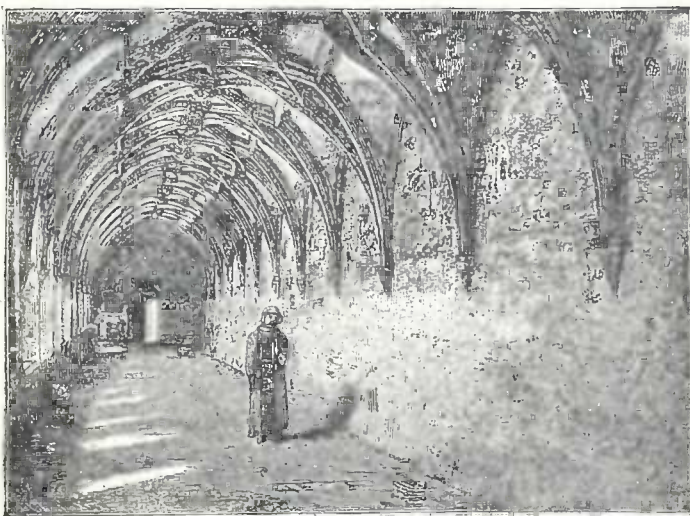
Бурно протекала жизнь герцога Тассилона въ міру: она была въ буквальномъ смыслѣ борьбою за существованіе, за свободное, независимое существованіе. Еще его отецъ, по необходимости, отказался отъ прежней независимости своей страны и призналъ себя вассаломъ франкскаго короля. Тассилонъ былъ долженъ повторить клятву, принесенную его отцомъ и, только благодаря этому, удержалъ въ своихъ рукахъ власть надъ страной. Но дѣйствія его были стѣснены вассальными отношеніями къ франкамъ, онъ не могъ свободно располагать своими силами и, напротивъ того, былъ обязанъ жертвовать ими для интересовъ чуждыхъ ему и его народу. Сперва онъ исполнялъ всѣ требованія своего сюзерена, короля франковъ: водилъ свои войска на помощь ему и воевалъ за франкскіе интересы съ саксонцами, аквитанцами и лангобардами. Но потомъ онъ задумалъ отложиться отъ франковъ, сбросить съ себя путы вассальной зависимости. Въ народѣ онъ встрѣтилъ сочувствіе своимъ планамъ и достигъ своей цѣли: въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ онъ управлялъ Баваріей совершенно самостоятельно. Но вотъ, на франкскомъ престолѣ утвердился Карлъ Великій. Онъ потребовалъ у Тассилона возобновленія прежней клятвы и старыхъ отношеній. Тассилонъ исполнилъ требованіе, но скоро раскаялся въ своей уступчивости и рѣшился, во что бы то ни стало, отстаивать свою свободу. Поднятое имъ возстаніе баварцевъ противъ Карла кончилось рѣшительной неудачей: его войска были разбиты, самъ онъ снова принесъ требуемую клятву, а своего сына отдалъ Карлу въ качествѣ за-

ложника. Но и послѣднее обстоятельство не остановило Тассилона, и онъ началъ тайные переговоры съ аварами, съ Византіей, съ герцогомъ беневентскимъ, побуждая ихъ дѣйствовать противъ Карла. Тайные переговоры были открыты. Карль призвалъ мятежнаго вассала въ Ингельгеймъ. Тассилонъ прибылъ на сеймъ, собравшійся въ этомъ городѣ, нисколько не подозрѣвая того, что могучій сюзерень открылъ его помыслы. Изобличенный на сеймѣ, Тассилонъ былъ приговоренъ къ смертной казни, но, по просьбѣ виновнаго, смертная казнь была отмѣнена. „Что ты будешь дѣлать, если тебѣ будетъ дарована жизнь?“ спросилъ Карль Тассилона.—Я пойду въ монастырь, буду каяться въ немъ и замаливать свои грѣхи. — Карль назначилъ для его пребыванія одинъ изъ франкскихъ монастырей, но и здѣсь строптивый герцогъ продолжалъ нѣкоторое время жить въ полномъ великолѣпіи и, вѣроятно, таилъ въ глубинѣ своей души прежнія гордыя мечты. Когда же онъ убѣдился въ полной неосуществимости ихъ, когда всѣ его надежды были разбиты, онъ отказался отъ короны въ пользу Карла, принялъ монашескій санъ и поселился въ Лоршскомъ бенедиктинскомъ монастырѣ (въ западной Германіи). Здѣсь онъ и умеръ. Долгое время показывали потомъ надгробный камень, положенный надъ мѣстомъ вѣчнаго упокоенія послѣдняго баварскаго герцога изъ рода Агилольфинговъ. На камнѣ была начертана надпись слѣдующаго содержанія: „Тассилонъ, сперва герцогъ, потомъ король и напослѣдокъ монахъ, въ Бозѣ почилъ 11-го числа Декабря мѣсяца. Здѣсь онъ въ могилѣ лежитъ; сопричисли его, Господи, къ лику блаженныхъ“. Теперь этого камня больше нѣтъ, и что нимъ случилось, неизвѣстно.

Рѣзкія черты въ характерѣ Тассилона, его отваж-

ная борьба съ великимъ государемъ, превратности его судьбы скоро стали служить матеріаломъ для легенды. И въ самомъ дѣлѣ, забыть его было трудно. Съ одной стороны, онъ представлялся великимъ преступникомъ, нарушившимъ священную клятву вассала сюзерену, дерзкимъ противникомъ величайшаго изъ монарховъ. Съ другой стороны, онъ привлекалъ къ себѣ тѣмъ, что дѣйствовалъ заодно съ народомъ своимъ, слилъ свои

собственные интересы и свою судьбу съ интересами и судьбою своего народа и геройски бился за его свободу. Его личныя несчастья возбуждали къ нему чувства самаго искренняго состраданія. Когда говорить только одно чувство, отъ состраданья недалеко до оправданья. Тѣмъ болѣе естественно было оно въ данномъ случаѣ, что много пострадавшій грѣшникъ окончилъ дни свои въ монастырѣ и отличался, живя въ немъ, своею строгой, подвижническою жизнью. Этого—по народнымъ воззрѣніямъ—

*) Находящійся на настоящей страницѣ рисунокъ изображаетъ портикъ (portique, Kreuzgang) въ Бебенгаузенскомъ монастырѣ. Такіе портики были необходимою принадлежностью всякаго монастыря.

было достаточно не только для искупленія прошлаго, но и для полученія сверхъ того особой милости у Бога.

Изъ многихъ легендъ о Тассилонѣ особенно хороша нижеслѣдующая. Мы приводимъ ее въ сдѣланномъ нами стихотворномъ переводѣ съ нѣмецкаго языка. Ея детали разработаны позднѣйшимъ поэтомъ, но самая фабула цѣликомъ заимствована изъ народнаго сказанія. Подобныхъ сказаній сохранилось въ монастырскихъ хроникахъ немало; имъ присущи, при извѣстномъ разнообразіи, и нѣкоторыя общія черты. Возникая за предѣлами монастырей, такія сказанія съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями заносились въ монастырскія хроники и становились *легендами* *).

Тассилонъ въ Лоршѣ.

(Легенда).

Съ дороги дальней отдохнуть
Стремится Карль къ семьѣ родимой,
Но онъ на Лоршѣ свернулъ свой путь:
Тамъ — монастырь его любимый,
Тамъ въ полуночный тихій часъ
Молился въ храмѣ онъ не разъ.

* * *

„Привѣтъ обители святой!
„Привѣтъ вамъ, набожные братья!
„Я радъ: какъ пилигримъ, простой,
„У васъ могу здѣсь отдохнуть я
„И отъ пути, и отъ тревогъ;
„Ихъ много, много — видитъ Богъ!

* * *

*) Легенда (legenda) — латинское слово и въ буквальномъ переводѣ значить „долженствующее быть прочитаннымъ“, предназначенное для чтенія. Онѣ обыкновенно читались въ монастыряхъ въ положенное для того время.

„Тамъ, въ мѣрѣ, буря и война.
 „Тамъ — человѣческія страсти,
 „А здѣсь — святая тишина,
 „Здѣсь нахожуся я во власти
 „Раздумья тихаго; здѣсь мнѣ
 „Отраднѣе въ этой тишинѣ“.

* * *

Аббатъ и иноки въ отвѣтъ
 Благодарятъ за посѣщенье;
 Онъ принимаетъ ихъ привѣтъ,
 Храня обычное смиренье.
 И все, что нужно для него, —
 Готово, вдоволь есть всего.

* * *

Вокругъ все тихо. Ночь глядитъ
 Чрезъ окна темнаго собора.
 Одна лампада въ немъ горитъ
 На алтарѣ, не сводитъ взора
 Съ него могучій Карль: весь онъ
 Въ свои молитвы погружень.

* * *

Какъ будто стукнулъ кто? иль нѣтъ?
 Вотъ слышенъ шумъ шаговъ... и живо
 Карль обернулся, видитъ свѣтъ...
 Идетъ монахъ неторопливо
 По звонкимъ плитамъ межъ колоннъ,
 Путь къ алтарямъ направилъ онъ.

* * *

И кто-то дивный рядомъ съ нимъ
 Въ лучахъ сіяющихъ проходить:
 То, видно, Божій херувимъ
 Слепца шагами руководить.
 И видитъ Карль въ чертахъ слѣпца
 Черты знакомаго лица.

* * *

Отъ алтаря до алтаря
 Все водить старца ангель ясный;
 Молчанье полное храня,
 Они идутъ стопой согласной;
 Лишь старецъ молится въ тиши...
 Но вотъ, все скрылось ни души...

* * *

И входитъ утренней порой
 Къ аббату Карль, въ его обитель.
 „Скажите, кто у васъ — святой?
 „Кому здѣсь служитъ небожитель?“
 Но не постигъ вопроса онъ:
 — Васъ, Государь, смущаетъ сонъ.—

* * *

„Нѣтъ, то не сонъ, святой отецъ,
 „То не напрасная тревога:
 „По храму тихо шелъ слѣпецъ,
 „Его водилъ посланникъ Бога.
 „Пойдемъ сегодня вмѣстѣ въ храмъ;
 „Они, быть можетъ, будутъ тамъ“.

* * *

Близка полночная пора;
 Аббать и Карль стоятъ въ томленьи —
 И что же? снова, какъ вчера,
 Явидось дивное видѣнье:
 Въ лучахъ прекрасный херувимъ
 И снова тотъ же старецъ съ нимъ.

* * *

„Отецъ святой! Кто это? кто?“
 — Мой государь, о томъ не знаетъ
 И до сихъ поръ еще никто:
 Онъ имя ото всѣхъ скрываетъ.
 У насъ живетъ онъ много лѣтъ
 Одинъ, какъ истинный аскетъ.—

* * *

Отъ алтаря до алтаря
 Все водить старца ангель ясный;
 Молчанье полное храня,
 Они идутъ стопой согласной;
 Лишь старецъ молится въ тиши...
 Но вотъ, все скрылось... ни души...

И Карль, поникнувъ головой,
 Отдался мыслямъ: „нѣтъ сомнѣнья,
 „Его видалъ я; той порой
 „Еще лишень онъ не былъ зрѣнья...
 „Отець, веди меня къ нему!
 „Я все узнаю, все пойму!“

Приходятъ въ келью, и аббать
 Спросилъ слѣпца: — скажи намъ смѣло,
 Гдѣ родина твоя, мой братъ?
 Какъ звать тебя? какое дѣло
 Тебя въ обитель привело?
 Мы ждемъ отвѣта твоего.—

„Моею родиной былъ мѣръ;
 „Теперь онъ — гдѣ-то тамъ, за бездной.
 „О, еслибъ могъ я вѣчный миръ
 „Найти на родинѣ надзвѣздной!
 „Меня же грѣшникомъ зовутъ,
 „Мои грѣхи меня гнетутъ.“

„Нѣтъ,—молвилъ Карль—отець святой,
 „Твои грѣхи простилъ Спаситель.
 „Возстань! Я знаю, что съ тобой,
 „Какъ съ другомъ, ходитъ небожитель“...
 И вскрикнулъ инокъ, какъ во снѣ:
 „Ты посланъ Господомъ ко мнѣ!

„Давно бы легъ въ могилу я,
 „Но я виновенъ предъ тобою
 „И долженъ жить. Прости меня!
 „О, не гнушайся же мольбою!
 „Тогда проститъ меня и Онъ..
 „Мнѣ было имя — Тассилонъ...“

* *
 * *

Карль тронуть, руку протянулъ
 И молвилъ: вотъ тебѣ прощенье!“
 Слѣпецъ къ рукѣ его прильнулъ,
 Прильнулъ и замеръ во мгновенье:
 Гдѣ сердце билось, тихо тамъ;
 Душа несется къ небесамъ.

* *
 * *

Видна улыбка на устахъ.
 Въ окошко кельи проникаетъ
 Заря, и въ розовыхъ лучахъ
 Самъ ангелъ въ келейку влетаетъ...
 Нѣтъ изумленію границь,
 И каждый палъ невольно ниць.

Монастырская школа.

днимъ изъ самыхъ выдающихся очаговъ просвѣщенія былъ въ продолженіе IX и X столѣтій Сенъ-Галленскій монастырь, названный такъ по имени своего основателя Св. Галла, ученика Св. Колумбана.

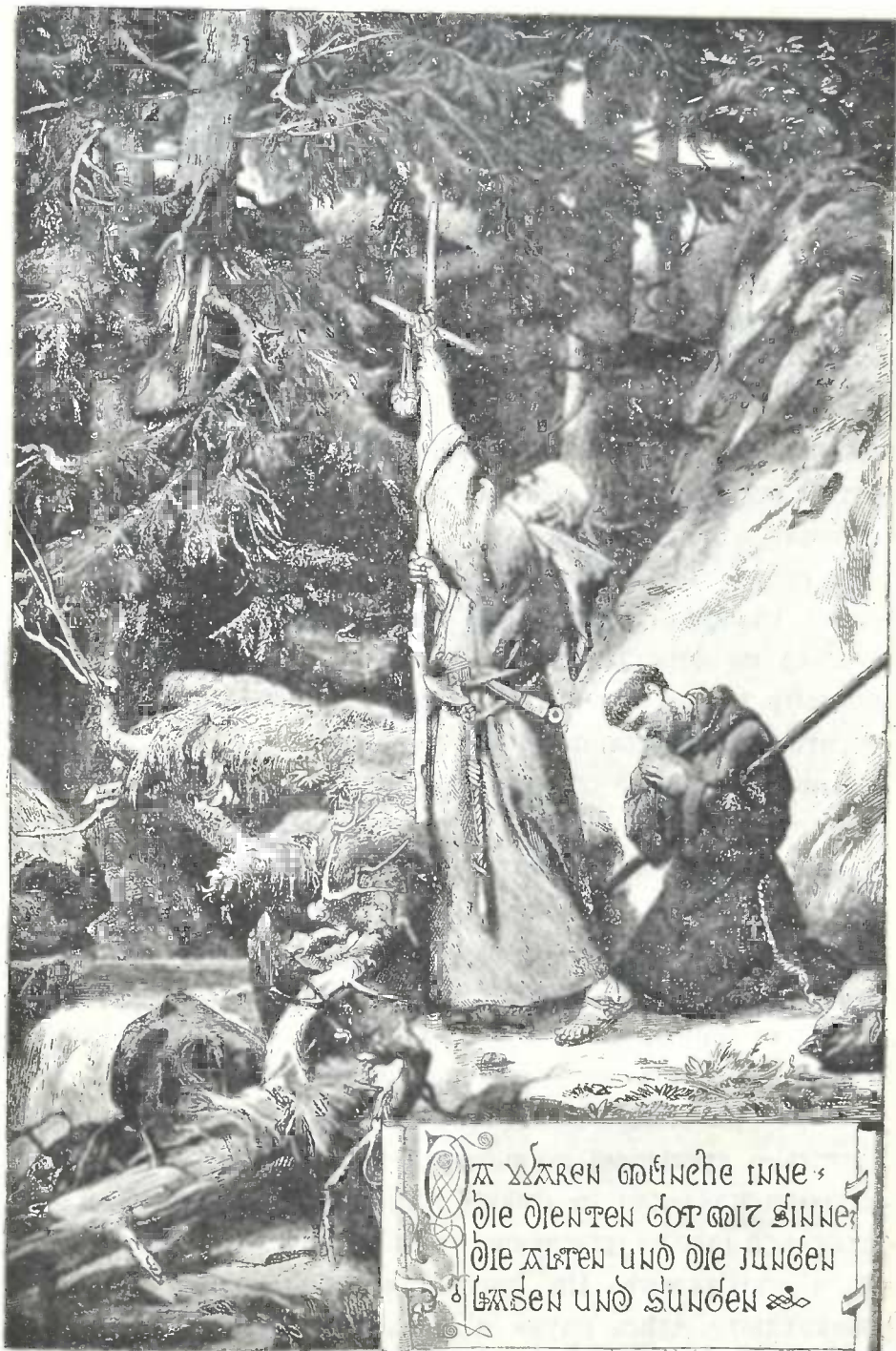
До прибытія Св. Галла, до возникновенія здѣсь обители, мѣстность, въ которой основался Сенъ-Галленскій монастырь, была дика и сурова. Здѣсь тянулся огромный первобытный лѣсъ, альпійская долина не оглашалась звуками человѣческой рѣчи, и никто не забрасывалъ невода въ воды дикаго Штейнаха.

Первыми поселенцами этого пустыннаго Альпійскаго уголка были ирландскіе миссіонеры. Въ ту пору, когда на материкѣ, въ Западной Европѣ, водворялось варварство, въ Ирландіи процвѣтала образованность. Но жители Ирландіи не замкнулись въ узкую сферу своихъ собственныхъ интересовъ. Изъ ихъ среды выходили отважные миссіонеры, задававшіеся высокою цѣлью насаждать христіанство и христіанскую культуру. Они покидали цѣлыми толпами свой зеленый островъ и черезъ Францію расходились по разнымъ странамъ Западной Европы. Съ развѣвающимися по вѣтру волосами, съ кожаными котомками за спиной, въ которыхъ хранили они принадлежности для письма и реликвіи, съ длинными странническими посохами въ рукахъ, они рѣзко выдѣлялись повсюду и обращали на себя всеобщее вниманіе. Мы много читаемъ и слышимъ о грозныхъ набѣгахъ на Западную Европу скандинавскихъ пиратовъ - норманновъ, долгое время воевавшихъ противъ христіанской культуры. Врядъ ли многое знаютъ объ ирландскихъ миссіонерахъ, объ ихъ мирныхъ завоева-

ніяхъ. Къ числу такихъ-то мирныхъ завоевателей и принадлежалъ Св. Галлъ.

Св. Галлъ прибылъ сюда въ сопровожденіи одного только товарища, освятилъ избранное мѣсто, поставилъ въ землю сдѣланный изъ древесныхъ вѣтвей крестъ и повѣсилъ на него ящичекъ съ реликвіями. Здѣсь произошло то же самое, что происходило и въ другихъ мѣстахъ, въ подобныхъ случаяхъ: слава о жизни и подвигахъ поселившихся здѣсь людей привлекла къ нимъ учениковъ, и мѣсто стало быстро заселяться. Центромъ новой колоніи была скромная церковка, выстроённая руками поселенцевъ. Но вновь основанная обитель стала замѣтно развиваться только сто лѣтъ спустя, послѣ смерти Св. Галла, случившейся въ 630 году, стала развиваться вмѣстѣ съ введеніемъ сюда бенедиктинскаго устава— „Правила жизни монашеской“. Развитію обители кромѣ Правила Св. Бенедикта, которое, вообще, отличалось необыкновенною плодотворностью, много способствовали различныя благопріятныя вліянія. Сюда постоянно притекали новыя, свѣжія силы съ сѣвера и юга: изъ Британіи, Германіи и Италіи. Сень-Галленскіе аббаты, начиная съ Отмара, старались пользоваться всякимъ случаемъ для привлеченія этихъ силъ. Аббатъ Отмаръ ввелъ въ свою общину уставъ бенедиктинскаго ордена и учредилъ при монастырѣ школу. На эту школу имѣла огромное вліяніе школа Фульдскаго монастыря, основаннаго Св. Бонифаціемъ. Фульдская школа при пятомъ аббатѣ мѣстнаго монастыря Рабанѣ Маврѣ была первою въ Германіи. Самъ Рабанъ Мавръ прославился какъ „первый учитель Германіи“. Сюда направлялись для обученія и Сень-Галленскіе монахи.—Велико было вліяніе и сосѣдней Италіи. Именно послѣднему вліянію обязанъ Сень-Галленскій монастырь замѣчательной постановкой музы-

Da waren münche inne
die dienten got mit sinne
die alten und die jungen
lassen und sünden

кальнаго преподаванія, своею школою пѣнія. Пѣніе долго не давалось германцамъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ отзывается о нихъ по этому поводу біографъ папы Григорія Великаго: „ихъ грубые, какъ громъ звучащіе голоса не были годны ни для какой тихой мелодіи, ибо ихъ необработанныя глотки, привыкшія къ питью, не допускали тѣхъ изгибовъ, которыхъ требуетъ нѣжная мелодія. Ихъ возбуждающіе отвращеніе голоса издавали только такіе тоны, которые были похожи на стукъ скатывающейся съ горы фуры“. Карлъ Великій сталъ энергически стремиться къ достиженію своей цѣли, къ развитію въ Германіи церковнаго пѣнія. Для этого онъ входилъ въ неоднократные переговоры съ Римомъ. Въ 790 году папа Адріанъ послалъ къ нему двухъ итальянскихъ пѣвцовъ. Одинъ изъ нихъ, по имени Романъ, заболѣлъ на дорогѣ и остановился въ Сень-Галленѣ. По просьбѣ Сень-Галленскаго аббата, Карлъ разрѣшилъ ему остаться тамъ для постояннаго пребыванія. Итальянецъ Романъ и сталъ обучать въ школѣ Сень-Галленскаго аббатства пѣнію. Именно ему и обязана Сень-Галленская школа пѣнію своимъ процвѣтаніемъ.

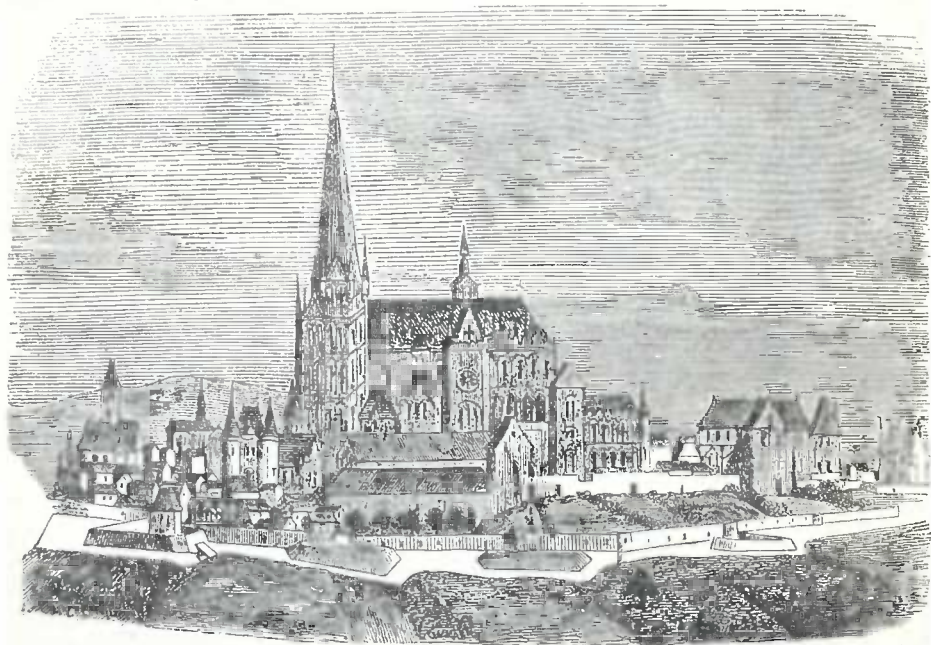
Сперва Сень-Галленскій монастырь стоялъ въ зависимости отъ Констанцскаго епископа, въ епархіи котораго находился. Но послѣ аббата Отмара началась энергическая борьба монастыря за независимость, пока послѣдняя не была окончательно достигнута въ правленіе аббата Гримальда. Въ правленіе этого аббата была значительно увеличена монастырская бібліотека, что естественно повлекло за собою дальнѣйшее развитіе монастырской школы или лучше сказать монастырскихъ школъ въ Сень-Галленѣ. Но высшей степени своего развитія достигаютъ здѣсь наука и школьное дѣло въ замѣчательное правленіе аббата Соломона, продолжавшееся

тридцать лѣтъ, съ 890—920 г. Сень-Галленскія школы занимаютъ выдающееся положеніе въ продолженіе всего X вѣка. То была пора свѣта, блеска, жизни. Въ началѣ XI вѣка ихъ слава падаетъ, но онѣ еще озаряются отблескомъ прежняго величія. Онѣ переживаютъ осенній періодъ своей жизни, за которымъ наступаетъ суровая зима. Почти полное паденіе школьнаго дѣла относится ко второй половинѣ XI вѣка, когда позднѣе образовавшіеся монастыри приняли на себя прежнюю задачу Сень-Галленской обители.

Есть что-то величественное, высоко-поэтическое въ исторіи возникновенія и развитія замѣчательнѣйшихъ монастырей. Въ дикую, пустынную мѣстность приходятъ скромные, но преданные своему дѣлу и энергическіе люди. Они скоро находятъ горячій откликъ въ сердцахъ тысячи другихъ людей. Закипаетъ работа, и, какъ въ сказочной фээриі, мѣстность, занятая ими, совершенно измѣняется. Тѣ же горы, та же долина, тѣ же стремительные потоки, но присутствіе чего-то новаго придаетъ всему окружающему новый характеръ. Являются въ пустыню два человѣка, останавливаются здѣсь, отмѣчаютъ занятое ими мѣсто простенькимъ крестомъ, сплетеннымъ изъ древесныхъ вѣтвей, — проходятъ полтора столѣтія, и въ пустынномъ мѣстѣ возникаетъ крупный культурный центръ. Такъ было и въ Сень-Галленѣ. Въ церкви, сооруженной руками иноковъ, высокій потолокъ поддерживается могучими каменными колоннами; дневной свѣтъ проходитъ черезъ тысячи цвѣтныхъ стеколъ; на стѣнахъ позолота и живопись; съ потолка свѣшиваются стеклянныя паникадила, богато украшенныя золотомъ и серебромъ, и здѣсь, и тамъ виднѣются распятія и мощехранильницы изъ слоновой кости, золота, серебра; на многихъ предметахъ церковнаго обихода сверкаютъ дра-

гоцѣнные камни. Самый монастырь превратился въ какую-то величественную крѣпость *). Монастырскіе колокола не только созываютъ мирнымъ благовѣстомъ на молитву, но ускоренными, нервными тонами извѣщаютъ братію о появленіи врага, призываютъ ее къ борьбѣ.

До нашего времени сохранился подробный планъ Сенъ-Галленскаго монастыря, относящійся къ первой четверти IX вѣка. Онъ въ пятнадцать разъ болѣе чи-

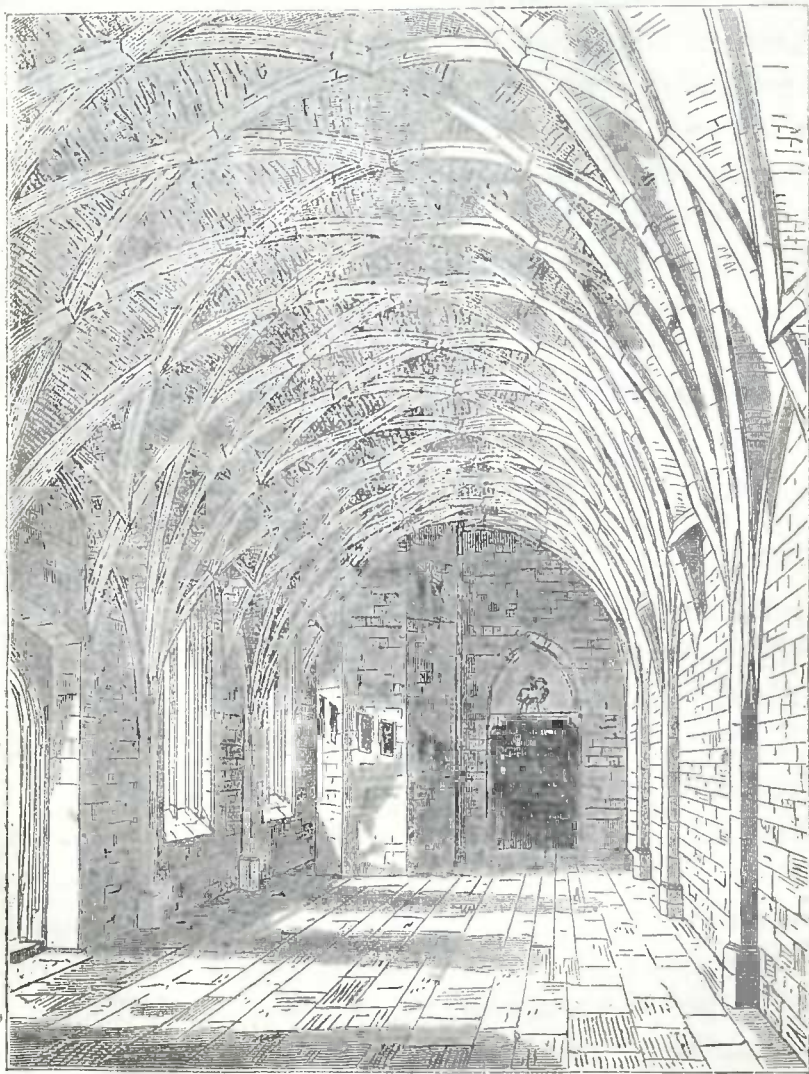

таемой теперь страницы; всѣ линіи проведены красными, а поясненія написаны черными чернилами. Мы не будемъ здѣсь подробно описывать его, а въ самыхъ общихъ чертахъ познакоимся съ его содержаніемъ. На немъ изображены: церковь, ризница, библіотека и комната для письменныхъ занятій, колокольни, различныя помѣщенія для иноковъ (кельи, баня, дортуаръ, столо-

*) Прилагаемый рисунокъ изображаетъ древнее аббатство С. Дени.

вая и друг.), комнаты для переговоровъ съ посѣтителями *) (parlatorium) и прислугой, внутренняя школа, внѣшняя школа, домъ аббата (aula), гостиница для знат-

ныхъ посѣтителей, жилище привратника, гостиница для бѣдныхъ и пилигримовъ, жилище попечителя о бѣдныхъ.

*) Рисунокъ изображаетъ комнату для собесѣдованій въ Маульбронскомъ аббатствѣ.

гостиница для монаховъ другихъ обителѣй, домъ для врачей, садъ съ лѣкарственными растеніями, больница, домъ для кровопусканія, домъ для ремесленниковъ, различныя сельско-хозяйственныя постройки (мельница, сушильня для фруктовъ, амбары и др.), огородъ, домъ садовника, стойла, птичникъ, жилища прислужниковъ и кладбище. Среди этого разнороднаго матеріала мы останавливаемъ свое вниманіе на школахъ. Такимъ образомъ монастырская школа не представляетъ собою что-то одинокое, изолированное, а является однимъ изъ колесъ обширнаго монастырскаго механизма.

Школъ было въ Сенъ-Галленѣ, какъ и въ большинствѣ средневѣковыхъ монастырей, двѣ: внутренняя и внѣшняя. Первая предназначалась исключительно для тѣхъ лицъ, которыя должны были сдѣлаться монахами. Зданіе этой школы примыкаетъ одной стороною къ монастырской церкви. Школьныя помѣщенія расположены вокругъ широкаго двора, но между ними и самимъ дворомъ протянулась по всѣмъ четыремъ сторонамъ крытая галерея, портикъ, съ кровлей, наклоненной къ двору, съ большими полукруглыми окнами и такими же дверями. За галереей съ одной стороны расположены школьная камера (camera) и столовая (refectorium), съ другой — большая учительская комната (mansio magistri) и лазаретъ (infirmorum domus), оба помѣщенія съ выходами на внѣшній дворъ; съ третьей стороны — дортуаръ (dormitorium) и рабочая комната для учениковъ (pisalis), послѣдняя снабжена каминомъ и дымовою трубой. Всѣ эти комнаты не соединяются между собою, а имѣютъ выходы въ портикъ, кромѣ двухъ вышеуказанныхъ, имѣющихъ сверхъ того еще внѣшніе выходы. Съ четвертой стороны портикъ примыкаетъ въ церковной стѣнѣ. Церковь, упоминаемая здѣсь нами, специально предна-

значалась для учениковъ внутренней школы. Въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ школьныхъ построекъ помѣщаются кухня (coquina) и баня (balneatorium) съ четырьмя котлами, двумя скамьями и очагомъ. Обѣ онѣ принадлежатъ ученикамъ внутренней школы. Что касается внутренняго двора, онъ, какъ показываетъ самая надпись на планѣ *), назначался для совмѣстныхъ прогулокъ и игръ послушниковъ и дѣтей, принесенныхъ родителями въ даръ монастырю. По другую сторону школьной церкви находилась совершенно симметрично устроенная монастырская больница.

Внѣшняя школа расположена совсѣмъ въ другой сторонѣ, между жилищемъ или дворцомъ аббата и гостиницей для знатныхъ посѣтителей. Мѣсто, ею занимаемое, окружено заборомъ, при чемъ на планѣ сдѣлана любопытная надпись: „эта ограда стѣсняетъ желанія учащейся молодежи“ **) т. е. способствуетъ усилению вниманія, углубленію въ преподаваемый предметъ. Другая надпись, свидѣтельствуетъ о томъ, что передъ нами—зданіе общественной школы и вмѣстѣ съ тѣмъ мѣсто отдыха ***). Внутренній дворъ, замѣнявшій наши пыльные рекреационныя залы, раздѣленъ поперечной стѣной на двѣ части, а посреди каждой изъ нихъ находится по одной бесѣдкѣ (testudo). Вокругъ же двора расположены школьныя и учительскія комнаты, числомъ двѣнадцать. За школьной оградой, у самой церкви, отмѣченъ домикъ директора (mansio capitis scholae).

Основой средневѣковаго школьнаго преподаванія были такъ называемыя семь свободныхъ искусствъ (septem artes liberales). Но, прежде чѣмъ приступить къ

*) hoc clauastro obtati pulsantibus adsociantur.

**) haec quoque septa premunt discentis vota iuventae.

***) domus communis scholae idem vacationis.

нимъ, необходимо было пройти элементарный курсъ. Учить начинали съ семилѣтняго возраста. Сохранившіяся извѣстія о лицахъ, начавшихъ свое ученіе съ пяти лѣтъ, вполне правдоподобны, но такое раннее начало ученія было исключеніемъ. До нашего времени сохранилась молитва, читавшаяся предъ началомъ ученія. „Дай рабу сему — говорится въ ней — пригодный къ ученію разумъ, чтобы онъ преуспѣвалъ и во внѣшнихъ наукахъ (т. е. свѣтскихъ), и удостоился бы приобрести способность къ пониманію вѣчной науки (богословія)“.

Въ чемъ же заключался элементарный курсъ? Въ этотъ курсъ въ теченіе среднихъ вѣковъ входили: *псалтирь* (т. е. чтеніе латинской псалтири), *письмо*, *церковное пѣніе*, *церковное счисленіе* и элементарный курсъ *грамматики*. Какъ же учили читать? Для этого пользовались маленькими дощечками или листочками, на которыхъ находились буквы азбуки въ алфавитномъ порядкѣ. Очень можетъ быть, что на нихъ, кромѣ буквъ, изображались еще и склады, и слова, удобныя для первоначальнаго чтенія. Такимъ образомъ, начинали съ букваря. Когда учащіеся оказывали уже достаточные успѣхи, отъ латинскаго букваря переходили къ псалтири, написанной крупными буквами. При этомъ стремились добиться того, чтобы ученики читали безъ малѣйшихъ ошибокъ. Правило жизни монашеской предписываетъ за ошибки при чтеніи бить учениковъ. Это было, въ сущности, бессмысленное упражненіе въ чтеніи, такъ какъ латинскій языкъ еще не былъ доступенъ пониманію начинающихъ свое ученіе дѣтей. Были люди, которые выносили изъ школы только одно умѣнье читать по-латыни, безъ всякаго разумѣнія смысла прочитаннаго. Сохранилось преданіе объ одномъ нѣмецкомъ епископѣ XI столѣтія, который вынесъ будто бы изъ школы только такое познаніе. Импе-

раторъ Генрихъ II, или желая обнаружить его невѣжество передъ другими, или посмѣяться надъ нимъ, приказалъ изъ подававшагося ему служебника въ латинскихъ словахъ, означавшихъ „за рабовъ и рабынь“ (pro famulis et famulabus), вытереть по первому слогу. Получились отъ этого слова, которыя имѣли уже совершенно иное значеніе, а именно „за лошаковъ и лошачихъ“ (pro mulis et mulabus). Епископъ — говоритъ преданіе — не замѣтилъ подчистки и прочелъ такъ, что обнаружилъ свое невѣжество. Впрочемъ, читать ученики должны были прекрасно: ихъ учили чтенію цѣлыхъ три года. Въ элементарное обученіе входило также и письмо. Сперва учились писать грифелемъ на покрытыхъ воскомъ дощечкахъ. Учитель писалъ букву на дощечкѣ, а ученикъ, копируя ее, исписывалъ дощечку до конца. Непривычнымъ учитель оказывалъ особую услугу: помѣстивъ надлежащимъ образомъ пальцы ученика, онъ самъ водилъ его рукою. Отъ дощечки переходили къ пергаменту, на которомъ писали перомъ и чернилами. Вообще обращали большое вниманіе на то, какъ ученикъ держитъ свое перо. Одинъ замѣчательный переписчикъ, жившій въ XI вѣкѣ, рассказываетъ, что въ дѣтствѣ ему совсѣмъ не давалось искусство держать надлежащимъ образомъ перо. „А отъ этого — говоритъ онъ — получилась у меня привычка при писаніи держать перо совсѣмъ неправильно, и послѣ этого я не могъ исправиться въ этомъ отношеніи ни у какого учителя... Всѣ, видѣвшіе это, говорили, что я никогда не буду писать хорошо“. Прорицатели жестоко ошиблись, а послѣдующіе успѣхи его показали, что неудавшееся ранѣе всегда можетъ удался потомъ: лишь бы было приложено надлежащее стараніе. За дурное письмо, какъ и за дурное чтеніе, постигало провинившагося тѣлесное наказаніе.

ніе. „Если ты — говорить одно средневѣковое стихотвореніе—не хочешь писать хорошо, я испишу твою спину плетью, чтобъ ты пропѣлъ мнѣ плачевную пѣсню *ой-ой..!*“ *) Въ то же время мальчиковъ учили церковному пѣнію. Въ ту пору, къ которой относится нашъ очеркъ, учили пѣнію по методѣ невматической. Невмами назывались особые нотные знаки, ставившіеся надъ слогами и показывавшіе повышеніе и пониженіе голоса. При этомъ они не могли показывать ни абсолютной высоты звука, ни интерваловъ **). Линейная нотная система распространилась позднѣе. Упоминавшійся нами итальянецъ Романъ ввелъ въ преподаваніе пѣнія нѣкоторое усовершенствованіе; къ невматическимъ знакамъ онъ прибавилъ буквы для обозначенія темпа, такъ, напримѣръ, буква *c* обозначала то, что, разумѣется, теперь въ музыкѣ подъ выраженіемъ *allegro* (*c=cito* т. е. проворно, быстро), буква *m* обозначала *moderato* и т. д. За ошибки на урокахъ пѣнія ожидало провинившагося то же самое воздаяніе, которое вызывалось ошибками на урокахъ чтенія и письма. Въ житіи одной святой аббатиссы разсказывается, что она лично управляла своимъ монастырскимъ хоромъ и безпощадно ударяла хлыстомъ зазѣвавшуюся монахиню. Но такая монахиня—по словамъ легенды—уже во все остальное время своей жизни отличалась восхитительною ясностью голоса. Того же нельзя сказать историку объ ученикахъ монастырскихъ школъ. Удары, имъ наносившіеся, не улучшали ни голоса, ни способности владѣть имъ. Но болѣе всего дѣйствовала розга на урокахъ грамматики. Одинъ французскій монахъ написалъ руководство по грамматикѣ для сына прован-

*) *Si bene non scribis, scribam tua dorsa flagellis,
Ut mihi decantes uxor lacrimabile carmen.*

**) Невмы—то же самое, что наши древне-русскія крюковыя ноты.

сальскаго сеньора и далъ этому руководству внушительное, много говорившее заглавіе: „береги спину!“ (serva dorsum!)

Научивъ читать и писать по-латыни, приступали къ элементарному курсу грамматики: пріучали ихъ отличать части рѣчи, склонять и спрягать. При этомъ старались, чтобы ученики вели обыденные разговоры на латинскомъ языкѣ. Въ иныхъ школахъ даже запрещали говорить на другомъ языкѣ, кромѣ латинскаго. Съ этою цѣлью составлялись учителями подходящіе словарьки и книги съ разговорами на латинскомъ языкѣ. Отъ XI в. дошла до нашего времени одна изъ такихъ книжечекъ съ подстрочнымъ переводомъ на англосаксонскомъ языкѣ. Составилъ ее Эльфрикъ, англосаксонскій бенедиктинецъ. Въ ней помѣщены вопросы, отвѣты и изреченія, касающіяся обыденной жизни. Она представляетъ рядъ діалоговъ, въ которыхъ участвуютъ попеременно монахъ, крестьянинъ, охотникъ, рыбакъ, поваръ и т. д. Каждый изъ нихъ отвѣчаетъ на вопросы, касающіеся его занятій, и называетъ предметы своего обихода. Никакихъ болѣе или менѣе сложныхъ вычисленій въ элементарномъ курсѣ не производили и усиленно приобѣгали къ помощи пальцевъ.

Когда ученики пріобрѣтали нѣкоторый навыкъ въ латинскомъ языкѣ, ихъ заставляли заучивать псалмы. Кромѣ того, считалось необходимымъ даже маленькому ученику знать Молитву Господню и Символь Вѣры.

Всѣмъ вышеизложеннымъ и ограничивался подготовительный курсъ, за которымъ слѣдовало уже обученіе семи свободнымъ искусствамъ. Но, прежде чѣмъ перейти къ нимъ, мы поговоримъ о школьномъ наказаніи, царившемъ въ средніе вѣка, и укажемъ, какіе взгляды существовали на него въ то время.

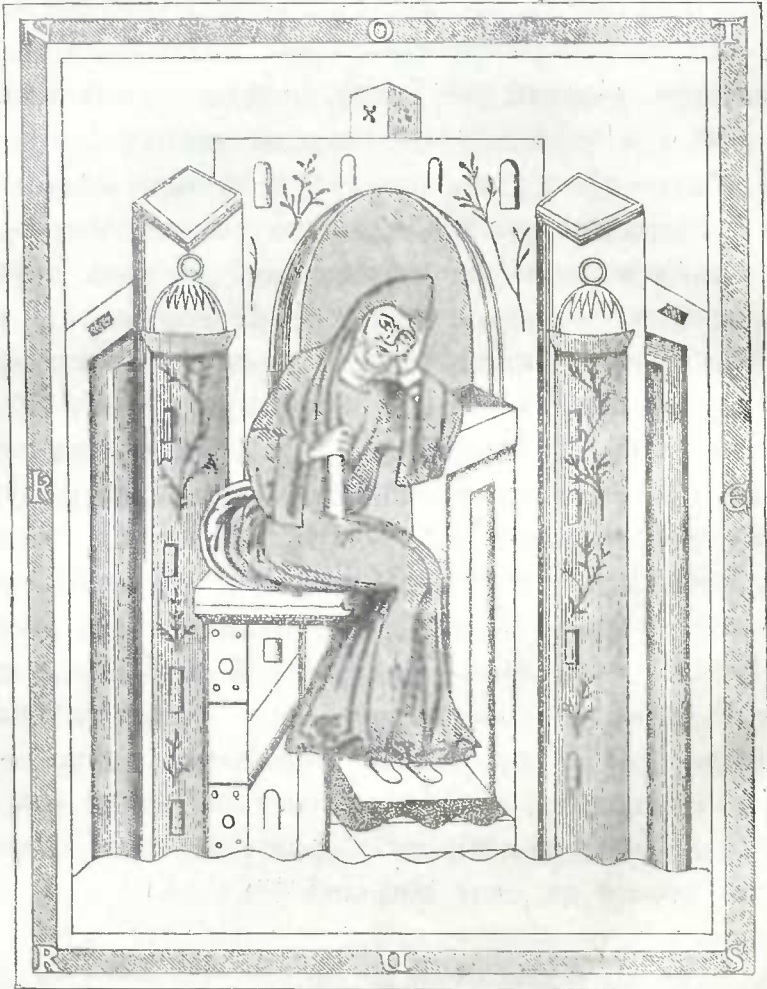
Палка и розга были заимствованы средневѣковою школою отъ школы римской. Тѣлесное наказаніе считалось необходимою принадлежностью ученья. Гуманное Правило Св. Бенедикта признало эту необходимость. Били обыкновенно по рукамъ или по спинѣ. Ученики умоляли не подвергать ихъ побоямъ, нерѣдко даже убѣгали отъ наказанья. Въ Сень-Галленскомъ монастырѣ въ первой половинѣ X вѣка произошелъ трагическій случай. Дѣло было такъ. Рѣшили наказать нѣсколькихъ учениковъ и одного изъ нихъ послали на чердакъ за розгами. Въмѣсто того, чтобы исполнить приказаніе, онъ вытащилъ изъ топившейся печи горящее полѣно и положилъ его подъ самую кровлю зданія. Когда загорѣлись балки, онъ сбѣжалъ внизъ, крича о пожарѣ. Справиться съ нимъ не могли, и монастырь почти весь сгорѣлъ. Сохранился слѣдующій полумиѳическій, но характерный разсказъ о томъ, какъ отомстилъ юный Оттонъ II своему дядѣ, архіепископу Кельнскому, за тѣ удары, которыми тотъ угощаль его. Во время отлучки архіепископа, отправившагося на ночное богослуженіе, притворившійся спящимъ Оттонъ всталъ съ постели и отправился въ городъ. Тамъ онъ досталъ трупъ недавно умершаго мальчика, принесъ его домой, положилъ на свою постель и прикрылъ своими одеждами, а самъ спрятался. Вернувшійся изъ церкви архіепископъ заглянулъ въ постель своего племянника и ужаснулся при видѣ трупа. Онъ былъ такъ пораженъ, что не замѣтилъ обмана и отдался самому искреннему горю. Когда онъ уже достаточно наволновался, Оттонъ вышелъ изъ своего уголка и на вопросъ взволнованнаго архіепископа о причинѣ такой злой, такой безсердечной шалости, отвѣчалъ: „я не могъ лучше отомстить вамъ за тотъ позоръ и тѣ удары, которые вы наносили мнѣ“.

Было время, когда такіе палочные учителя вознаграждались за свое усердіе. Такъ, напримѣръ, одинъ изъ нихъ, преподававшій грамматику, получилъ въ даръ отъ лангобардскаго короля палку, обложенную золотомъ и серебромъ. Во время торжественныхъ процессій учителя шли съ палками въ рукахъ, съ толпами учениковъ впереди. Но злоупотреблявшіе своею властью и своимъ положеніемъ учителя не могли, конечно, возбудить къ себѣ любви и уваженія со стороны своихъ учениковъ. „Кто училъ—говоритъ одно средневѣковое стихотвореніе о тогдашнихъ учителяхъ — сто учениковъ и будетъ уважаемъ семерыми изъ нихъ, тотъ долженъ представлять собою особенное чудо; я рѣдко видѣлъ такое“ *). Сѣченіе принимало даже какой-то эпидемическій характеръ. Въ иныхъ монастыряхъ былъ обычай сѣчь учениковъ на Рождествѣ, можетъ быть, въ воспоминаніе объ избіенныхъ Иродомъ младенцахъ. Этотъ обычай не ограничивался одною какой-либо страной, а примѣнялся почти всюду. Въ одномъ изъ житій встрѣчается слѣдующее мѣсто, описывающее этотъ обычай: „Наступилъ праздникъ Рождества Христова. Съ древнѣйшихъ поръ въ монастырѣ томъ было въ обычаѣ за четыре дня до праздника терзать мальчиковъ, учившихся въ школахъ, тяжкими и неумѣренными ударами, что дѣлалось не за какіе-либо проступки, ими совершенные, но просто въ силу обычая“ **).

*) Swer hundert schuler hat gelert,
Wird der under in von siebene heert,
Der sol besunder wunders jehen:
Ich han ez aber selten noch gesehen.

***) Instabat dies festa nativitatis Christi. Moris autem antiquitus fuerat in monasterio ipso quinto die ante festum pueros, qui in scholis sub disciplina exercebantur, gravibus et immoderatis verberibus cruciari, qui cruciatus miseris non pro commissis culpis, sed pro usu inferebatur.

Но и въ тѣ суровыя времена были люди, высказывавшіеся противъ злоупотребленій въ этомъ дѣлѣ. Такъ напримѣръ, знаменитый въ свое время (въ IX в.) педагогъ св. Ноткерь *) Сень-Галленскій старался избѣгать тѣлесныхъ наказаній. Св. Ансельмъ Кентерберійскій

(† 1109 г.) старался также умѣрить рвеніе ихъ сторонниковъ. Одинъ аббатъ жаловался ему на дѣтей своей школы: не смотря на усиленное битье, его питомцы дѣ-

*) Рисунокъ представляетъ древній портретъ Св. Ноткера.

лаются все злѣе и хуже; аббать даже выражалъ опасеніе, что изъ нихъ выростутъ слабоумные и никуда негодные монахи. „Скажи мнѣ, любезный господинъ аббать, — отвѣчалъ ему на эти жалобы архіепископъ—если бы ты посадилъ въ своемъ саду деревцо и со всѣхъ сторонъ замкнулъ бы его, какъ бы стало выглядѣть оно по прошествіи года? Вѣроятно, оно испортится, искривится, изуродуется и, конечно, по твоей винѣ, потому что ты самъ воспрепятствовалъ его развитію. Совсѣмъ такъ же поступаете вы (продолжалъ архіепископъ, обращаясь уже къ цѣлой школьной корпораціи) съ вашими дѣтьми. Отдавая дѣтей въ монастырь, ихъ какъ бы сажаютъ въ церковный садъ, чтобы они выросли тамъ и принесли угодные Богу плоды. Между тѣмъ, вы угнетаете ихъ вѣчнымъ застрашиваньемъ, угрозами, ударами, чѣмъ убиваете въ нихъ всякое влеченіе къ свободнымъ дѣйствіямъ, а всѣ ихъ помыслы и стремленія направляете на дурное. Такимъ образомъ, они не встрѣчаютъ съ вашей стороны ни любви, ни нѣжности, ни добраго расположенія вообще. У нихъ составляетя убѣжденіе, что все дѣлается вами наперекоръ имъ, изъ ненависти, оттого и вырастаютъ они, исполняясь ненавистью и подозрительностью, и всегда склонны къ худому. Такъ какъ при вашей системѣ воспитанія, никогда не оказывается вамъ истинной любви, вы мрачны, и каждый изъ васъ смотритъ такъ угрюмо. И почему это думаете вы, что нравственно воспитать дѣтей можно только битьемъ да сѣченьемъ? Видѣли ли вы когда-либо, чтобы художникъ, дѣлающій изъ золотой пластинки драгоцѣнное изображеніе, совершенствовалъ его только ударами? Развѣ онъ не достигаетъ своего скорѣе тихимъ растягиваніемъ и разглаживаніемъ? Такъ поступайте и вы. Если желаете сдѣлать дѣтей добронравными, не пользуйтесь для этой цѣли

одними только ударами, но отеческою кротостью и нѣжнымъ обращеніемъ“. Не изгоняя совершенно изъ школы тѣлеснаго наказанія, Св. Ансельмъ оставляетъ его только для исключительныхъ случаевъ и высказываетъ рѣшительное порицаніе той системѣ, которая господствовала въ монастырѣ, находившемся подъ управленіемъ обратившагося къ нему съ жалобами аббата. Но не всѣ руководители школьнаго дѣла походили на этого аббата. Однажды деканъ Андреевскаго Кельнскаго монастыря, много лѣтъ до того занимавшійся преподаваніемъ, проходилъ мимо школы своего монастыря и, услышавъ доносившійся оттуда ужасный дѣтскій крикъ, вошелъ въ школу. Четверо мальчиковъ держали своего товарища, а учитель билъ его палкой. „Тогда — по словамъ автора, передававшего этотъ случай, — деканъ, какъ левъ, бросился въ школьную комнату, погрозилъ при всѣхъ ученикахъ жестокому учителю своимъ посохомъ и вырвалъ изъ его рукъ мальчика со словами: что ты дѣлаешь, тиранъ? ты поставленъ для того, чтобы учить дѣтей, а не забивать ихъ до смерти“. Какъ не всѣ начальники походили на аббата, получившаго такой справедливый выговоръ отъ своего начальника, такъ и не всѣ учителя походили на изображенный нами выше типъ средневѣковаго учителя. Слѣдующее нѣсколько наивное, но прелестное письмо ученика къ своему учителю свидѣтельствуешь объ этомъ. „Съ того времени, — пишетъ ученикъ, — какъ я прибылъ подъ ваше покровительство, вы воспитали меня безъ всякаго вознагражденія со стороны моихъ друзей, съ тою же любовью, какъ будто бы я былъ вашимъ роднымъ сыномъ. Но въ Писаніи сказано: „трудящійся достоинъ пропитанія“ *), а потому я отпра-

*) Матт. X, 10.

Монастырская школа.

вился къ своей сестрѣ, которая живетъ на одномъ островѣ, по имени Линдау,—я надѣюсь получить тамъ маленькій подарокъ, съ которымъ и явлюсь къ вамъ“. Не было, впрочемъ, недостатка въ мнѣніяхъ, противоположныхъ взгляду Св. Ансельма Кентерберійскаго. Одинъ Падерборнскій епископъ, о невѣжествѣ котораго мы выше говорили, высказался слѣдующимъ образомъ: „при обученіи дѣтей и юношей должно поступать со строгостью; не слѣдуетъ прибѣгать къ вреднымъ ласкательствамъ, такъ какъ послѣднія питаютъ только дерзость и распушенность юношей“. Въ то время слова эти означали не совсѣмъ то, что они могутъ означать въ наше время. Подъ „вреднымъ ласкательствомъ“ разумѣется здѣсь то отношеніе къ ученикамъ, которое рекомендовалось людьми, подобными Св. Ансельму; подъ „строгостью“— существовавшая тогда система.

Теперь обратимся къ главному предмету школьныхъ занятій въ средніе вѣка — къ семи свободнымъ искусствамъ (*septem artes liberales*). Эти искусства унаслѣдованы средневѣковою школою отъ императорскаго Рима и состояли изъ грамматики, риторики, діалектики, арифметики, геометріи, астрономіи и музыки. Большею частью ихъ изученіе слѣдовало въ указанномъ порядкѣ, но бывали и отступленія; на примѣръ, риторика проходила послѣ діалектики, астрономія послѣ музыки. Всѣ эти предметы проходились только въ такихъ монастырскихъ школахъ, гдѣ была достаточная для такого прохожденія наличность педагогическихъ силъ. Если таковой наличности не существовало, проходились только нѣкоторые изъ перечисленныхъ предметовъ. Были и такія обители, въ которыхъ не углублялись ни въ одинъ изъ этихъ предметовъ, а довольствовались только ихъ общими опредѣленіями.

Римъ оставилъ въ наслѣдіе среднимъ вѣкамъ и подходящія руководства. Особенною извѣстностью пользовалось сочиненіе Марка Терренція Варрона, въ которомъ, кромѣ отдѣловъ, посвященныхъ семи искусствамъ, есть еще два отдѣла: одинъ, трактующій о медицинѣ, другой—объ архитектурѣ. Изъ другихъ руководствъ большою славой пользовалось сокращенное изложеніе (compendium) семи свободныхъ искусствъ Марціана Капеллы (писателя V вѣка) подъ заглавіемъ „бракосочетаніе Филологии съ Меркуріемъ“. По образцу римскихъ руководствъ составлялись многочисленныя руководства въ средніе вѣка. Писались они и прозой, и стихами. Очень часто въ такихъ книгахъ употребляли діалогическую форму. Беда Преподобный рѣшительно предпочитаетъ послѣднюю; по его мнѣнію, изложеніе предмета въ видѣ собесѣдованій облегчаетъ ученье, и ученики, благодаря діалогической формѣ, учатся какъ бы играючи. Вотъ два примѣра вопросовъ и отвѣтовъ въ тогдашнихъ учебникахъ.

В. Сколько частей рѣчи?

О. Восемь.

В. Какія?

О. Имя, мѣстоимѣніе, глаголь, нарѣчіе, причастіе, союзъ, предлогъ, междометіе.

В. Что есть имя?

О. Часть рѣчи съ падежомъ (т. е. склоняемая), обозначающая тѣло или вещь въ смыслѣ собственномъ или общемъ.

В. Сколько акцидентовъ у имени?

О. Шесть.

В. Какіе?

О. Качество, сравненіе, родъ, число, фигура, падежъ.

В. Въ чемъ состоитъ качество?

О. Оно — двояко; или имя принадлежитъ одному и

зовется собственнымъ, или многимъ и зовется нарицательнымъ.

Или:

В. Какая часть рѣчи слово *арма*? *)

О. Имя.

В. Какое?

О. Наричательное.

В. Какого вида?

О. Родового.

В. Какого рода?

О. Средняго.

В. Почему средняго?

О. Потому что всѣ имена, оканчивающіяся во множественномъ числѣ на *а*, безъ сомнѣнія, средняго рода.

В. Почему неупотребительно единственное число этого слова? **)

О. Потому что имя это обозначаетъ разомъ многія и различныя вещи.

В. Какова его фигура?

О. Простая.

В. Произведи отъ него сложное?

О. *Armiger*... ***)

Семь свободныхъ искусствъ распадались на два курса: первый назывался *тривіумъ* (*trivium*) и заключалъ въ себѣ грамматику, риторику и діалектику, а второй именовался словомъ *квадривіумъ* (*quadrivium*) и состоялъ изъ четырехъ остальныхъ предметовъ.

Обратимся сперва къ предметамъ тривіума. Главнѣйшимъ изъ нихъ, да и вообще изъ всѣхъ свѣтскихъ

*) Латинское слово, значить *оружіе*.

**) Слово *арма* принадлежитъ къ разряду словъ, не имѣющихъ единственнаго числа.

***) Производное отъ *арма*, значить *оруженосецъ*.

наукъ, была грамматика. Во дворцѣ Карла Великаго была картина, на которой были изображены семь свободныхъ искусствъ. Грамматика въ видѣ царицы покоилась съ короной на головѣ подъ деревомъ; въ правой рукѣ она держала ножъ, предназначенный для выскабливанія ошибокъ, а въ лѣвой — бичъ, назначеніе котораго не нуждается теперь въ объясненіи. „Грамматика — по словамъ средневѣковаго педагога Рабана Мавра — есть искусство объяснять поэтовъ и историковъ, правильно читать и писать“. Такимъ образомъ, грамматика обнимала въ то время болѣе обширную область, чѣмъ можно предполагать теперь, основываясь на современномъ значеніи этого слова. Въ нее входили тогда, кромѣ того, что входитъ въ настоящее время, чтеніе авторовъ, обстоятельное толкованіе ихъ, а также стилистика, метрика и отчасти риторика. „Она — мать и главное основаніе свободныхъ искусствъ (продолжаетъ Рабанъ Мавръ). Христіанская школа занимается ею потому, что въ ней заключается искусство правильно говорить и писать... Она судитъ всѣхъ писателей, порицая ихъ за встрѣчающіяся ошибки и воздавая похвалу удачному выраженію“. Рабанъ Мавръ считаетъ ее даже прямо необходимой для надлежащаго пониманія Св. Писанія, въ которомъ также встрѣчаются различныя иносказательныя выраженія, при чемъ ихъ тамъ нисколько не менѣе, чѣмъ въ сочиненіяхъ свѣтскихъ писателей. „Не слѣдуетъ пренебрегать — говоритъ онъ дальше — и изученіемъ метрики, составляющей часть грамматики“. Одинъ изъ средневѣковыхъ авторовъ сравниваетъ семь свободныхъ искусствъ съ семью ступенями, по которымъ человѣческій духъ поднимается къ мудрости. Другой ученый сравниваетъ ихъ съ семью городами, которые встрѣчаетъ во время своего путе-

шествія въ область мудрости человѣческой духъ, при чемъ грамматику представляетъ какъ бы первой станціей. „Въ этомъ городѣ—говоритъ онъ—Донатъ и Присціанъ обучаютъ путника чужому языку и его правиламъ“. Оба сейчасъ названные ученые пользовались огромною популярностью въ первый періодъ среднихъ вѣковъ. Грамматики, имъ составленныя, находились во всѣхъ библіотекахъ; до нашего времени, не смотря на всѣ невзгоды, постигавшія книгохранилища, эти грамматики дошли въ большомъ количествѣ экземпляровъ. Кромѣ нихъ употребляли и другія грамматики. Въ большинствѣ случаевъ экземпляръ грамматики находился во время урока только въ рукахъ учителя. Послѣдній читалъ и переводилъ текстъ грамматики, ученики повторяли за нимъ, записывали читаемое на воощеныхъ дощечкахъ и заучивали. Прилежный учитель просматривалъ дощечки, исправлялъ встрѣчающіяся ошибки и прибавлялъ пропущенное. Чтеніе авторовъ начинали съ Эзоповыхъ басень и изреченій, приписываемыхъ Катону цензору. Потомъ приступали къ Вергилію, предварительно познакомившись съ его жизнью. Въ иныхъ школахъ изъ страха передъ языческимъ поэтомъ, замѣняли его какимъ-нибудь христіанскимъ писателемъ, наприм. Пруденціемъ. Кромѣ Вергилія читали Овидія, Горація, Терренція, Ювенала и другихъ латинскихъ авторовъ. Греческій языкъ не изучался. Знакомили съ нимъ учениковъ Сень-Галленской школы, но очень поверхностно; можно сказать, дѣло ограничивалось пустяками. Въ связи съ чтеніемъ латинскихъ авторовъ давались объясненія историческаго, миѳологическаго и археологическаго характера. Кромѣ того, занимались письменными упражненіями: ученики излагали грамматическія правила или мысли на заданную тему на латинскомъ языкѣ. На томъ же языкѣ

писались и стихотворенія. Темами для послѣднихъ были легенды о святыхъ. Писали латинскія стихотворенія и учителя. Вотъ небольшой, но чрезвычайно характерный отрывокъ изъ одного стихотворенія, написаннаго къ празднику Св. Михаила: „пустъ слетитъ съ небесъ благословенная фаланга Михаила, пустъ вооружается Гавриилъ, и будетъ побѣжденъ распухшій драгонъ! Пусть звучать трубы съ небесъ, союзныхъ Рафаэлю! Пусть небесные мечи поражаютъ адскіе легіоны!... Сверкають дротики, летаютъ копья тамъ, гдѣ сражаются божественныя силы“... *)

По окончаніи грамматики переходили къ риторикѣ и діалектикѣ. Оба эти предмета ставились средневѣковыми педагогами неизмѣримо ниже грамматики. Рабанъ Мавръ хотя и помѣщаетъ риторикѣ на первомъ мѣстѣ послѣ грамматики, но видитъ въ ней не много пользы, находя, что краснорѣчіе разовьется само собою при слуханіи выдающихся ораторовъ, при чтеніи авторовъ, а не черезъ изученіе риторики. Впрочемъ, при изученіи риторики не всегда останавливались на классикахъ, а довольствовались нерѣдко сочиненіями блаженнаго Августина и уже выше названнаго нами Марціана Капеллы. Въ Сень-Галленскомъ монастырѣ и другихъ

*) *Advolet e coelis benedicta phalanx Michaelis,
Gabriel armetur, draco turgidus superetur!
Classica de coelis clangant sociis Raphaelis!
Coeli mucrones Erebi mactent legiones!
Tela micant hastaeque volant, ubi numina pugnant...*

Совершенно въ томъ же родѣ, въ какомъ писалъ въ XVII в. Мильтонъ свою знаменитую поэму. Любопытно, что и Данте имѣлъ своего предшественника въ лицѣ Валафрида, жившаго въ первой половинѣ IX вѣка. Въ своемъ произведеніи «о Видѣніяхъ Веттина» (*de visionibus Vettini*) онъ рассказываетъ о странствованіи своего учителя по небу и аду. Вадафридъ былъ аббатомъ знаменитаго монастыря Рейхенау, имѣвшаго въ свое время благотворное вліяніе на Сень-Галленскій монастырь.

выдающихся культурныхъ центрахъ знакомились съ Цицерономъ и Квинтилианомъ. Кромѣ того, касаясь судебного краснорѣчія, знакомились съ памятниками римскаго права. Занятія риторикой сопровождались также письменными работами на различныя фиктивные темы. Писались даже памфлеты. Большое вниманіе обращали на писаніе писемъ.

Діалектику Рабанъ Мавръ ставитъ выше риторики. „Особенно—говоритъ онъ—духовныя лица должны заниматься этимъ выдающимся искусствомъ и изслѣдывать его законы, чтобы они могли научиться провидѣть ясно всѣ хитросплетенія еретиковъ и были бы въ состояніи ниспровергнуть лживыя, но опасныя заключенія ихъ“. Онъ называетъ діалектику наукою наукъ. Про нее еще блаж. Августинъ высказался въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „она научаетъ учить, она научаетъ учиться, самъ разумъ показываетъ въ ней и обнаруживаетъ, въ чемъ ея сущность, каковы ея цѣли, въ чемъ ея силы“. Если перевести названіе діалектики на современную терминологию, придется назвать ее логикой. При этомъ говорили объ Аристотелѣ очень много, но знали его довольно мало. Довольствовались главнымъ образомъ тѣмъ немногимъ, что было переведено Боэціемъ. Кромѣ того, читали введеніе въ „категоріи“ Аристотеля, составленное Порфириемъ. Главнымъ же образомъ занимались позднѣйшими писателями—тѣми же Марціаномъ Капеллой, Боэціемъ, Кассіодоромъ и друг. Въ большемъ употребленіи былъ сжатый учебникъ Алкуина. Практическими занятіями при изученіи діалектики были диспуты или пренія на какія-либо богословскія темы. Съ теченіемъ времени діалектика стала все болѣе и болѣе сближаться съ богословіемъ. Когда совершилось это сближеніе, грамматика должна была уступить свое первенство діалектикѣ.

Изученіе квадривіума считалось дѣломъ нелегкимъ, и приступали къ нему только самые даровитые ученики. Остальные же довольствовались тривіумомъ или даже элементарнымъ курсомъ. Начинался квадривіумъ ариѳметикой. При всевозможныхъ вычисленіяхъ употреблялись исключительно римскія цифры, что сильно затрудняло вычисленія. Нуля не было; принципъ значенія цифръ въ зависимости отъ ихъ положенія былъ неизвѣстенъ. Каждая римская цифра имѣла только одно, собственное значеніе. Такъ напр. цифра I означала только единицу, цифра X — десятокъ, цифра C — сотню, M — тысячу и т. д. У насъ же и единица, и десятокъ, и сотня, и тысяча обозначаются единицей, мѣняющей свое значеніе, смотря по тому, занимаетъ ли она первое, второе, третье или четвертое мѣсто справа. Чтобы написать число пятнадцать, мы ставимъ на первомъ мѣстѣ 5 и на второмъ 1. Если мы попробуемъ сдѣлать то же самое римскими цифрами, т. е. поставимъ на первомъ мѣстѣ V, а на второмъ — I, то получимъ IV — четыре, а не пятнадцать. Благодаря такой системѣ, вычисленія, какъ мы и сказали выше, отличались немалой трудностью, особенно надъ большими числами. При прохожденіи ариѳметики пользовались учебникомъ того же Боэція (*institutio arithmetica*). Небезъинтересно познакомиться съ примѣрами, которые показали бы намъ, какъ дѣлали умноженіе и дѣленіе въ разсматриваемую нами эпоху. Возьмемъ сперва примѣръ на умноженіе. Алкуинъ объясняетъ умноженіе слѣдующимъ образомъ: чтобы умножить CCXXXV (235) на IV (4), слѣдуетъ сначала повторить четыре раза двѣсти, получимъ DCCC (800); потомъ — сдѣлать то же самое съ тридцатью, получимъ CXX (120); прибавивъ къ предыдущему, получимъ DCCCCXX (920); наконецъ, повторивъ четыре раза пять

и прибавивъ полученное число XX (20), къ DCCCCXX-ти, получимъ искомое DCCCCXL (940). Имѣйте въ виду, что примѣръ приведенъ очень несложный. Какъ же производилось дѣленіе? И на это есть слѣдующій отвѣтъ въ одной рукописи X-го вѣка. Предлагается раздѣлить 6152 на 15. Дѣйствіе производилось опять-таки римскими цифрами, которыя для удобства мы замѣняемъ арабскими. Сперва дѣлится 6000 на 15, для чего 15 повторяется четное число разъ т. е. 2, 4, 6, 8, 10 и т. д. пока не находятъ искомага частнаго 400. Совершенно такъ же поступаютъ съ числомъ 152; въ частномъ получается 10, въ остаткѣ 2; всего же въ частномъ—410, въ остаткѣ 2. Для большей полноты представленія приведемъ здѣсь одну средневѣковую ариѳметическую задачу. „Путникъ встрѣчается со школьниками и спрашиваетъ ихъ: сколько васъ въ школѣ? На это отвѣчаетъ одинъ изъ нихъ: удвой наше число *), умножь его на 3 и раздѣли на четыре. Если ты прибавишь къ этому и меня, тогда получится всего 100. Теперь скажи, кто можетъ, сколько школьниковъ встрѣтилъ путникъ?“ Для облегченія вычисленій пользовались приборомъ, изобрѣтеніе котораго неосновательно приписывалось папѣ Сильвестру II (епископу Герберту), пользовавшемуся имъ во время своей преподавательской дѣятельности въ Реймсѣ. Приборъ этотъ назывался словомъ *абакъ* (abacus). У древнихъ также употреблялся счетный приборъ съ тѣмъ же самымъ названіемъ, но абакъ средневѣковой представлялъ существенное отличіе отъ абака древнихъ. Сущность и новизна его заключается въ томъ, что цифры на немъ имѣли значеніе не только по начертанію,

*) Изъ послѣдующаго видно, что бесѣдующій со странникомъ, говоря о числѣ присутствующихъ, себя не считаетъ.

но и по положенію своему въ той или другой графѣ. Доска абака дѣлилась на извѣстное число вертикальныхъ графѣ; одна и та же цифра, будучи поставлена въ новую графу, мѣняла свое значеніе. Такъ напр., цифра I, поставленная въ первой графѣ справа, обозначала единицу, въ четвертой графѣ—тысячу, въ седьмой—милліонъ и т. д. Чтобы написать число DIII (503), ставили III въ первую графу справа, вторую оставляли пустою, а въ третью ставили D (500)*. Самый приборъ представлялъ собою четырехугольную доску, на которую плотно натягивался кусокъ кожи. Послѣдній и разлиновывался указаннымъ выше образомъ на 27 графѣ, которыя комбинировались въ 9 отдѣленій, по 3 графы въ каждомъ изъ нихъ: въ первомъ отдѣленіи помѣщались единицы, десятки и сотни; во второмъ—тысячи, десятки и сотни тысячъ и т. д. Цифры, употреблявшіяся на абакаѣ, готовились изъ рога и помѣщались, по мѣрѣ надобности, въ то или другое отдѣленіе; всего ихъ было 1000. Правила умноженія и дѣленія на абакаѣ были изложены Гербертомъ въ особомъ сочиненіи (*libellus de numerorum divisione*). По словамъ одного ученика Герберта, „эти знаки (т. е. роговые цифры) дѣлили и умножали огромнѣйшія числа въ такое короткое время, что легче понять способъ пользованія, чѣмъ описать его“. Въ заключеніе нельзя не сказать о томъ таинственномъ, мистическомъ значеніи цифръ, которое имѣли онѣ въ глазахъ средневѣкового ученаго. „Значеніемъ чиселъ—говоритъ Рабанъ Мавръ—не слѣдуетъ пренебрегать. Каждый, ревностно изслѣдывавшій Св. Писаніе, знаетъ, какое большое вниманіе

*) Самъ Гербертъ пользовался уже арабскими цифрами. Во Франціи римскія цифры употреблялись счетоводами короля и бургундскаго герцога, наравнѣ съ арабскими, даже въ XV вѣкѣ.

слѣдуетъ обращать на числа, встрѣчающіяся во многихъ мѣстахъ его... Непоминаніе чиселъ въ большинствѣ случаевъ исключаетъ пониманіе того, что выражено въ Библии образно, въ чемъ заключается тайна. Настоящій мыслитель, по крайней мѣрѣ, не пройдетъ равнодушно мимо того мѣста, гдѣ говорится о томъ, что Моисей, Илья и Господь постились 40 дней“. Послѣ этого общаго разсужденія Рабанъ Мавръ объясняетъ мистическое значеніе числа 40. Оно заключаетъ въ себѣ повторенный *четыре* раза десятокъ. Число четыре указываетъ на все, что имѣетъ отношеніе къ времени: *четыре* времени года, *четыре* періода сутокъ (утро, полдень, вечеръ, ночь). Въ числѣ *десять* слѣдуетъ видѣть указаніе на Творца и твореніе. Число это состоитъ изъ 3 и 7. Число 3 указываетъ на Творца, на Пресвятую Троицу. Число 7 распадается на 3 и 4. Первое указываетъ на душу, которая заключаетъ въ себѣ три элемента (умъ, волю и чувство); второе—на тѣло, въ которомъ очевидно присутствіе четырехъ элементовъ (воздуха, воды, земли и огня). Такимъ образомъ въ числѣ 40 мы видимъ указаніе на Бога, человѣческое тѣло и душу, наконецъ—на время. Изъ всего этого Рабанъ Мавръ дѣлаетъ слѣдующій выводъ: живя теперь во времени, мы должны помышлять о вѣчности; для этого необходимо смирать свою плоть, а такое усмиреніе ея достигается сорокадневнымъ постомъ.

За ариѳметикой слѣдовала геометрія. И по этому предмету руководства употреблялись тѣ же т. е. Боэція и Капеллы. При этомъ собственно геометрическія свѣдѣнія сообщались въ очень скудныхъ размѣрахъ. Подъ названіемъ геометріи въ средніе вѣка подразумѣвалось нѣчто иное, чѣмъ въ настоящее время. Средневѣковая геометрія скорѣе соотвѣтствовала географіи, такъ какъ

въ ней сообщались свѣдѣнія о землѣ, ея описаніе. Она трактовала о видѣ и величинѣ земли, о поясахъ, частяхъ свѣта, главнѣйшихъ странахъ, рѣкахъ и горахъ, о различныхъ обитателяхъ земли, о замѣчательныхъ животныхъ. Любимѣйшимъ чтеніемъ были такъ называемые „физиологи“, въ которыхъ сообщались свѣдѣнія о дѣйствительныхъ и фантастическихъ животныхъ, о рѣдкихъ камняхъ и деревьяхъ. Физиологи переводились на всѣ народные языки и излагались иногда стихами. Въ нихъ было много мистико-религіознаго и символическаго.

Астрономія основывалась на положеніи Птолемея о движеніи солнца вокругъ земли. Другая теорія, высказанная въ древности и восторжествовавшая впоследствии, теорія о движеніи земли вокругъ солнца опровергалась на основаніи библейскаго разсказа объ Иисусѣ Навинѣ, остановившемъ на время движеніе солнца. Не могли согласиться средневѣковые ученые и съ мнѣніемъ о шаровидности земли: они смѣялись надъ самою мыслью о возможности существованія антиподовъ, считая такое предположеніе противнымъ здравому смыслу. Въ ихъ рукахъ были древніе приборы, не позволявшіе имъ дѣлать новыхъ открытій, имѣющихъ научную цѣну. Да никто и не гнался за ними. Преподаваніе астрономіи преслѣдовало чисто практическую цѣль—разъясненіе церковнаго календаря, опредѣленіе времени празднованія Пасхи и т. п. Въ ночную пору, когда небо сіяло звѣздами, учитель наблюдалъ со своими учениками движеніе свѣтилъ въ разныхъ частяхъ небеснаго свода. Учитель объяснялъ при этомъ, какъ по положенію свѣтилъ можно опредѣлить часъ ночи. Во многихъ монастыряхъ существовалъ обычай, чтобы привратникъ-монахъ, сторожившій покой обители, опредѣлялъ время по положенію свѣтилъ и оповѣщалъ о часѣ ночи. Какъ къ другимъ наукамъ,

такъ и къ астрономіи примѣшивалась вѣра въ таинственное и чудесное. На естественныя небесныя явленія, въ родѣ метеора или солнечнаго затменія, смотрѣли какъ на какія-то пророчества. Такъ напр., въ кометѣ, появившейся на небѣ въ 1066 году, видѣли предзнаменованіе покоренія Англіи норманнами; два сѣверныхъ сіянія, замѣченныхъ во Франціи въ 1080 и 1094 годахъ, указывали, по мнѣнію средневѣковыхъ астрономовъ и астрологовъ *), на первый крестовый походъ. Наконецъ, люди того времени вѣровали въ таинственное вліяніе звѣздъ на судьбу человѣка и въ полночномъ небѣ, сіяющемъ безчисленными звѣздами, хотѣли читать будущее каждаго отдѣльнаго лица.

О музыкѣ съ достаточною подробностью сказано нами выше. Здѣсь можно только прибавить, что въ квадривіумѣ изучали преимущественно теорію музыки.

Но всѣ эти предметы служили только основаніемъ для богословія. „Истинное украшеніе человѣческой души—пишетъ Алкуинъ ученой теткѣ Карла Великаго — заключается въ стремленіи къ мудрости, но не къ той, которая занимается земными предметами, а къ той, которая учитъ насъ почитать и любить Бога“. Многимъ свѣтскіе предметы казались помѣхою для изученія богословія и вредными для вѣры. Къ счастію для человѣческаго знанія, у него нашлись вѣскіе защитники. Такъ напр., блаженный Августинъ высказывался объ языческой литературѣ слѣдующимъ образомъ: „въ Египтѣ возбуждали въ израильтянахъ отвращеніе не только идолы, но золотые и серебряные сосуды и великолѣпныя одежды. Однако, при выходѣ своемъ изъ Египта, израильтяне тайно присвоили ихъ себѣ, чтобы дать имъ иное, лучшее

*) Объ астрологіи см. въ нашей книгѣ „Средневѣковой городъ и его обитатели“, въ очеркѣ „Волшебство и тайная философія“.

назначеніе... Такъ и въ языческой литературѣ, рядомъ съ суевѣріемъ и балластомъ бесполезной учености, есть прекрасныя, вполне пригодныя для служенія истинѣ, полезнѣйшія нравственныя изреченія и даже истины о почитаніи единого Бога“. Въ виду того, что у языческихъ писателей встрѣчается многое, оскорбляющее нравственное чувство, Рабанъ Мавръ—защитникъ древней литературы—совѣтуетъ поступать съ языческими писателями такъ, какъ израильтяне поступали съ язычниками, которыя попадались къ нимъ въ плѣнъ. При этомъ онъ ссылается на слѣдующія строки Второзаконія: „когда выйдешь на войну противъ враговъ твоихъ, и Господь Богъ твой предастъ ихъ въ руки твои, и возьмешь ихъ въ плѣнъ, и увидишь между плѣнными женщину, красивую видомъ; и полюбишь ее, и захочешь взять ее себѣ въ жену: то приведи ее въ домъ свой, и пусть она острижетъ голову свою, и обрѣжетъ ногти свои, и сниметъ съ себя плѣнническую одежду свою, и живетъ въ домѣ твоемъ, и оплакиваетъ отца своего, и мать свою въ продолженіе мѣсяца“... *). Израильтянину разрѣшалось вступить въ бракъ съ язычницей только послѣ соблюденія указанныхъ условій, по прошествіи установленнаго срока. „Такъ должны—говоритъ Рабанъ Мавръ—поступать и мы, когда читаемъ языческихъ поэтовъ, когда въ руки наши попадаютъ книги съ языческою мудростью. Если встрѣтимъ въ нихъ что пригодное, запечатлѣмъ въ памяти своей: что же встрѣтимъ тамъ вреднаго, *выскоблемъ*, вычеркнемъ, вырѣжемъ острѣйшимъ ножомъ“...

Въ заключеніе расскажем монастырскую легенду, въ которой высказывается иной взглядъ на тотъ же

*) Второзаконіе, XXI, 10—12.

предметъ. Одному иноку, во время болѣзни его, было чудное видѣнне. Видѣлъ онъ небеса и престолъ Божій, а на престолѣ — Господа Судію. Господь творилъ судъ надъ архіепископомъ Брунономъ, младшимъ братомъ Оттона Великаго. Архіепископъ, славившійся своими познаніями въ области языческой литературы, обвинялся за свои занятія языческими писателями. Хорошо, что защищалъ его св. Апостолъ Павелъ, а то пришлось бы ему пострадать.

ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ.

Олодная зимняя ночь. Небо усыпано звѣздами. Какъ бы сторожимый горами, спить городокъ, раскинувшійся вокругъ Сень-Галленской обители, спить сама обитель. Привратникъ-монахъ, посмотрѣвъ еще разъ на небо, какъ будто для того, чтобы провѣрить свои наблюденія, послалъ звонаря на одну изъ монастырскихъ колоколенъ, увѣнчаннахъ на самыхъ вышкахъ своихъ большими изображеніями архангеловъ Михаила и Гавріила. И скоро понеслись по воздуху рѣзкіе колокольные звуки. Они призывали братію въ церковь, ко всеошней, которая начиналась въ зимнюю пору въ началѣ третьяго часа пополуночи. Едва пролетѣло нѣсколько минутъ, какъ открылись церковныя двери, засверкали огоньки въ полномъ сумракѣ храма, затеплились лампы и алтарныя свѣчи, замелькали монашескія тѣни.

Началось движеніе и въ ученическомъ дортуарѣ или дормиторіи (dormitorium), какъ называли его въ то время. При свѣтѣ лампъ, которыя не гасились въ продолженіе всей ночи, надзиратели принялись будить своихъ питомцевъ. Большинство изъ нихъ немедленно вскакивали

съ постелей и облачались въ свое монашеское одѣяніе. Если одинъ - другой залѣнивался, не желая разстаться съ теплой постелью, ударъ неизбежной розги сразу возвращалъ его къ суровой дѣйствительности. Торопливо собирались питомцы монастырской школы, чтобы не заставить долго дожидаться своего прибытія: по монастырскимъ правиламъ церковная служба не начиналась до прибытія воспитанниковъ. Правда, достаточно было придти только двумъ ученикамъ, и служба могла быть начата, но надзиратели, конечно, избѣгали этого, а предпочитали приводить въ церковь разомъ весь комплектъ. Воспитанники внутренней школы обязаны были присутствовать въ полномъ составѣ на всѣхъ церковныхъ службахъ, какъ монахи. Только болѣзнь избавляла мальчика или юношу отъ этой обязанности. Въ короткое время они уже готовы и попарно, въ сопровожденіи своихъ надзирателей, выходятъ на свѣжій морозный воздухъ. Вмѣстѣ съ ними идутъ и нѣкоторые учителя, хотя они обязаны были посѣщать церковныя службы только въ воскресные и праздничные дни. „Хорошія мессы — сказалъ одинъ изъ нихъ — мы слушаемъ въ то время, когда учимъ, какъ слѣдуетъ ихъ служить“.

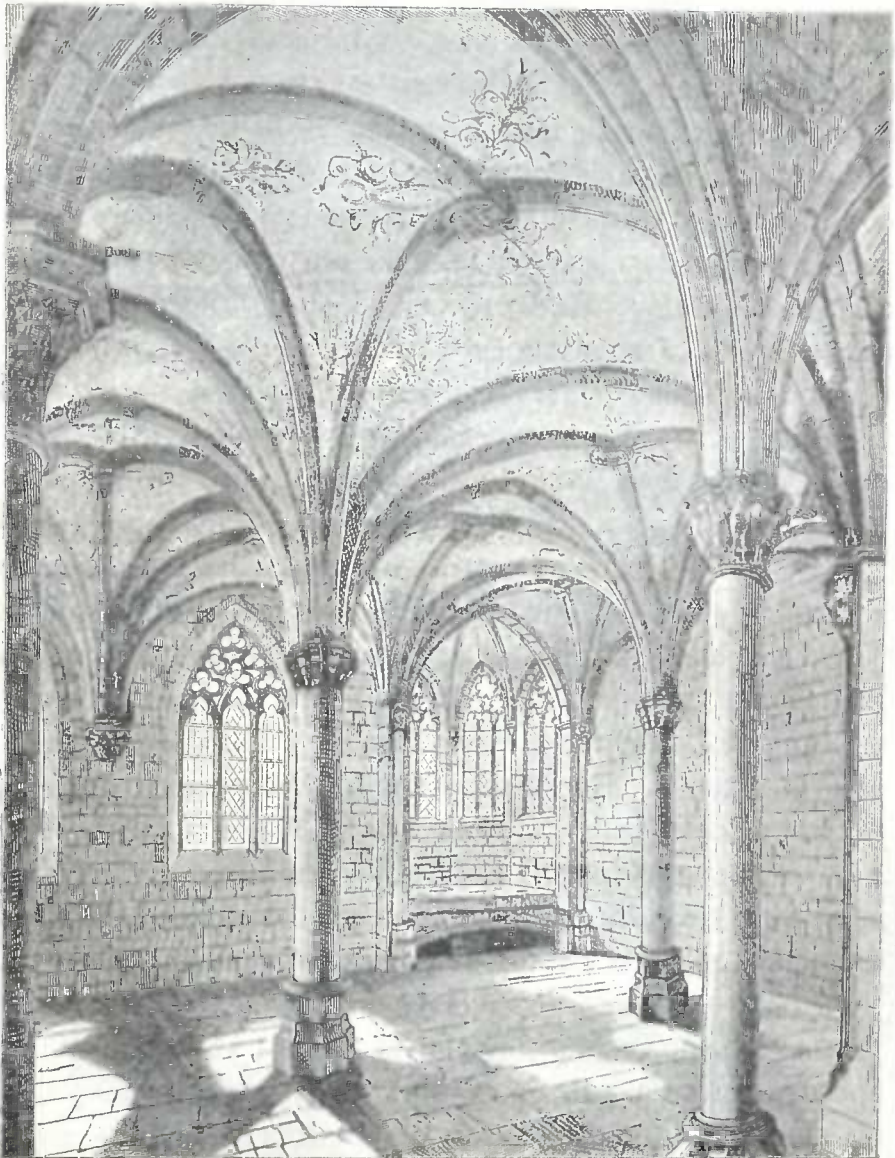
Войдя въ полуосвѣщенную церковь, воспитанники направились къ монашескому хору, въ которомъ обязаны принимать дѣятельное участіе. Скоро стройные звуки могучаго хора раздались въ отвѣтъ на возгласъ священника, начавшаго службу.

По окончаніи службы, питомцы монастыря вернулись тѣмъ же порядкомъ въ дортуаръ. Надзиратели зорко наблюдали за порядкомъ. Директоръ школы также явился сюда и стоялъ посреди комнаты съ прутомъ въ рукахъ. Только когда всѣ воспитанники улеглись и накрылись, стали ложиться надзиратели, а школьный дирек-

торъ удалился въ свое помѣщеніе. Скоро все погрузилось въ сонъ.

Уже изъ всего сказаннаго мы видимъ, что ученики внутреннихъ монастырскихъ школъ считались полною принадлежностью монастыря. Они подчинялись всему, чему подчинялись монахи. Такимъ образомъ, съ самыхъ малыхъ лѣтъ привыкали они къ монашеской жизни. Директоромъ школы (*magister principalis*) назначался обыкновенно опытный и ученый монахъ. Такъ практиковалось въ тотъ періодъ времени, къ которому относится нашъ рассказъ. Называясь собственно не директоромъ, а главнымъ наставникомъ, онъ былъ значительно стѣсненъ въ своихъ дѣйствіяхъ. Правда, въ его вѣдѣніи находилась вся учебная сторона школы, его наблюденію былъ подчиненъ весь педагогическій персоналъ. Ему доносили обо всѣхъ ученическихъ проступкахъ, онъ налагалъ соотвѣтственныя наказанія, такъ какъ удары хлыстомъ или розгой, получаемые учениками отъ учителей, не относились къ числу наказаній, а считались только какъ бы вспомогательнымъ средствомъ. Однако, при всемъ своемъ значеніи, директоръ монастырской школы зависѣлъ отъ капитула. Получивъ какую-бы то ни было жалобу на учителя, онъ не могъ ничего предпринять отъ себя лично, а обо всемъ доводилъ до свѣдѣнія капитула. Въ число обязанностей, на немъ лежавшихъ, входило также посѣщеніе больныхъ воспитанниковъ. Кромѣ директора, наблюденіе за учениками принадлежало такъ называемымъ циркаторамъ (*circatores*). На эту должность назначались обыкновенно старые, убѣленные сѣдинами монахи. Впрочемъ, ихъ надзору подлежали не одни воспитанники, а также и монахи. Во всѣ часы дня и ночи циркаторы обходили весь монастырь. Очень часто, замѣтивъ что-либо недо-

зволненное, какое-либо нарушение монастырскихъ правилъ, они даже не показывали и виду, не говорили ни слова, а заносили подмѣченный фактъ на свою дощечку,

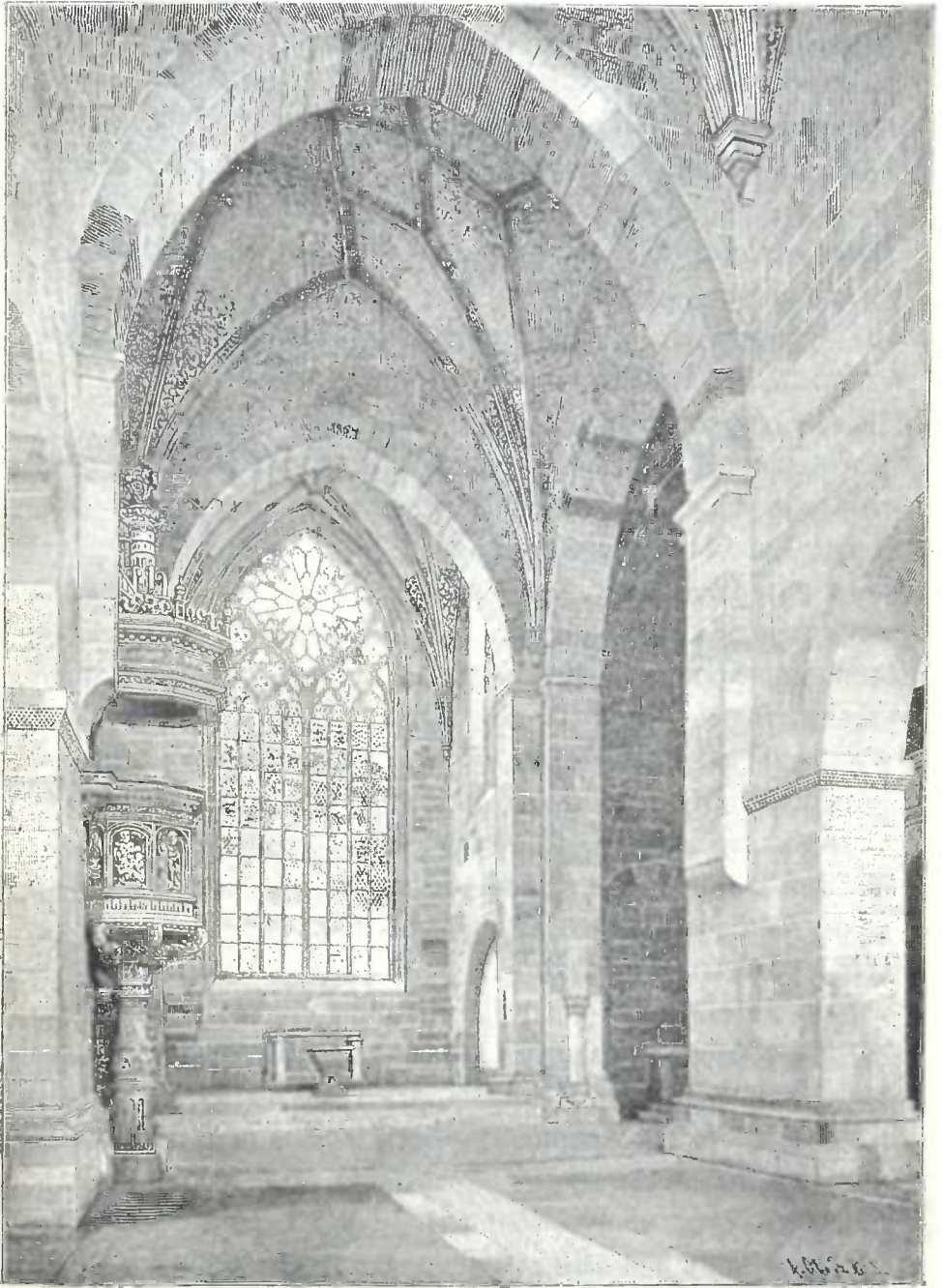
служившую имъ вмѣсто записной книжки. О разныхъ проступкахъ, ими замѣченныхъ, циркаторы доносили не

директору школы, а капитулу. Особенно не любили циркаторовъ воспитанники внѣшней школы, въ общемъ болѣе свободные, чѣмъ воспитанники школы внутренней. Кромѣ циркаторовъ были обязаны слѣдить за учениками особые надзиратели (custodes), которыхъ было обыкновенно немногимъ меньше, чѣмъ самихъ воспитанниковъ: одинъ надзиратель назначался для 2—3 питомцевъ. Въ монастыряхъ Ключійскихъ надзирателей было даже вдвое больше, чѣмъ воспитанниковъ. Для воспитанниковъ внутренней монастырской школы на все существовали особыя предписанія. Имъ въ подробности предписывалось, какъ стоять и ходить, какъ носить платье, какъ говорить и даже смотрѣть. Благодаря этому, въ результатъ выходило что-то поразительно однообразное, стереотипное. Дисциплина была замѣчательная. Въ этомъ отношеніи характеренъ слѣдующій случай, бывшій въ Сень-Галленской обители. Какъ-то пріѣхалъ туда германскій король Конрадъ I. Встрѣтили его, конечно, торжественно. Были собраны въ капитульной залѣ*) всѣ воспитанники. Желая ихъ побаловать или только испытать, неизвѣстно, но Конрадъ вынулъ золотую монету и подаль ея одному изъ учениковъ. Когда послѣдній отказывался принять ея, такъ какъ ученики не имѣли права принимать что-либо отъ посѣтителей, Конрадъ положилъ ему эту монету въ ротъ. Несчастный выплюнулъ монету на полъ и закричалъ. Это размѣшило короля. „Изъ него — сказалъ онъ — выйдетъ со временемъ добрый монахъ, если только онъ доживетъ до того времени“. Спустя немного времени, онъ началъ бросать въ толпу учениковъ яблоки, но никто изъ школьниковъ не обратилъ на нихъ никакого вниманія.

*) Рисунокъ на стр. 113 изображаетъ капитульную залу въ Маульброннскомъ аббатствѣ.

Внутренность церкви въ аббатствѣ.

Надъ внѣшней школой стоялъ свой главный воспитатель, но бывали случаи, когда обѣ школы завѣдывались однимъ и тѣмъ же лицомъ. За прокормъ поступавшихъ во внѣшнія монастырскія школы вносились родителями или родственниками опредѣленная плата. Обувались и одѣвались они также на ихъ средства. Хотя за обученіе не требовалось никакой платы, но установился обычай подносить учителямъ подарки, на что, разумѣется, также нужны были средства. Дѣтямъ бѣдныхъ родителей жилось, поэтому, очень нелегко. Нельзя сказать, чтобы не старались улучшить ихъ положеніе. Напротивъ, многіе воспитывались на монастырскія средства, на пожертвованія, поступавшія въ монастырь. Съ другой стороны, бѣднымъ воспитанникамъ старались дать возможность зарабатывать нужныя деньги, на примѣръ, перепискою рукописей. Но нерѣдки были прискорбные случаи, когда воспитанники покидали школу только изъ за неимѣнія средствъ. Мы имѣемъ возможность познакомиться съ содержаніемъ письма, отправленнаго однимъ воспитанникомъ внѣшней школы Сень-Галленскаго монастыря своимъ родителямъ. „Вы послѣдовали—пишетъ онъ — отличному совѣту, пославъ меня въ Сень-Галленскій монастырь, чтобы тамъ изучать религію и науки. Я вижу, что и то, и другое найду здѣсь въ изобиліи“. Къ этой части письма слѣдуетъ, конечно, отнести нѣсколько критически; письмо шло черезъ руки циркаторовъ. Гораздо интереснѣе и цѣннѣе вторая половина его. „Но у меня есть просьба,— читаемъ мы далѣе — не можете ли, изъ любви ко мнѣ, прислать сюда пару рубашекъ и полотняный кафтанъ, чтобы я могъ показываться передъ товарищами въ надлежащемъ видѣ, а не въ разорванномъ, къ стыду моему, платьѣ“.

Но вернемся къ прерванному разсказу. Едва зардѣлась заря, какъ новые удары монастырскаго колокола стали разноситься по долину. На этотъ разъ звонили къ утренѣ. Всѣ снова выходили на свѣжій воздухъ и другъ за другомъ скрывались въ открытыя двери собора. Совершивъ свой утренній туалетъ, умывшись холодною водою, воспитанники покидаютъ школьное зданіе и въ томъ же порядкѣ входятъ въ храмъ. Органъ и громкое пѣніе вселяютъ бодрость. Всѣ воздаютъ хвалу Подателю свѣта, всѣ испрашиваютъ благословенія Божія на предстоящій день, всѣ готовы на новые труды и заботы. Все свѣтлѣе дѣлается въ храмѣ, все ярче и ярче становятся цвѣтныя стекла церковныхъ оконъ. Первые солнечныя лучи пробились сквозь нѣкоторыя изъ нихъ и какъ будто зажгли ихъ однимъ своимъ прикосновеніемъ. Именно въ этотъ моментъ поется монахами и воспитанниками первый часъ. По окончаніи послѣдняго, воспитанники отправлялись учиться. Безъ воспитанниковъ, какъ мы сказали выше, не начинали церковной службы; точно также, пока они не принимались за ученье, въ монастырѣ не начиналось никакихъ работъ. Монахи должны были оставаться въ своихъ кельяхъ, пока не извѣщались, что ученье началось. Но жизнь текла такъ регулярно, такъ ровно, что въ такихъ извѣщеніяхъ не было и надобности. Сейчасъ же изъ церкви воспитанники переходили въ школу. Не слѣдуетъ представлять себѣ, что ученики всѣхъ возрастовъ занимались въ одной комнатѣ. Они распредѣлялись по отдѣльнымъ классамъ, сообразно съ возрастомъ и познаніями. Нельзя было переходить изъ одного класса въ другой безъ опредѣленнаго разрѣшенія учителя.

При входѣ въ школьную комнату, взоръ прежде всего падаетъ на распятіе. Обратившись къ нему, воспитан-

ники поють три псалма и распредѣляются по своимъ мѣстамъ. Ихъ скамьи разставлены вдоль стѣнъ; каждому назначается отдѣльное мѣсто; между сосѣдями оставляется довольно большой промежутокъ. Учитель всходитъ на возвышенное мѣсто и начинаетъ урокъ. Ему предписывалось зорко слѣдить за своимъ классомъ; въ этихъ видахъ, конечно, ему было запрещено писать. Чему учили и какъ учили въ монастырскихъ школахъ, намъ уже хорошо извѣстно (см. предыдущій очеркъ). Прибавимъ здѣсь только, что за отвѣты ставились отмѣтки, а розга производила свои опыты только до извѣстнаго возраста. Во внѣшней школѣ она дѣйствовала гораздо рѣже, чѣмъ во внутренней.

Послѣ церковной службы перваго часа занимались съ небольшимъ часъ до новаго колокольнаго звона. Какъ только раздавался послѣдній, урокъ прекращался, и воспитанники отправлялись въ церковь, чтобы участвовать въ совершеніи короткой службы третьяго часа, посвященной воспоминанію Сошествія Святого Духа, и присутствовать при исполненіи короткой мессы. По окончаніи ея, они возвращались къ себѣ и здѣсь получали небольшую закуску, состоявшую изъ буттербродовъ.

Въ это время сходилось капитульное собраніе. Здѣсь читали вслухъ житія св. мучениковъ, памяти которыхъ посвящался данный день, а также обсуждались различные вопросы, поднимавшіеся монастырскою жизнью. На эти собранія допускались и ученики, но, надо полагать, только въ исключительныхъ случаяхъ. Такъ на примѣръ, ученикъ, знавшій что-либо предосудительное о своемъ товарищѣ, долженъ былъ объявить объ этомъ въ собраніи капитула. Весьма возможно, что при условіяхъ монастырской жизни, въ такихъ заявленіяхъ недостатка

не было: незаявившій своевременно могъ за укрывательство подвергнуться тѣлесному наказанію. Въ той же капитульной залѣ воспитанники исповѣдывались два раза въ недѣлю. Исповѣдываль или аббатъ, или пріоръ, или лицо, назначенное для этого аббатомъ. Кающійся мальчикъ становился передъ исповѣдникомъ, а надзиратель ждалъ его за дверьми капитульной залы.

Послѣ перемѣны, наступавшей немедленно по окончаніи капитульнаго собранія и продолжавшейся четверть часа, снова начинались школьныя занятія, которыя продолжались до полудня, т. е. и на этотъ разъ какой-нибудь часть съ небольшимъ. Если принять въ расчетъ то время, которое уходило на церковныя службы, на посѣщеніе капитульнаго собранія, необходимо приходишь къ выводу, что въ общей сложности до полудня ученики занимались около трехъ часовъ. Въ полдень снова шли въ церковь, для совершенія службы шестого часа, посвященной воспоминанію Распятія Господня.

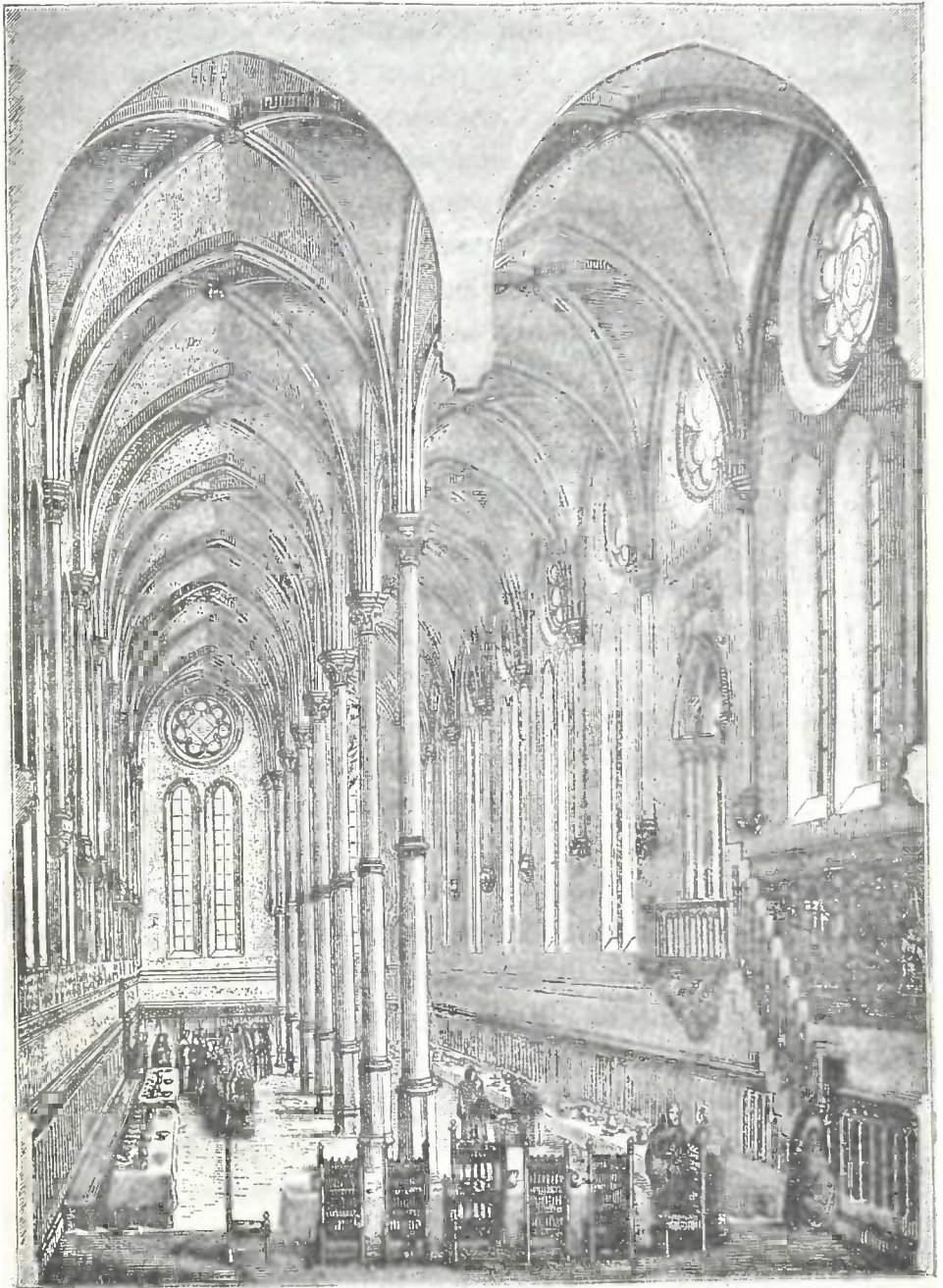
По окончаніи церковной службы, ученики шли въ свою столовую полдничать. Если въ монастырѣ не было особой столовой для учениковъ, послѣдніе трапезовали въ общей монастырской столовой *). Въ Сень-Галленскомъ монастырѣ они тоже посѣщали монастырскую трапезную, но только въ извѣстныхъ случаяхъ. Въ тѣ дни, когда ученики посѣщали большую столовую, монахи не начинали трапезы до ихъ прибытія. Ученичeskій столъ отличался отъ монашескаго тѣмъ, что за нимъ подавалось и мясо, но, кажется, только до извѣстнаго возраста. Въ Свѣтлый Праздникъ каждый ученикъ получалъ по стакану вина. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о томъ, происходило ли назидательное чтеніе во

*) Рисунокъ на стр. 121 изображаетъ рефекторію въ монастырѣ St. Martin-des-Champs въ Парижѣ.

время ученической трапезы, какъ происходило оно во время трапезы монашеской. Но, въ виду того, что весь строй жизни воспитанниковъ внутренней школы представлялъ почти полное подобіе жизни иноческой, не безъ основанія можно предположить, что подобныя чтенія происходили и въ столовой воспитанниковъ.

Трапеза (prandium) окончена. Ученики идутъ въ свой дортуаръ, чтобы отдохнуть. Съ одной стороны, послѣ-полуденный отдыхъ былъ общимъ обычаемъ, съ другой стороны онъ былъ и не излишенъ, такъ какъ ночной сонъ прерывался церковною службой. Ученики ложатся въ постели, но, надо полагать, многіе изъ нихъ пытались пользоваться этимъ временемъ для повторенія уроковъ, такъ какъ особымъ постановленіемъ запрещается читать и учиться въ постеляхъ. Съ другой стороны, изъ автобіографіи одного выдающагося ученаго XII вѣка мы знаемъ, что наиболѣе талантливые ученики увлекались древними авторами, читали ихъ при первомъ представлявшемся случаѣ и старались подражать имъ. Можетъ быть, опасались также и этого. Послѣполуденный отдыхъ былъ непродолжителенъ, такъ какъ въ зимнее время, въ послѣполуденные часы, приблизительно до 2-хъ часовъ пополудни, происходилъ еще урокъ пѣнія. Снова умывшись свѣжею водою изъ Штейнахскаго источника, ученики отправляются въ классное помѣщеніе, куда приходитъ и канторъ (cantor) т. е. учитель пѣнія. Онъ училъ не только пѣнію, но и выразительному чтенію. Урокъ пѣнія могъ продолжаться не болѣе часу времени. Онъ, какъ предыдущіе уроки, также прерывался колокольнымъ звономъ, призывавшимъ въ церковь, для совершенія девятаго часа, посвященнаго воспоминанію смерти Спасителя. По окончаніи этой, очень короткой службы воспитанники шли снова въ классныя

помѣщенія, такъ какъ школьныя занятія происходили вплоть до самой вечерни, т. е. еще около двухъ часовъ. Такимъ образомъ, въ общей сложности они работали около шести часовъ въ день.

Едва только послѣ солнечнаго заката загоралась въ небѣ вечерняя звѣзда, какъ раздавался снова благовѣстъ съ монастырской колокольни. На этотъ разъ звонили къ вечернѣ *). Спѣшили въ церковь усталые отъ своихъ работъ монахи, спѣшили туда ученики, въ сопровожденіи своихъ наблюдателей. Въ церкви зажигались огоньки, отрадно сверкавшіе въ таинственномъ полусумракѣ храма. Свѣтъ боролся съ тѣнью, но послѣдняя явно одолѣвала его. Тускнѣли цвѣтныя стекла церковныхъ оконъ, въ углахъ сгустились тѣни и какъ будто оттуда постепенно расходились по всему собору, обвивались вокругъ колоннъ и поднимались къ высокому потолку. Монахи и воспитанники сгруппировались у алтаря, за балюстрадой. Въ разныхъ мѣстахъ храма стоятъ одинокія фигуры стороннихъ богомольцевъ. Стройно протекаетъ служба, гулко разносится по храму монашеское пѣніе.

Кончилась вечерня, и обитатели монастыря направились къ трапезнымъ. Теперь и происходитъ собственно обѣдъ (соена). Послѣ него наступаетъ время отдыха, прогулокъ по монастырскимъ портикамъ, обмѣна мыслей. Ощущается сознание исполненнаго долга и близость благодатнаго покоя **). Послѣдняя служба — комплеторій (completorium), заключающаяся въ хоровомъ пѣніи четырехъ псалмовъ, завершала монастырскій день. Все от-

*) Латинское названіе (vesper) обозначаетъ вечернюю звѣзду.

***) Въ разные времена года церковныя службы происходили въ различные часы, и распределеніе занятій было иное. Мы остановились здѣсь на одномъ моментѣ, наиболее подходящемъ.

ходило къ покою. Засыпалъ, какъ бы сторожимый горами, городокъ, раскинувшійся вокругъ обители, засыпала и сама обитель подъ звѣзднымъ покровомъ холодной зимней ночи.

„Что ты дѣлалъ сегодня, мальчикъ? спрашиваетъ въ одномъ діалогѣ конца X вѣка учитель ученика.

Ученикъ отвѣчаетъ ему: — многое. Ночью, когда я услышалъ ударъ колокола, я всталъ съ постели, пошелъ въ церковь и пѣлъ съ братіей всенощную. Потомъ пѣли мы утреню, позднѣе — первый часъ, затѣмъ третій часъ и мессу, наконѣцъ шестой часъ. Послѣ него мы ѣли, пили, спали и, вставши снова, пѣли девятый часъ. И вотъ теперь мы здѣсь передъ тобою и ожидаемъ, что ты скажешь намъ?

Учитель. „Когда вы будете пѣть вечерню и комплеторій?“

Ученикъ. — Когда настанетъ для этого время. —

Учитель. „Получалъ ли ты сегодня удары?“

Ученикъ. — Нѣтъ, потому что я былъ очень внимателенъ. —

Учитель. „Ну, а товарищи твои?“

Ученикъ. — Что ты спрашиваешь меня объ этомъ? Я не смѣю разбалтывать о томъ, что было въ школѣ. Каждый знаетъ про себя, били его или нѣтъ.

Учитель. „Что ты ѣшь ежедневно?“

Ученикъ. — Ъмъ мясо, такъ какъ я мальчикъ, котораго могутъ еще сѣчь розгами.

Учитель. „Что ѣшь ты кромѣ мяса?“

Ученикъ. — Зелень, яйца, рыбу, сыръ, масло, бобы и вообще все чистое съ благодареніемъ Богу.

Учитель. „Ты очень прожорливъ, если кушаешь все, что тебѣ предлагаютъ“.

Ученикъ. — Нѣтъ, я вовсе не такой жадный, чтобы за одинъ обѣдъ сѣсть всѣ сорта пищи.

Учитель. „Какъ же ты поступаешь?“

Ученикъ.—Одинъ разъ я ѣмъ одну пищу, въ другой разъ другую, всегда съ умѣренностью, какъ и подобаетъ монаху: никогда не ѣмъ съ жадностью, такъ какъ я не обжора.

Учитель. „А вина не пьешь?“

Ученикъ.—Я не настолько богатъ, чтобы могъ покупать себѣ вино. Кромѣ того, вино — напитокъ не для дѣтей, не для глупцовъ, а для стариковъ и людей мудрыхъ.

Учитель. „Гдѣ ты спишь?“

Ученикъ.— Въ дормиторіи.

Учитель. „Кто будить тебя ко всенощной?“

Ученикъ.— Если я услышу колоколь, я встаю самъ, а не то—учитель будить меня розгой.

Учитель. „О, превосходныя дѣти и милѣйшіе ученики мои, къ вамъ обращается учитель вашъ съ увѣщаніемъ, чтобы вы принаравливались къ священнымъ правиламъ воспитанія и всегда бы отличались пристойнымъ поведеніемъ. Никогда не медлите при зовѣ церковнаго колокола, но идите въ церковь и склоняйтесь передъ алтарями, изливающими благословеніе. Занимайте указанные вамъ мѣста, пойте всѣ согласно и ступайте потомъ безъ всякихъ шалостей, обратно въ монастырь или въ школу“.

Ученики монастырскихъ школъ, особенно внутреннихъ, не имѣли никакого понятія о продолжительныхъ каникулахъ. Отдыхали они только по воскресеньямъ, по праздникамъ, да наканунѣ ихъ, т. е. не занимались наканунѣ праздниковъ по вечерамъ. Праздники они посвящали игрѣ. Разумные педагоги того времени совершенно правильно смотрѣли на дѣло: имъ было вполне понятно стремленіе дѣтей къ игрѣ и веселью. Прекрасно

выражается по поводу этого въ своей автобіографіи средневѣковой историкъ Гвибертъ Ножанскій *). „Я не буду говорить объ умѣ ребенка, но и взрослый человѣкъ, благодаря непрерывнымъ занятіямъ, чрезмѣрно напрягаетъ свои физическія силы, а необходимымъ послѣдствіемъ этого является ослабленіе духа и тѣла. Необходимо щадить нашъ умъ, утомляемый и безъ того своею тѣлесной оболочкой. Даже и на небѣ въ свое время устанавливается тихая ночь: и наши силы не могутъ оставаться совсѣмъ безъ отдыха и нуждаются иногда въ созерцательномъ состояніи; точно также и духъ не можетъ быть въ состояніи непрерывной подвижности. Вотъ почему, какому занятію мы ни предавались бы, я полагаю; что необходимо разнообразить предметъ нашего вниманія, чтобы духъ, переходя отъ одного предмета къ другому, возвращался къ любимому дѣлу обновленнымъ и свѣжимъ... Пускай же тотъ, кто называетъ себя учителемъ, обратитъ вниманіе на то, чтобы разумнымъ образомъ руководить воспитаніемъ мальчиковъ и юношей; мы никогда не должны поступать съ ними такъ, какъ будто они обладаютъ уже всею мудростью старцевъ“.

И въ жизни воспитанниковъ монастырскихъ школъ были свои свѣтлые моменты, сверкавшіе, какъ искорки, на фонѣ ихъ однообразнаго быта. Мы уже говорили выше о посѣщеніи королемъ Конрадомъ I Сень-Галленской школы. Происходило это въ 911 году. Король прожилъ въ монастырѣ три дня и, довольный воспитанниками, а также понимая необходимость отдыха, при-

*) Гвибертъ, аббатъ монастыря св. Маріи въ Ножанѣ, написалъ нѣсколько историческихъ сочиненій, изъ которыхъ особенно выдается исторія перваго крестоваго похода (*historia Hierosolimitana, quae dicitur Gesta Dei per Francos*), изложенная въ восьми книгахъ.

казалъ эти три дня считать постоянными праздниками. Архіепископъ съ своей стороны улучшилъ на эти праздничные дни ихъ обыденный столъ. Какъ же радовались всякому празднику монастырскіе ученики! Отслужавъ и вмѣстѣ съ тѣмъ до нѣкоторой степени отслуживъ обѣдню, они немедленно принимались за игры. Въ эти дни они уже не подвергались такому строгому наблюдению: надзиратели на многое смотрѣли сквозь пальцы. Прекрасно выражается радостное чувство, испытывавшееся каждымъ ученикомъ, въ вакаціонной пѣснѣ Св. Ноткера. „Пусть мальчики сегодня — говорится въ ней — не будутъ подвергаться ударамъ бича; пусть циркаторъ помалчиваетъ, а, коли и замѣтитъ что-нибудь, пусть смотритъ въ другую сторону“ *). Удовольствіе, испытываемое въ праздничные дни дѣтми; Св. Ноткеръ сравниваетъ съ блаженствомъ на поляхъ Елисейскихъ. Въ той же пѣснѣ указываются важнѣйшія условія, при которыхъ можетъ сохраниться радость. „Не говоря уже о мирѣ (о прекращеніи своего рода войны учителя съ учениками), три удовольствія помогаютъ празднику быть таковымъ, именно: вино, кушанье, факелы“. Дорвавшись до веселья, ученики не могли такъ легко съ нимъ разстаться. Они просятъ факеловъ т. е. продолженія игры до болѣе поздняго времени. Тогда грамматика, риторика и діалектика почиваютъ, по выраженію вакаціонной пѣсни. Школьные книги отложены въ сторону, и всѣмъ управляетъ одно непринужденное веселье. Ученики разныхъ курсовъ сходились вмѣстѣ для общихъ игръ или прогулокъ, въ которыхъ принимали участіе и учителя. Младшіе ученики въ особенно устроенномъ для этого помѣщеніи забавлялись волчкомъ, играли въ мячъ, ме-

*) *Ephēbis nulla hodie sint quæso flagella, circator sileat oculosque videndo reflectat.*

тали изъ луковъ деревянныя стрѣлы, старались вырывать другъ у дружки палку изъ рукъ, играли въ жгуты и т. д. Болѣе взрослые устраивали что-то похожее на Олимпійскія игры: бѣгали въ запуски, бросали камни, боролись. Въ минуты отдыха играли въ загадки, въ чемъ принимали участіе и учителя. Загадки задавались въ родѣ слѣдующихъ.

Вопросъ. Что можно видѣть только закрытыми глазами?

Ответъ. Обратись къ храпящему: онъ скажетъ тебѣ *).

Вопросъ. Что это такое: живетъ и гробъ, и погребенный?

Ответъ. Иона во чревѣ кита.

Болѣе всего веселились дѣти на Рождествѣ и въ день избіенія младенцевъ, такъ какъ въ послѣдній день далеко не вездѣ сѣкли учениковъ. (См. предыдущій очеркъ). Интересно, что въ этотъ день учителя и ученики мѣнялись ролями. Даже въ церкви, на богослуженіи дѣти становились на мѣста старшихъ. Особенно весело справлялся праздникъ этотъ въ Сенъ - Галленскомъ монастырѣ. Подготавливались къ нему за цѣлый мѣсяцъ. Въ Екатерининъ день (у католиковъ 25 ноября) ученики выбирали изъ своей среды школьнаго аббата. Избранный аббатъ назначалъ двухъ капеллановъ, поднимался съ ними на возвышенное мѣсто и принималъ присягу отъ своихъ товарищей. Незадолго до Рождества присяга повторялась. Аббатъ вступалъ въ свою роль на третій день Рождественнаго праздника во время совершенія вечерни въ монастырской церкви. Въ извѣстный моментъ монастырскій канторъ отдавалъ свою дирижорскую палочку одному изъ мальчиковъ, который и

*) Сонъ.

продолжалъ управлять хоромъ. Всѣ церковныя службы, за исключеніемъ мессы, переходили въ руки мальчиковъ и оставались въ ихъ вѣдѣніи до вечерни слѣдующаго дня. Во время совершенія праздничной процессіи школьный аббатъ посылалъ благословенія на всѣ стороны. Посѣтившій Сень-Галленскій монастырь Конрадъ I какъ разъ попалъ на эти празднества и, какъ мы уже выше замѣтили, остался очень доволенъ воспитанниками. Церковныя службы исполнялись ими серьезно и чинно, шалости были забыты. Въ этотъ день дѣти хозяйничали и въ монастырской трапезной. Въ ихъ рукахъ было и обычное чтеніе. Никто не могъ безъ особаго позволенія заглянуть въ ихъ школу; всякаго вошедшаго они объявляли плѣнникомъ и требовали съ него выкупъ.

Въ заключеніе всего мы передадимъ здѣсь прелестный разсказъ о добродушномъ аббатѣ Сень-Галленскаго монастыря Соломонѣ, бывшемъ въ то же время и Констанцскимъ епископомъ. Желая передъ отъѣздомъ изъ монастыря попроститься съ воспитанниками, онъ забрелъ къ нимъ утромъ въ школу. Ученики закричали, что у нихъ въ плѣну Констанцскій епископъ. Они привѣтствовали его и усадили на каѳедру. „Хорошо, сказалъ аббатъ-епископъ, разъ я занялъ мѣсто учителя, я хочу пользоваться его авторитетомъ“. Очевидно, онъ намекалъ на хорошо извѣстный имъ предметъ. Зная очень хорошо своего добродушнаго начальника, они обратились къ нему съ маленькой импровизаціей на латинскомъ языкѣ: „что мы сдѣлали тебѣ? Ты поступаешь съ нами нехорошо. Мы станемъ жаловаться государю, такъ какъ исполнили лишь свой законъ“ *). Аббатъ-епископъ былъ

*) *Quid tibi fecimus tale,
Ut nobis facias male?
Apellamus regem,
Quia nostram fecimus legem.*

въ восторгѣ и отъ шалуновъ, и отъ этой импровизаціи, перецѣловаль ихъ всѣхъ и сказалъ уходя: „откушлюсь, если буду живъ“. Тогда-то онъ передалъ присутствующимъ здѣсь монахамъ о королевской милости и объ увеличеніи числа праздничныхъ блюдъ. Епископъ Соломонъ былъ замѣчательнѣйшимъ проповѣдникомъ своего времени. Проповѣди его растрогивали слушателей до слезъ. Сень-Галленская школа была много обязана ему своимъ процвѣтаніемъ.

Монахи и рукописи.

Великую услугу, оказали образованности монахи переписываніемъ книгъ. Не заготовь они столько экземпляровъ книгъ по различнымъ отраслямъ знанія, всѣ предшествующіе труды человѣчества въ области знанія погибли бы для позднѣйшихъ поколѣній. Слѣдствіемъ такого прискорбнаго явленія было бы распространеніе невѣжества и грубости, торжество варварства. Просвѣщенные аббаты разыскивали цѣнныя по содержанію рукописи, пріобрѣтали ихъ для монастырской библіотеки и поручали своимъ монахамъ переписывать ихъ. Они мѣняли эти книги на такія, которыхъ у нихъ не было, но которыя имѣлись и переписывались въ другихъ монастыряхъ. Такъ постепенно пополнялись, росли монастырскія библіотеки.

Заслуга привнесенія этого рода занятій въ монастыри принадлежитъ современнику Св. Бенедикта Нурсійскаго, Кассіодору. Кассіодоръ былъ сенаторомъ и занималъ постъ министра при остготскомъ правительствѣ. Утомленный заботами и политической дѣятельностью, Кассіодоръ отказался отъ своей почетной должности и

удалился въ свое родовое помѣстье. Здѣсь, въ Луканіи, на берегу залива онъ основалъ Виварійскій монастырь, названный такъ по имени самага мѣста (Vivaria). Прекрасное небо, море, цвѣтущіе берега, холмы, постепенно переходящіе въ горы—вотъ та обстановка, среди которой основался новый монастырь. Обитатели его, по словамъ Кассіодора, ничего не желали отъ міра, а міряне стремились проникнуть за монастырскія ограды. Въ новомъ монастырѣ было принято правило Св. Бенедикта. Кассіодоръ рекомендуетъ садоводство и вообще земледѣльческія занятія тѣмъ инокамъ, которые неспособны къ занятіямъ умственнымъ. Земледѣльческія занятія особенно плодотворны, по его словамъ, тогда, когда посвящающіе себя имъ работаютъ для странниковъ. „Земные дары,—говоритъ онъ—выращенные или приготовленные для бѣдняковъ и странниковъ, превращаются въ дары небесные“. Но, покровительствуя, подобно Св. Бенедикту, земледѣлю, Кассіодоръ обратилъ особенное вниманіе на занятія научныя и переписку рукописей. Онъ перевезъ сюда, въ свой благословенный уголокъ, свои книжныя сокровища изъ Рима и Равенны; положивъ такимъ образомъ прочное основаніе монастырской бібліотеки. Это основаніе росло непрерывно, благодаря неусыпной дѣятельности Кассіодора. Какъ бы предчувствуя, какое великое значеніе будетъ имѣть его начинаніе, онъ говоритъ: „Изъ ручныхъ занятій я предпочитаю другимъ работу переписчика, подъ условіемъ, чтобы переписыванье отличалось безусловной точностью. Переписчики, списывая книги Св. Писанія, углубляясь въ смыслъ ихъ содержанія, и сами умственно развиваются, и умножаютъ число книгъ, заключающихъ въ себѣ наставленія Господа. Рвеніе въ этомъ дѣлѣ достойно всякой похвалы. Прилежно исполняя его, они проповѣдуютъ людямъ трудомъ

рукъ своихъ; изъ подъ ихъ пальцевъ какъ будто выбѣгаютъ слова; молча, они говорятъ себѣ подобнымъ о вѣчномъ спасеніи. Сидя на своемъ мѣстѣ, пишущій, благодаря распространенію его книгъ, какъ бы посѣщаетъ многочисленныя страны. Книга, написанная имъ, читается въ святыхъ обителяхъ, и народъ, слушающій ее, отвращается отъ зла и направляется къ добру. Дивное зрѣлище! Очиненная трость, пробѣгая по бумагѣ, оставляетъ на ней, какъ слѣды, небесныя слова; она дѣлаетъ это, какъ будто для того, чтобы загладить тотъ ударъ, который былъ нанесенъ въ день Страданія головѣ Спасителя другою тростью, руководимой адскою злобой!“ Но, не слѣдуетъ представлять себѣ, что Кассіодоръ собиралъ и заставлялъ переписывать книги исключительно духовнаго содержанія. „Никогда—говоритъ онъ—св. отцы не думали о томъ, что слѣдуетъ пренебрегать свѣтскими научными занятіями; благодаря имъ, умъ нашъ развивается для пониманія Библии. Будемъ подражать имъ, если это возможно; съ непрерывнымъ усердіемъ, а также и съ большою осторожностью займемся работой надъ свѣтскими писателями, равно какъ и духовными“. Заслуга Кассіодора тѣмъ болѣе велика, что въ то время къ свѣтской языческой литературѣ многіе относились враждебно. Епископъ Севильскій Исидоръ, спустя нѣсколько десятилѣтій, запретилъ у себя монахамъ заниматься свѣтскими науками, находя, что такое занятіе влагаетъ въ душу высокомеріе. Какъ бы то ни было, дѣлу Кассіодора предстояла блестящая будущность. Изъ Виварійскаго монастыря обычай заниматься перепиской рукописей перешелъ въ другіе монастыри. Въ IX вѣкѣ усердно переписываются рукописи въ Монте-Кассинскомъ аббатствѣ. Въ началѣ X в. мѣстный аббатъ (Теобальдъ) неустанно побуждаетъ иноковъ заниматься этимъ дѣломъ. Особен-

наго развитія достигло оно въ Сень-Галленскомъ монастырѣ въ продолженіе IX и X столѣтій. Въ XIII вѣкѣ во многихъ монастыряхъ, а въ томъ числѣ и въ Сень-Галленѣ, переписываніе рукописей прекращается. Но судьба просвѣщенія уже была обезпечена. Оно вышло изъ узкой сферы монастырской обители и переселилось въ города.

Въ Сень-Галленскомъ аббатствѣ комната для переписыванія рукописей (scriptorium) и монастырская бібліотека помѣщались въ особомъ флигелѣ, прилежащемъ къ главной монастырской церкви. Флигель состоялъ изъ двухъ этажей: вверху была бібліотека, а въ нижнемъ этажѣ—комната для переписыванія или скрипторій. Последняя была большихъ размѣровъ, дневной свѣтъ обильно проникалъ въ нее черезъ семь оконъ.

При входѣ въ скрипторій бросалась въ глаза стѣнная надпись слѣдующаго содержанія: „здѣсь пусть сидитъ только тотъ, кто пишетъ реченія Святого Закона или Св. Отцовъ, одаренныхъ разумомъ и благочестіемъ. Да остерегается всякій говорить здѣсь что-либо легкомысленное: изъ за легкомысленной бесѣды ошибается рука. Прилежно собирайте сочиненія, въ которыя не вкралось никакой лжи, чтобы рука пишущаго двигалась по безопасному пути. Чудесное занятіе—писать священные книги, и пишущаго ждетъ вѣрная награда!“

Въ обширной залѣ разставлены близъ оконъ кресла съ прикрѣпляющимися къ нимъ пюпитрами, въ креслахъ сидятъ переписчики и усердно работаютъ. Двигается безчисленное множество рукъ. Посреди комнаты стоитъ большой столъ, на которомъ лежатъ листы пергамента, кожа и различныя принадлежности письма. У стола расположились монахи. Одни готовятъ пергаментъ, другіе линуютъ его. Изъ иноковъ, сидящихъ кругомъ

комнаты, не всё пишутъ: одни изъ нихъ разрисовываютъ большія начальныя буквы (иниціалы), другіе покрываютъ ихъ позолотой, наиболѣе опытные сравниваютъ переписанный текстъ съ оригиналомъ его. У большого стола расположился монахъ, занимающійся только переплетнымъ дѣломъ. Онъ приготовляетъ деревянныя, большею частью дубовыя, переплетныя доски, обтягиваетъ ихъ кожею, прибавляетъ металлическія украшенія уже къ готовымъ переплетамъ. Однимъ словомъ, работа кипитъ безостановочно. Даже удары монастырскаго колокола, призывающіе къ молитвѣ, не останавливаютъ ее: лица, работающія надъ рукописями, избавляются отъ обязанности участвовать въ монашескомъ хорѣ, кромѣ, разумѣется, отдѣльныхъ случаевъ. Запечатлѣмъ хорошенько въ памяти эту прекрасную картину.

Писались средневѣковыя книги въ періодъ, нами разсматриваемый, на пергаментѣ. О происхожденіи его рассказывается слѣдующее преданіе. Пергамскій царь Эвменъ II, жившій во II вѣкѣ до Р. Хр., основалъ въ столицѣ своего государства, Пергамѣ, большую бібліотеку. Бібліотека была такъ хороша, что возбудила недовольство въ Птолемахъ, правителяхъ Египта, гордившихся своими книжными сокровищами. Желая прекратить дальнѣйшій ростъ Пергамскаго книгохранилища, они, по словамъ легенды, запретили вывозить изъ Египта папирусъ т. е. тотъ матеріалъ, на которомъ писались тогда книги. Послѣдствіе этого запрещенія было неожиданно для нихъ: пергамцы обратились къ древнему азіатскому способу, стали писать на кожахъ животныхъ и улучшили ихъ выдѣлку. Эти-то обработанныя кожи и стали называться пергамскими хартіями или проще пергаментомъ (*charta Pergamena*). Изъ Азіи искусство выдѣлки кожъ съ цѣлью приспособленія ихъ къ письму перешло въ

Европу. Пергаментъ приготовляли въ Византіи, Италиі, Испаніи, Германіи и Франціи. Онъ бывалъ трехъ цвѣтовъ: бѣлый, желтый и фіолетовый. Послѣдній былъ рѣдокъ, и писали на немъ только золотомъ или серебромъ.

Приготовленный пергаментъ разрѣзывался острымъ ножомъ (*rasorium*) на отдѣльные листы. Внимательно всматриваясь въ эти листы, работавшій надъ ними замѣчалъ въ разныхъ мѣстахъ кое-какія неровности. Тогда онъ бралъ кусокъ пемзы и сцарапывалъ ею эти неровности. Еще сырой, только что приготовленный, но надлежащимъ образомъ сглаженный пергаментъ посыпался толченымъ мѣломъ, чтобы не растекались написанныя на немъ буквы. Потомъ его разлиновывали. Въ древнѣйшую пору эта разлиновка производилась особымъ острымъ инструментомъ, а съ XII вѣка свинцовымъ карандашомъ. При линовкѣ, кромѣ линейки, употреблялся еще циркуль. Такимъ образомъ все дѣлалось съ замѣчательной аккуратностью.

Получивъ совершенно приготовленный для письма пергаментъ, пишущій бралъ въ руки графій т. е. палочку съ однимъ заостреннымъ и другимъ плоскимъ концомъ, *) или тростникъ, или наконецъ—птичье перо. Отточивъ его хорошенько перочиннымъ ножомъ (*scalpellum*), переписчикъ опускалъ его острый конецъ въ одинъ изъ двухъ роговъ, вдѣланныхъ въ его пюпитръ

*) Прекрасно описанъ графій въ слѣдующей загадкѣ:

De summo planus, sed non ego planus in imo,
 Versor utrimque manu, diverso munere fungor;
 Altera pars revocat, quidquid pars altera fecit.

(Въ верхней части я плоскъ, въ нижней же нѣтъ; меня поворачиваютъ рукою и въ ту, и въ другую сторону; я исполняю двѣ обязанности: одинъ конецъ уничтожаетъ то, что сдѣлалъ другой). Стирать плоскимъ концомъ то, что было написано острымъ, было очень удобно на вошеной дощечкѣ.

и заключавшихъ въ себѣ чернила. Въ одномъ были чернила черныя, въ другомъ же красныя. По сравненію съ нашими, средневѣковыя чернила отличались большею густотой. Благодаря этому, буквы какъ бы поднимались надъ поверхностью страницы и, въ случаѣ ошибки переписчика, безъ особеннаго затрудненія стирались. Подчистивъ свою ошибку, средневѣковой переписчикъ или посыпалъ подчищенное мѣсто толченымъ мѣломъ, или заполировывалъ его кабаньимъ зубомъ. Впрочемъ, ошибки часто и не подчищались совсѣмъ, а обводились круговой линіей. Чтобы избѣжать болѣе крупныхъ ошибокъ, напримѣръ, пропуска одной или нѣсколькихъ строкъ, пишущій внимательно взглядывался въ лежащій на томъ же пюпитрѣ оригиналъ (exemplar) и даже пользовался особой закладкой (savilla). Когда благополучно дописывалась страница, еще сырыя строки сушились, для чего въ скрипторіи всегда былъ подъ рукою, въ печи, запасъ горячихъ углей.

Не всегда писали на свѣжеприготовленномъ пергаментѣ. Дороговизна этого матеріала заставляла монаховъ прибѣгать къ слѣдующему способу: они счищали прежнее письмо и на томъ же листѣ писали снова. Такія рукописи извѣстны подъ названіемъ *палимпсестовъ*. Ученымъ удалось возстановить на нѣкоторыхъ палимпсестахъ особыми способами прежній счищенный текстъ, представляющій иногда громадный интересъ. Такъ напримѣръ, въ 1822 году кардиналъ Анджело Май нашелъ на палимпсестѣ текстъ драгоцѣннаго сочиненія Цицерона „о государствѣ“. Способы реставраціи прежняго текста различны, смотря по тому, какими чернилами онъ былъ написанъ: средневѣковыя чернила приготавливались различными способами.

Красными чернилами пользовались обыкновенно для

заголовка, для начальной буквы отдѣла *), для собственных именъ и заключительныхъ строкъ. Иногда красныя буквы и строки вписывались другимъ лицомъ. Въмѣсто красныхъ чернилъ употребляли синія, рѣдко зеленыя или желтыя. Выше мы сказали, что писали также золотыми буквами. Для этого сперва загрунтовывали буквы, смазывали ихъ клейкимъ веществомъ и сверхъ него накладывали серебряныя или золотыя листочки. Поступали и иначе: раскрашивали буквы посредствомъ кисточки заранѣе заготовленнымъ составомъ. Впрочемъ, золотомъ и серебромъ писали очень рѣдко, преимущественно книги духовнаго содержанія. Изъ такихъ рукописей сохранились до нашего времени очень немногія. Къ ихъ числу принадлежатъ три Евангелія, находящіяся теперь въ Вѣнѣ и писанныя золотыми буквами, и такъ называемый серебряный кодексъ (codex argenteus) находящійся въ Упсалѣ, писанный серебряными буквами и заключающій въ себѣ часть Библии на готскомъ языкѣ. Обыкновенно же писали золотомъ или начальныя буквы, или слова „Богъ, Іегова“ и друг.

Начальныя буквы рукописи или отдѣловъ ея (иниціалы) нерѣдко разрисовывались и раскрашивались различными красками. Въ этомъ дѣлѣ средневѣковыя рисовальщики достигли замѣчательнаго совершенства; ихъ смѣло можно назвать неподражаемыми. Иногда разрисовывались не только инициалы, но помѣщались рисунки и на поляхъ рукописей. Разсматриваніе изданныхъ и издающихся до сихъ поръ сборниковъ съ инициалами доставляетъ истинно эстетическое наслажденіе. Большею частью инициалы украшались изображеніями фантастическихъ рыбъ и птицъ, человѣческихъ фигуръ то пра-

*) Отсюда и самыя отдѣлы стали называться *рубриками*, отъ латинскаго слова *ruber*, что значитъ *красный*.

вильныхъ, то уродливыхъ, разноцвѣтныхъ арабесокъ, наконецъ—цѣлыхъ сценъ. Вотъ на примѣръ, передъ нами поразительно фантастическая буква I. Внизу — золотой постаментъ, намѣренно неправильной формы; онъ обвитъ какимъ-то вьющимся растеніемъ, можетъ быть, плющомъ, но плющомъ фантастическимъ; на верху золотого постаamenta, напоминающаго урну лежитъ фантастическое животное, какой-то драконъ съ человѣческимъ старческимъ лицомъ: лапы у него красныя, хвостъ и крылья зеленыя; наконецъ, на его спинѣ стоятъ двое бѣлокурыхъ юношей (одинъ въ красномъ, другой въ синемъ одѣяніи) и усердно, что можно видѣть по вздувшимся щекамъ, трубятъ въ длинныя золотыя трубы, обращенныя въ лѣвую сторону; съ широкаго конца трубъ свѣшиваются два куска золотой матеріи. Яркость, пестрота красокъ нисколько не нарушаютъ цѣльности впечатлѣнія. Напротивъ, все болѣе и болѣе, все глубже и глубже вглядываешься въ это причудливое изображеніе и, кажется, читаешь въ немъ тайную мысль, которую хотѣлъ выразить талантливый рисовальщикъ. Смотришь на изображеніе, какъ на гіероглифъ, и хочешь разгадать его. Не хотѣлъ ли рисовальщикъ описаннаго нами рисунка изобразить побѣду жизни надъ смертью? Не объ этомъ ли возвѣщаютъ эти золотыя трубы? — Въ одной рукописи начала XIII вѣка въ инициалѣ помѣщенъ рисунокъ, изображающій Богоматерь и двухъ монаховъ, колѣнопреклоненныхъ передъ Нею; тутъ же—надпись слѣдующаго содержанія: молись за переписывавшаго рукопись и иллюстрировавшаго ее.

Рукописи украшались не только инициалами, но и рисунками, такъ называемыми миниатюрами. Иллюстрировать рукопись начинали послѣ написанія ея. Пишущій оставлялъ пустыя мѣста для рисунковъ. До нашего вре-

мени дошли совершенно полныя рукописи, съ нѣкото-
рыми только начатыми рисунками и пустыми мѣстами
для другихъ. Средневѣковыя миниатюры писались на
самые разнообразныя сюжеты. Вотъ, на примѣръ, передъ

нами — корабль, сильно надулся парусъ, изъ отверстій
въ борту корабельномъ опущенъ рядъ длинныхъ весель.
На другой миниатюрѣ изображены нормандскіе стрѣлки.
На третьей — маркграфиня Матильда въ великолѣпномъ

нарядѣ, съ остроконечной шляпой на головѣ; маркграфиня сидитъ въ громадномъ рѣзномъ креслѣ. Вотъ еще передъ нами яркая, богатая золотою отдѣлкою миниатюра; она раздѣлена на двѣ части; въ верхней половинѣ стоитъ Людовикъ Святой на колѣняхъ передъ Спасителемъ, помѣщеннымъ въ овалѣ, на золотомъ фонѣ; внизу стоятъ передъ аналоемъ, съ раскрытой книгой на немъ, два монаха и усердно молятся Богу. Какъ въ настоящее время, въ иллюстрированныхъ изданіяхъ, къ страницамъ съ рисунками приклеиваются листки тонкой бумаги, такъ и въ то время дорогіе инициалы и миниатюры защищались вклеенной или вшитой въ рукопись кисеей. Миниатюры служатъ замѣчательнымъ подспорьемъ при изученіи средневѣкового быта. Краски и позолота ихъ сохранились до сихъ поръ отлично.

Переплеты, какъ мы выше говорили, дѣлались изъ дерева. Деревянные доски плотно обтягивались кожей, концы которой заходили иногда за края переплета во внутреннюю сторону и такимъ образомъ защищали книгу отъ пыли, служа ей какъ бы футляромъ. Дорогие переплеты покрывались различными изображеніями, иногда художественнаго исполненія. Особенно интересны диптихи *), выточенные изъ слоновой кости и прикрѣпленные къ переплетамъ нѣкоторыхъ сохранившихся до нашего времени церковныхъ книгъ. Иногда въ переплетахъ дѣлались выемки, въ которыхъ помѣщались частицы мощей. Если переплеты отличались особой цѣнностью,

*) Рисунокъ на стр. 138 изображаетъ верхнюю доску переплета такъ наз. „длиннаго Евангелія“ (Evangelium longum), одного изъ лучшихъ украшеній Сень-Галленской библіотеки. Посреди изображенъ Христосъ съ книгою жизни въ правой рукѣ; буквы α и ω указываютъ на начало и конецъ всего существующаго. Въ углахъ изображены евангелисты: между евангелистами Лукою и Іоанномъ—аллегорическія изображенія солнца и луны, между Маркомъ и Матѣемъ—такія же изображенія океана и земли.

они покрывались сорочками (camisia) для предохраненія ихъ отъ порчи. Закрывались переплеты очень плотно при помощи металлическихъ застежекъ. Чтобы переплетъ не портился, передвигаясь по поверхности стола, на которомъ лежала книга, его снабжали еще металлическими шишечками по угламъ. Однимъ словомъ, съ книгой обращались бережно, какъ съ любимымъ предметомъ. Чтобы найти въ данной рукописи, долго не отыскивая, тотъ или другой отдѣлъ, къ страницамъ приклеивали кусочки

пергамента, которые выступали за края переплета. Кромѣ того, пользовались, какъ и теперь, закладками, которыя назывались регистрами (register). У знатныхъ людей эти закладки украшались не только золотомъ, но и драгоценными камнями.

Просвѣщенные аббаты радовались при видѣ переписчиковъ, работавшихъ въ монастырскихъ скрипторіяхъ. Вотъ что говорится въ одной монастырской рукописи объ аббатѣ Одонѣ въ Турнэ: „онъ съ радостью говорилъ о томъ, что Господомъ дано ему много переписчи-

ковъ; если бы ты зашелъ въ монастырь, то увидѣлъ бы въ большинствѣ случаевъ двѣнадцать молодыхъ монаховъ, сидящихъ на каеэдрахъ и молча пишушихъ на доскахъ (пюпитрахъ), старательно и искусно прилаженныхъ“. Эти каеэдры одинъ средневѣковой писатель описываетъ въ слѣдующихъ наставленіяхъ переписчику: „собирающійся писать пусть сядетъ на каеэдру, приподнявъ съ обѣихъ сторонъ ручки, поддерживающія доску, на которой кладется рукопись; пусть пододвинетъ подъ ноги скамейку, чтобы сидѣть крѣпче“ *).

Очень трудно и прямо невозможно опредѣлить нормальную скорость письма. Все зависѣло какъ отъ пишущаго, такъ и отъ характера самаго письма, отъ большаго или меньшаго количества сокращенныхъ словъ **). Св. Колумбанъ написалъ Евангеліе въ 12 дней, но объ этомъ свидѣтельствуется только легенда. Нѣсколько столѣтій спустя былъ написанъ роскошный экземпляръ Новаго Завѣта въ 6 мѣсяцевъ, въ чемъ врядъ ли возможно сомнѣваться. Для ускоренія работы рукопись писалась по частямъ одновременно нѣсколькими лицами. Одинъ пріоръ заставилъ монаховъ переписать очень важную для его монастыря рукопись въ теченіе ночи, но для этого раздѣлили рукопись по листамъ, которые и роздали монахамъ. Въ нѣкоторыхъ дошедшихъ до нашего времени рукописяхъ замѣтны разные почерки, несмотря на однообразіе, которое давала тогдашняя школа; встрѣчаются пустыя мѣста, промежутки, происшедшіе отъ того, что писавшіе не разсчитали, какъ слѣдуетъ, строкъ, что одинъ писалъ не такъ разгонисто, какъ

*) Помѣщенный нами на стр. 140 рисунокъ представляетъ прекрасную иллюстрацію къ этимъ словамъ; нѣтъ только скамейки подъ ногами. Рисунокъ — копія съ миниатюры XV вѣка.

**) Сокращенія бывали такого рода: ones вм. omnes, dicit' вм. dicitur, pat' вм. pater, p' вм. post, q' вм. qui и т. под.

другой; наконецъ, въ заключеніяхъ нѣкоторыхъ рукописей прямо перечисляются и называются по именамъ монахи, переписывавшіе ихъ. Случалось, что монахъ, за-сѣвшій за переписываніе рукописи, помиралъ, не успѣвши исполнить своей задачи. На его мѣсто садился другой монахъ и доканчивалъ переписку рукописи. Такъ, въ одной рукописи XIII вѣка мы читаемъ стихи приблизительно слѣдующаго содержанія:

Удѣлъ начавшаго — могила;
Окончившій да будетъ здравъ!
Смерть справедливо поступила,
Его въ могилу не прибравъ *)).

На переписываніе рукописей смотрѣли какъ на дѣло святое, покровительствуемое небомъ. Такой взглядъ прекрасно отразился въ монастырскихъ легендахъ. Шотландскій инокъ Маріанъ усердно работалъ въ Регенсбургскомъ монастырѣ надъ переписываніемъ одной рукописи. Ему необходимо было скорѣе окончить ее. Онъ писалъ не только днемъ, но и ночью. Усердная работа приходила къ концу. Уже оставалось ея всего на нѣсколько часовъ; къ утру рукопись была бы готова, но у инока вышли всѣ свѣчи, и онъ не могъ ихъ достать. Тогда онъ помолился Богу. И что же? Засвѣтились чуднымъ огнемъ три пальца его лѣвой руки, затеплились, какъ три лампады. При этомъ дивномъ освѣщеніи онъ и окончилъ свою рукопись. Другая легенда рассказываетъ слѣдующее. Жилъ-былъ на свѣтѣ легкомысленный и многогрѣшный монахъ, но при всѣхъ своихъ недостаткахъ онъ обладалъ однимъ достоинствомъ: былъ ревностнымъ

*) Est sepultus, qui incepit;
Semper vivat, qui perfecit!
Mors legalis recte fecit,
Quod expletem non recepit.

переписчикомъ. Однажды, безъ всякаго принужденія, только по своей доброй волѣ, онъ переписалъ огромный фоліантъ духовнаго содержанія. Пришелъ часъ его, и онъ умеръ. И предсталъ нашъ многогрѣшный монахъ передъ Небеснымъ Судомъ. Вотъ и появилось множество чертей, всѣ то обвиняютъ его, одинъ — въ одномъ, другой — въ другомъ грѣхѣ. Тогда ангелы, защищавшіе его, принесли тотъ самый фоліантъ, который грѣшникъ переписалъ по влеченію сердца, а не по приказу. Дѣло въ томъ, что каждая буква добровольно переписанной книги уравниваетъ одинъ грѣхъ человѣка, написавшаго ее. Сосчитали грѣхи монаха, стали считать буквы переписаннаго имъ фоліанта. Считаютъ, считаютъ уже въ самомъ концѣ, послѣднія строки остались, а грѣховъ все-таки больше, чѣмъ буквъ. Кончили счетъ: осталась лишнею только одна буква. И постановилъ Судъ, чтобы душа монаха снова слетѣла на землю и вернулась въ свое тѣло. Такимъ образомъ, душѣ дана была возможность принести покаяніе, удостоиться райскаго блаженства; не будь этого фоліанта, монахъ непременно мучился бы въ аду. — Третья легенда рассказываетъ объ одномъ монахѣ-переписчикѣ, который усердно писалъ всю свою жизнь вплоть до самой смерти. Прошло двадцать лѣтъ послѣ смерти этого монаха, когда нашли его правую руку: она оказалась совершенно неповрежденною и стала почитаться, какъ реликвія. — Наконецъ, одинъ монахъ, занимавшійся перепискою книгъ, выписывалъ съ величайшимъ стараніемъ имя Пресвятой Дѣвы Маріи всякій разъ, какъ только встрѣчалъ его: онъ воспроизводилъ его тремя разноцвѣтными красками. Когда онъ умеръ, одинъ изъ его товарищей совершенно ясно, — по словамъ легенды, — видѣлъ, какъ появилась Пресвятая Дѣва и приняла его душу. „Такъ какъ ты — сказала

Она — съ такимъ почитаніемъ писалъ имя Мое въ переписанныхъ тобою книгахъ, Я велѣла записать твое имя въ книгу жизни“.

Не даромъ такъ смотрѣли на переписыванье рукописей: это было дѣло нелегкое. „Кто не умѣетъ писать, — говоритъ одна изъ приписокъ, прибавлявшихся переписчиками, — тотъ не считаетъ переписку трудомъ; пишутъ только три пальца, а страдаетъ отъ того все тѣло *). Другая приписка обращается къ читателю рукописи: „о, счастливѣйшій читатель! вымой свои руки и только послѣ того возьми за книгу, перевертывай листы медленно, держи пальцы подалеже отъ буквъ. Кто не умѣетъ писать, тотъ не считаетъ переписку трудомъ. О, какъ тяжела переписка! Она обременяетъ глаза, разрушаетъ почки, приводитъ въ печальное состояніе всѣ члены тѣла“. Не требуетъ никакихъ объясненій и горько звучитъ слѣдующее желаніе переписчика:

„Пусть правая рука писавшаго скорѣй
Отъ боли тягостной избавится своей“.

Часто попадаются строки, призывающія на правую руку писавшаго Божіе благословеніе. Вообще, приписки эти необыкновенно интересны; даже при своей стереотипности, при повтореніяхъ одной и той же мысли. Та же мысль выражается не всегда одинаково. Одинъ переписчикъ выражается коротко, сухо, стереотипной фразой, въ родѣ слѣдующихъ: „что я за переписчикъ, это покажетъ мое письмо“. Другой пишетъ „братья мои, если вы читаете настоящіе свитки **) и найдете въ нихъ мѣста, которыя необходимо исправить, не проклиняйте меня,

*) *Scribere qui nescit, nullum putat esse laborem:
Tres digiti scribunt totum corpusque laborat.*

**) Средневѣковыя рукописи были двоякаго вида: онѣ представляли собою или свитки (*volumina*), или книги (*codices*).

но исправьте ихъ съ полнымъ тщаніемъ, а за меня, недостойнаго грѣшника, помолитесь". Иногда приписки отличаются юмористическимъ характеромъ, напримѣръ:

„Довольно мое потрудилось перо:
Да въ мирѣ почиетъ оно!“

Въ виду нерѣдко происходившихъ похищеній, переписчики прибавляли отъ себя въ концѣ рукописи очень нелестныя пожеланія тому, кто вздумалъ бы присвоить ее себѣ путемъ кражи. Обыкновенно пожеланія эти выражаются риемованными фразами въ такомъ родѣ:

„Кто эту книгу украдетъ,
Тому жестоко попадетъ“.

„Кто эту книгу вздумаетъ сперѣтъ,
Тому Христа не лицезрѣтъ“.

„Кто тебя украдетъ,
Тотъ съ петлею знакомство сведетъ“.

Работа надъ рукописью сравнивается переписчиками съ плаваньемъ по морямъ, окончаніе переписки—съ прибытіемъ корабля въ гавань.

Берегъ желанный, знакомый завидѣвъ,
Радъ утомленный пловецъ, —
Радъ переписчикъ усталый не меньше,
Видя работѣ конецъ.)

Не всегда переписчики работали добровольно. Въ этомъ отношеніи очень интересны двѣ приписки, сдѣланныя двумя разными лицами на одной рукописи Лоршскаго монастыря. Одна приписка сдѣлана рукою переписчика, какого-то Якова, и не безъ гордости гласитъ: „написалъ Яковъ“. Неизвѣстно, кому принадлежитъ другая приписка критическаго характера: „нѣкоторую часть этой книги онъ переписалъ не по доброй волѣ, а по-

нукаемый, спутанный узами, какъ и слѣдуетъ поступать съ бѣглымъ скитальцемъ“. Но лица, подобныя отцу Иакову, представляли, конечно, исключенія. Большинство относилось къ работѣ съ любовью и съ сознаниемъ важности своего дѣла. Лозунгомъ большинства, въ лучшій періодъ монастырской жизни, были слова слѣдующей приписки: „заниматься безъ книги — то же самое, что черпать воду рѣшетомъ“. Значеніе книги сознавалось вполне. „Въ книгахъ — говоритъ одинъ монахъ — всякій найдетъ мудрость, кто только ищетъ ее. Тамъ херувимы расширяютъ свои крылья... Тамъ открывается природа неба, земли и ада... Это — учителя, которые обучаютъ насъ безъ розги, безъ гнѣва и наградъ. Когда ты приходишь къ нимъ, они не спятъ; когда ты спрашиваешь ихъ, они не замыкаются въ себя; дѣлаешь ли ты ошибку, они не ворчатъ и не смѣются... О, книги! вы — древо жизни, вы — райская рѣка, орошающая человѣчскій духъ и оплодотворяющая его“. Другой монахъ говоритъ безъ всякой риторики о своей любви къ книгамъ. „Нѣтъ ничего пріятнѣе, нѣтъ ничего занятнѣе чтенія. Я проводилъ цѣлыя ночи безъ сна за изученіемъ Св. Писанія и даже пропускалъ трапезу, чтобы выиграть время. Я всегда, страстно желалъ узнать все то, что только доступно знанію въ этомъ мірѣ“ *).

*) Quidquid in mundo scibile est, scire semper cupiebam.

Въ женской обители.

дновременно съ мужскими монастырями возникли и женскіе. Въ нѣкоторыхъ странахъ, какъ напр. въ Саксоніи, ихъ было даже больше, чѣмъ мужскихъ. Какъ въ мужскія обители, такъ и въ женскія, приносились дѣти, которыя уже никогда не покидали монастыря. Кромѣ того, монастыри наполнялись дѣвушками, давшими обѣтъ безбрачія, и вдовами, отказывавшимися отъ вступленія въ новый бракъ *). Число жаждавшихъ монашеской жизни было такъ велико, что Ахенскій соборъ, состоявшійся въ 817 году и объявившій между прочимъ, правило Св. Бенедикта обязательнымъ для всѣхъ монастырей, постановилъ, чтобы аббатиссы, принимая въ свои обители обращающихся къ нимъ, соображались съ монастырскими средствами и отказывали тѣмъ, которыхъ не въ состояніи содержать. Подобныя постановленія, имѣвшія въ виду ограниченіе числа монахинь, неоднократно повторялись и впослѣдствіи.

Для образованія послушницъ при всѣхъ женскихъ обителяхъ существовали внутреннія школы. Преподаваніе въ нихъ походило на то, которое господствовало въ мужскихъ школахъ, хотя проводилось оно не такъ послѣдовательно, какъ тамъ. Въ Германіи, въ концѣ IX вѣка особенно славилась школа въ Герфордскомъ монастырѣ, открытая для дѣтей знатныхъ саксовъ. Вскорѣ послѣ того на первый планъ выдвинулась школа при женскомъ Гандерсгеймскомъ монастырѣ. Главною цѣлью, которою задавались внутреннія школы женскихъ обите-

*) Иныя приносили особые обѣты, но оставались жить дома. Объ нихъ см. нашъ „Средневѣковой городъ“, изд. 2-е, стр. 30—31.

лей, было, какъ и въ мужскихъ, знаніе Св. Писанія. Начинали также съ грамматики, а сверхъ того занимались діалектикой, ариѳметикой и музыкой; при изученіи грамматики читали поэтовъ.

Вышеупомянутый Ахенскій соборъ рекомендовалъ всѣмъ аббатиссамъ принять къ руководству при школьныхъ занятіяхъ педагогическое письмо Св. Іеронима. Послѣднее имѣло большое вліяніе не только на школьное женское образованіе въ средніе вѣка, но и на домашнее. Это письмо было написано Св. Іеронимомъ къ одной матери, именемъ Летѣ, которую сильно занималъ вопросъ о воспитаніи ея дочерей. Прежде всего въ письмѣ высказывается та мысль, что душу, которая должна быть храмомъ Божиимъ, слѣдуетъ и воспитывать для этой цѣли: начать необходимо съ псалтири; потомъ обратиться къ Притчамъ Соломоновымъ, изъ которыхъ дѣвушка усвоить себѣ мудрыя житейскія правила; Экклезіастъ научить ее презирать блага земныя; книга Іова — терпѣливо переносить земныя бѣдствія; Евангеліе она никогда не должна выпускать изъ своихъ рукъ. Кромѣ того, Св. Іеронимъ совѣтуетъ изучать и другія книги Св. Писанія, а также труды Св. Кипріана и другихъ Отцовъ Церкви. Въ письмѣ своемъ Св. Іеронимъ указываетъ и самый методъ обученія. Сначала онъ совѣтуетъ давать дѣвочкамъ буквы изъ буковаго дерева или слоновой кости, чтобы онѣ, играючи, научились понимать ихъ значеніе. Онъ рекомендуетъ тотъ приемъ, который употреблялся въ мужскихъ школахъ. Побуждать ихъ къ усердному ученью онъ предлагаетъ обѣщаніемъ и выдачею награды, а также и добрыми рѣчами. Слѣдуетъ поступать съ дѣвочками такъ, чтобы у нихъ не зародилось отвращенія къ школѣ. Надзирать за ними должна пожилая дѣвица, при томъ такая, которая могла бы вліять на нихъ своимъ добрымъ нра-

вомъ, подавать имъ хорошіе примѣры. Дѣвочки должны посѣщать всѣ церковныя службы, совершаемыя и днемъ, и ночью. Кромѣ ученя и молитвы, воспитанницы могутъ заниматься рукодѣльемъ. Кормить слишкомъ сытно, по мнѣнію Св. Иеронима, ихъ не слѣдуетъ.

Такимъ образомъ, въ письмѣ заключаются указанія по вопросу объ элементарномъ обученіи, а также и то направленіе, котораго слѣдуетъ держаться при воспитаніи дѣвочекъ. Какъ во внутреннихъ школахъ при мужскихъ монастыряхъ, такъ и въ женскихъ внутреннихъ школахъ господствовала та же неумолимая строгость. Дѣвочекъ съ самыхъ малыхъ лѣтъ старались приучать къ занятіямъ, которыя ожидали ихъ въ будущемъ. Онѣ были какъ бы монахинями въ миниатюрѣ. Въ столовой онѣ сидѣли за особымъ столомъ, который, однако, былъ поставленъ вблизи стола монахинь. Вообще, онѣ были подвергнуты самому строгому наблюденію.

Болѣе подробное изученіе грамматики и другихъ родственныхъ ей предметовъ распространилось въ женскихъ монастыряхъ Германіи въ IX и X столѣтіяхъ, благодаря вліянію англосаксонскихъ учительницъ, принимавшихся здѣсь съ большимъ радушіемъ. Тогда и въ женскихъ монастыряхъ читали языческихъ поэтовъ и прозаиковъ и комментировали ихъ. Прекраснымъ примѣромъ можетъ служить знаменитая монахиня Гандерсгеймскаго монастыря Гросвита (Hrotsuit). Она училась въ монастырской школѣ въ первое десятилѣтіе царствованія Оттона I, т. е. во второй четверти X столѣтія; читала тамъ Вергилія, Пруденція, Седулія, Лукана, Горація, Овидія и Теренція. Много содѣйствовала ея образованію подружившаяся съ нею аббатисса Герберга, племянница императора Оттона II. Она-то и побуждала ее къ литературнымъ занятіямъ. Первымъ литературнымъ трудомъ Грос-

виты были легенды; въ основу ихъ легли частью житія святыхъ, частью матеріаль апокрифическій. Напримѣръ, въ легендѣ о Маріи заимствовано многое изъ апокрифи-

ческаго евангелія Іакова: въ ней разсказывается, какъ, по желанію Младенца Іисуса, во время бѣгства въ Египетъ, склоняется пальма и такимъ образомъ предлагаетъ

свои плоды, какъ у ногъ ихъ возникаетъ источникъ, какъ при ихъ приближеніи падаютъ идолы въ языческомъ храмѣ и т. п. Но прославилась Гросвита не легендами, а латинскими комедіями. И въ легендахъ, и въ комедіяхъ — одинъ и тотъ же идеалъ: аскетическая жизнь и мученичество, какъ увѣнчаніе ея. Гросвита написала шесть небольшихъ комедій, въ которыхъ она сильно подражаетъ римскому писателю Теренцію *). Онѣ представляютъ собою діалогическіе рассказы, написанные римованною прозой: комедіями, въ настоящемъ смыслѣ этого слова, назвать ихъ нельзя. Но, во всякомъ случаѣ, онѣ обнаруживаютъ большія познанія своего автора и могутъ свидѣтельствовать о степени тогдашняго образованія въ школахъ выдающихся женскихъ монастырей. Въ „Пафнутіи“ Гросвита обнаруживаетъ познанія въ теоріи музыки: въ первой сценѣ этого произведенія она изображаетъ внутренность одной изъ саксонскихъ монастырскихъ школъ; учитель бесѣдуетъ съ учениками, и въ этихъ бесѣдахъ сообщаются такія подробности, которыя можно было узнать только изъ употреблявшихся въ то время учебныхъ руководствъ. Въ „Вѣрѣ и Надеждѣ“ Гросвита обнаруживаетъ ариѳметическія познанія въ томъ объемѣ, въ какомъ сообщались они въ монастырскихъ школахъ.

Гросвита — цвѣтокъ средневѣкового монастырскаго образованія. Вотъ почему слѣдуетъ нѣсколько поближе познакомиться съ ея взглядами. Тогда передъ нами еще ярче обрисуется господствовавшее въ ту пору направленіе, и рѣзче проявится обликъ Гросвиты, одной изъ тогдашнихъ ученицъ. Въ своемъ предисловіи она указываетъ на то, что многіе увлекаются языческими авторами, въ томъ числѣ Теренціемъ, и усердно читаютъ ихъ,

*) Вотъ ихъ заглавія: Галликанъ, Дульциій, Каллимахъ, Авраамъ, Пафнутій, Вѣра и Надежда.

но они встрѣчаютъ тамъ многое, что оскорбляетъ ихъ нравственное чувство. Гросвита, по ея словамъ, взялась за перо для того, чтобы противопоставить добродѣтельныя наклонности порочнымъ, а порочнымъ людямъ — блаженныхъ людей. Впрочемъ, и сама Гросвита не щадитъ красокъ для изображенія пороковъ, только порокъ у нея всегда наказывается, а добродѣтель торжествуетъ. Паденіе грѣшника она рисуетъ для того, чтобы изобразить ярче его исправленіе. Праведныхъ защищаетъ и всегда спасаетъ Самъ Господь чрезъ Своихъ ангеловъ. Что касается выводимыхъ ею добродѣтельныхъ лицъ, они нерѣдко притворяются передъ грѣшниками и лгутъ имъ, если встрѣчаютъ въ этомъ какую-либо надобность. Въ комедіи „Галликанъ“ выводится на сцену язычникъ съ этимъ именемъ, полководецъ императора Константина. Полководецъ полюбилъ дочь императора и проситъ ея руки. Императоръ опасается отказать ему: государству грозятъ враги, а полководецъ, оскорбленный отказомъ, можетъ повредить императору, измѣнить ему. Но императоръ не можетъ и согласиться на бракъ, такъ какъ его дочь, обратившаяся въ христіанскую вѣру, дала обѣтъ безбрачія. Въ такомъ затруднительномъ положеніи онъ рѣшается переговорить со своею дочерью Констанціей.

Императоръ. Поди сюда, дочь моя, я хочу поговорить съ тобою.

Констанція. Я здѣсь, государь! Прикажи мнѣ, что тебѣ угодно.

Императоръ. Я испытываю серьезную тоску, тяжелая печаль угнетаетъ меня.

Констанція. Какъ только я тебя увидѣла, я сразу замѣтила эту печаль. Еще не зная ея причины, я испытывала и страхъ, и кручину.

Императоръ. Изъ за тебя я такъ печалень.

Констанція. Изъ за меня?

Императоръ. Изъ за тебя.

Констанція. Ты меня пугаешь. Въ чемъ дѣло, государь?

Императоръ. Я боюсь испугать тебя, если скажу объ этомъ. Полководецъ Галликанъ, возвысившійся своими побѣдами превыше всѣхъ князей, въ помощи котораго мы такъ часто нуждались для защиты отечества...

Констанція (тревожно перебивая его). Что съ нимъ случилось?

Императоръ. Онъ просить твоей руки.

Констанція. Моей руки?

Императоръ. Да.

Констанція. Я скорѣе умру, чѣмъ соглашусь на это.

Императоръ. Я предвидѣлъ твой отвѣтъ.

Констанція. Онъ не долженъ удивлять тебя: съ твоего же позволенія я принесла свой отвѣтъ.

Императоръ. Я хорошо помню это.

Констанція. Никакая смерть не принудить меня нарушить свой отвѣтъ.

Императоръ. Это само собой разумѣется, но потому-то и беспокоить меня. Если я, слѣдуя своей отцовской обязанности, дозволю тебѣ исполнить свое намѣреніе, отъ этого можетъ пострадать государство. Если же я возьму свое слово назадъ (чего я вовсе и не желаю дѣлать), я подвергнусь вѣчному наказанію.

Констанція. Если бы я отчаивалась въ Божественной помощи, я предавалась бы горю болѣе, чѣмъ кто-бы то ни было.

Императоръ. Разумѣется.

Констанція. Однако въ сердцѣ моемъ нѣтъ мѣста для печали: оно все занято Богомъ.

Императоръ. Прекрасно сказано, моя Констанція!

Констанція. Если ты не станешь пренебрегать моимъ совѣтомъ, я могу предложить тебѣ средство, чтобы избавиться отъ двойной опасности.

Императоръ. Какое-же?

Гросвита читаетъ инокинямъ свои произведенія.

Констанція. Какъ только начнутъ готовиться къ выступленію въ походъ, сдѣлай видъ, что ты согласенъ исполнить желаніе Галликана. А чтобы увѣрить его въ

томъ, что и я соглашаюсь на бракъ, скажи ему, что я желаю оставить при себѣ, на время его отсутствія, двухъ дочерей его, Аттику и Артемію, въ залогъ той любви, которая должна соединить насъ. Онъ же пусть возьметъ себѣ въ спутники моихъ старшихъ придворныхъ чиновниковъ, Іоанна и Павла.

Императоръ. А какъ же поступимъ мы, когда онъ вернется, одержавъ побѣды надъ врагами?

Констанція. Мы должны умолять Творца всего существующаго, чтобы Онъ [отклонилъ (къ тому времени) чувство Галликана въ другую сторону.

Императоръ. О, дочь моя, дочь моя! Какъ сладкая нѣжность твоихъ словъ смягчаетъ горькую печаль твоего отца. Теперь я уже совершенно спокоенъ.

Констанція. Не слѣдовало и беспокоиться.

Императоръ. Пойду подстрекнуть Галликана радостнымъ для него обѣщаніемъ.

Констанція. Иди съ миромъ, государь!

Кромѣ легендъ и комедій Гросвита написала Панегирикъ Оттону Великому, въ которомъ воспѣваетъ дѣянія этого государя, и поэму „о началѣ и основателяхъ монастыря Гандерсгеймскаго“. Приведемъ здѣсь небольшой отрывокъ изъ Панегирика. Въ этомъ отрывкѣ говорится о бѣгствѣ королевы итальянской Аделаиды, преслѣдуемой Беренгаромъ и заключенной имъ въ замокъ Гарда, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „Тотъ, Кто нѣкогда спасъ Св. Петра изъ темницы Ирода, спасаетъ и ее, когда наступило время для этого... Когда подземный ходъ, вырытый съ осторожностью, былъ готовъ, и приблизилась ночь, предвѣстница близкой свободы, когда сонъ овладѣлъ людьми, тогда Аделаида съ двумя спутниками, поручивъ себя Богу, бѣжала тайно отъ стражи и въ теченіе ночи успѣла отойти отъ замка на столько, на сколько

ей позволили сдѣлать это ея нѣжныя ноги. Но всякій разъ, когда съ удаленіемъ мрака ночного исчезалъ туманъ, и востокъ озарялся солнечными лучами, Аделаида то укрывалась въ пещерѣ, то блуждала по лѣсамъ или, наконецъ, пряталась въ нивахъ, за высокими колосьями, пока снова не являлась ночь, покрывающая землю густымъ мракомъ. Только тогда королева покидала убѣжище свое и, радостная, пускалась въ путь. Между тѣмъ тюремная стража, не найдя узницы въ темницѣ, объявила о томъ графу, которому ввѣренъ былъ присмотръ за нею. Пораженный ужасомъ онъ бросился съ многими спутниками отыскивать бѣглецовъ. Когда же всѣ поиски оказались напрасными, и графъ ни у кого не могъ попытаться, куда именно направила свои шаги знаменитая королева, онъ съ уныніемъ принесъ извѣстіе о томъ королю Беренгару. Этотъ послѣдній, прійдя въ ужасную ярость, разослалъ во всѣ стороны воиновъ, повелѣвъ имъ не пропускать ни одного мѣстечка, въ которомъ— по ихъ предположеніямъ—могла бы укрыться королева. Самъ же онъ, какъ бы отправляясь на бой съ лютымъ врагомъ, пустился въ погоню съ частью своей храброй дружины. Ему случилось даже разъ пройти вблизи той самой нивы, гдѣ скрывалась въ извилистой межѣ королева, прикрытая опахаломъ Цереры. Хотя Беренгаръ объѣздилъ все мѣсто, гдѣ она лежала въ величайшемъ страхѣ, и самъ раздѣлялъ колосья своимъ длиннымъ копьемъ, но, не смотря на все, королева не была найдена, благодаря милосердію Бога“.

Кромѣ Гросвиты извѣстны своими литературными произведеніями и другія монахини: отъ нихъ сохранились письма, стихи, житія святыхъ. Монахини съ образованіемъ Гросвиты встрѣчались и въ послѣдующія столѣтія. Но авторскою дѣятельностью занималось, конечно, мень-

шинство. Для большинства же представлялось иное поле дѣятельности. Въ женскихъ обителяхъ усердно занимались перепискою рукописей. Нѣкоторыя изъ монахинь возбуждали удивленіе своею работой и оставляли по себѣ долгую память. Въ подтвержденіе этого можно привести слѣдующій, трогательный примѣръ. Въ началѣ XII вѣка особенно выдѣлялась своими работами одна монахиня, которая переписала для Вессобрунскаго монастыря большое количество служебниковъ и сочиненій Отцовъ Церкви. Послѣ ея смерти, въ упомянутомъ монастырѣ совершалось ежегодное поминовеніе ея. День ея смерти сдѣлался

въ этомъ монастырѣ церковнымъ праздникомъ, который сопровождался выдачей опредѣленной суммы денегъ монахамъ-переписчикамъ, присутствовавшимъ при богослуженіи. И это не единственный случай, о которомъ дошло извѣстіе до нашего времени. Слава переписчицъ была такъ велика, что иные авторы отправляли свои труды для переписки не въ мужскіе, а въ женскіе монастыри.

Кромѣ внутреннихъ школъ, въ женскихъ бенедиктинскихъ обителяхъ устраивались и внѣшнія школы. Воспитанницы этихъ школъ, закончивъ свое образованіе, возвращались въ свои семьи. Съ X столѣтія въ Германіи

установился обычай, по которому всѣ знатные люди отдавали своихъ дочерей въ монастырскія учебныя заведенія. Такими учебными заведеніями особенно славились въ XI—XII вв. южная Германія. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ женскіе монастыри были расположены въ близкомъ сосѣдствѣ съ мужскими, главное завѣдываніе женскимъ образованіемъ поручалось аббату, пріору или какому-либо лицу изъ мужского педагогическаго персонала. Во внѣшнихъ школахъ женскихъ монастырей учили читать и писать, разучивали псалтирь, знакомились съ легендами о святыхъ, съ библейскими исторіями. Особенное вниманіе обращали на изученіе псалтири. Нѣкоторые знатные люди держали своихъ дочерей въ монастырской школѣ только до тѣхъ поръ, пока онѣ не ознакомились обстоятельно съ псалмами. Кромѣ того дѣвушекъ учили рукодѣлю: прясть, шить, ткать, вязать и вышивать по шелку золотомъ и жемчугомъ. Невольно возникаетъ передъ нами знакомая, родная картина, картина до-Петровской, средневѣковой Руси: высокій теремъ, въ оконца котораго вливается ароматная прохлада изъ тѣнистаго сада, оглашаемаго пѣснями пернатыхъ гостей, чернобровая боярышня и сѣнныя дѣвушки, вышивающія золотомъ и нанизывающія на нити жемчугъ пережатный; кажется, будто слышишь грустную мелодію ихъ дѣвичьей пѣсни.

Беатриса.

(Средневѣковая легенда).

емь вѣковъ тому назадъ жила въ одной обители дѣвушка, по имени Беатриса. Она была приведена туда еще ребенкомъ, выросла подъ мирнымъ кровомъ обители и приняла монашество. Тотъ день, когда одѣлась она въ платье монахини, былъ однимъ изъ лучшихъ въ ея жизни. Ея сердце было переполнено любовью къ Пресвятой Дѣвѣ Маріи, и, надѣвъ на себя монашеское платье, она захотѣла всецѣло посвятить себя на служеніе Ей. И она сдѣлась лучшимъ украшеніемъ своего монастыря.

Ей исполнилось восемнадцать лѣтъ. Ни одно облачко не затемняло ея чистой совѣсти. Добродѣтели ея расцвѣли, а вмѣстѣ съ ними достигла полного расцвѣта и ея красота. Она была ослѣпительна. Но Беатриса не сознавала своей красоты и жила по прежнему своей святою жизнью. Она находила неизъяснимую прелесть въ молитвѣ, посѣщала всѣ церковныя службы и съ величайшимъ вниманіемъ слушала тѣ легенды, которыя читались въ рефекторіи, во время трапезы монахинь. Самое любимое занятіе ея заключалось въ томъ, что она украшала алтарь Царицы Небесной въ монастырской

церкви, вышивала для него различные покровы, ежедневно ставила передъ статуей Мадонны свѣжіе, ароматные цвѣты, плела для нея вѣнки и гирлянды. Когда же появлялась зима, и природа переставала дарить цвѣты, Беатриса замѣняла ихъ цвѣтами своего собственнаго издѣлія. Сестры-инокини дивились ей, любовались на ея свѣтлое безоблачное личико и, не смотря на молодые годы, ей поручили ризницу. Ей были вручены всѣ ключи отъ шкафовъ и ящиковъ, въ которыхъ хранились облаченія, драгоценные камни и все то, что приносили жертвователи для украшенія Мадонны.

Спокойно текла жизнь Беатрисы, какъ чистый ручеекъ течетъ по дну, усыянному разноцвѣтными камушками, когда все тихо кругомъ, не шелохнетъ листва, а яркое солнце купаетъ лучи свои въ его прозрачной водѣ. Но вотъ, въ мирную обитель проникнулъ демонъ подъ видомъ молодого причетника. Душа новаго причетника была полна мірскихъ помысловъ и вождельній. Увидѣвъ Беатрису, онъ былъ пораженъ ея необыкновенною красотою. При первомъ же представившемся ему случаѣ, онъ подошелъ къ Беатрисѣ и заговорилъ съ нею. „Тебѣ ли, прекрасной, жить въ монастырѣ?“ такъ началъ онъ свою обольстительную рѣчь. И Беатриса не отвернулась отъ него, не убѣжала, не затворилась въ своей свѣтлой келейкѣ. Какъ очарованная, она слушала его. „Ты не знаешь, малютка, — продолжалъ онъ — что такое міръ, какъ онъ прекрасенъ, какъ онъ увлекателенъ. Ты слышишь это въ первый разъ: тебя увѣряли всегда въ томъ, что онъ ужасенъ. Не вѣрь, дитя, онѣ тебѣ наггали; онѣ — подруги твои — хотятъ, чтобы ты полюбила свои цѣпи. Развѣ ты не замѣчала, что сидишь здѣсь скованная цѣпями?“ И долго говорилъ онъ ей, и рѣчь его звучала такою нѣжностью. Но вмѣстѣ съ нѣжностью

въ словахъ его была такая сила, что Беатриса не могла ихъ позабыть.

Спокойная жизнь Беатрисы была возмущена. Небо покрылось сѣрыми тучами, которыя понесли, погоняя другъ друга, въ какую-то таинственную даль; суровый вѣтеръ закачалъ деревья, затрясъ кусты; а ручеекъ раздулся, потемнѣлъ и сталъ совсѣмъ неузнаваемъ. Она стала стремиться куда-то: стала въ самомъ дѣлѣ чувствовать на себѣ какія-то цѣпи: она страдала. Искуситель замѣтилъ въ ней перемѣну и радовался ей. Встрѣтившись со своею жертвой, онъ снова обратился къ ней съ рѣчью. „Не хочешь ли ты, говорилъ онъ, погадать о своей судьбѣ? Дѣвушки твоего возраста гадаютъ о своемъ будущемъ. Какъ только ложится на поля и лѣса Иванова ночь, онѣ плетутъ вѣнки изъ девяти сортовъ цвѣтовъ, а потомъ забрасываютъ ихъ на деревья. Если какая-нибудь дѣвушка сразу закинетъ на дерево свой вѣнокъ, и онъ повиснетъ на вѣтвяхъ, это пророчитъ ей замужество въ томъ же самомъ году; а сколько разъ вѣнокъ падаетъ на землю, не зацѣпляясь на деревѣ, столько лѣтъ придется дѣвушкѣ ждать своего жениха. Попробуй, погадай, дитя мое! Если вѣнокъ твой останется съ перваго же разу на вѣтвяхъ древесныхъ, твой удѣлъ — не монастырь, а мѣръ“. Говорилъ онъ это Беатрисѣ наканунѣ Иванова дня.

Настала теплая, благоуханная ночь. Въ обители всѣ крѣпко спали. Не спалось лишь одной Беатрисѣ. Въ самую полночь поднялась она съ постели, взяла сплетенный ею, какъ надобно, вѣнокъ и вышла въ монастырскій садъ. На нее смотрѣли яркія, чудныя звѣзды. Подошла она къ старой яблони, бросила вверхъ вѣнокъ и онъ остался на деревѣ. Участь ея рѣшена. На слѣдующій день она рассказала обо всемъ своему искусителю и общалась бѣжать съ нимъ въ ближайшую ночь.

Пришла и слѣдующая ночь. Всѣ снова предались покою. Дорога предъ Беатрисой лежала открытая, но, прежде чѣмъ покинуть свою обитель, она захотѣла еще разъ взглянуть на изображеніе Мадонны, еще разъ помолиться предъ нимъ. Она вошла въ монастырскую церковь, приблизилась къ алтарю Св. Дѣвы Маріи, пала предъ нимъ на колѣни и заплакала, закрывъ лицо руками: она не осмѣливалась смотрѣть на Мадонну. „Пресвятая Дѣва,—пролепетала она въ мучительной тревогѣ— Дѣва Преблагая, Матерь, любимая мною! Ты до сихъ поръ охраняла меня, но я рѣшилась Тебя покинуть. Я буду вѣрна Тебѣ, но я не въ силахъ бороться со своимъ чувствомъ. Я люблю Тебя, но недостойна служить Тебѣ. Смилуйся надо мною!“ Послѣ этого она быстро поднялась, какъ будто не желая подчиниться охватившему ее волненію и остаться въ стѣнахъ монастыря. Съ опущенными глазами, трепеща всѣмъ тѣломъ, она положила свои ключи къ ногамъ Мадонны. „Вотъ ключи,—прошептала она — которые мнѣ довѣрили, я не смѣю вернуть ихъ никому, кромѣ Тебя“. Въ это время изъ рукъ Мадонны выпалъ маленькій цвѣтокъ. Беатриса жадно схватила его и рѣшила не разставаться съ нимъ никогда. Чувствуя почти полный упадокъ силъ, она поспѣшила покинуть монастырь.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ святой обители Беатрису поджидалъ причетникъ съ двумя лошадьми. Они уѣхали.

Не прошло еще и мѣсяца, какъ причетникъ скрылся отъ нея, и осталась она одна одинешенька на свѣтѣ. Никто не пожалѣлъ ея, никто не утѣшилъ, никто не указалъ ей прямой дороги. И пошла она путями околными, путями порока и позора.

Протекло пятнадцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ за-

пятналась эта свѣтлая, чистая жизнь. Въ это время Беатриса впала въ тяжкую болѣзнь и на одрѣ болѣзни вспомнила о Той, Которую никогда не переставала любить, цвѣтокъ Которой хранила, какъ память о лучшей порѣ своей. И страстно захотѣлось ей повидать еще разъ священное изображеніе Маріи. Горько рыдая, она обратилась къ Ней съ молитвою, прося одной лишь милости—поднять ее съ одра болѣзни только для того, чтобы она могла дойти до монастыря, проникнуть въ монастырскую церковь и пасть къ ногамъ Всепрощающей. Хотѣлось ей также покаяться передъ всѣми въ своихъ прегрѣшеніяхъ, обнаружить предъ людьми свою душевную немощь и тѣмъ заслужить себѣ прощеніе.

Силы ея возстановились. Вѣрная произнесенному обѣту, она раздала все свое имущество нищимъ, надѣла на себя нищенское платье и отправилась въ тотъ монастырь, который когда-то она называла своимъ. Теперь она не осмѣливалась называть его такъ даже въ мысляхъ. Долго шла она, сильно истомилась, но безъ ропота прибыла въ то мѣстечко, гдѣ находился монастырь. Завидѣвъ издали монастырскую колоколенку, она пала на колѣни и горько заплакала. И радость, и горе изливались въ тѣхъ слезахъ.

Она подошла къ монастырскимъ воротамъ. За стѣнами монастыря раздался въ это время колокольчикъ, призывавшій сестеръ въ трапезную. Ей живо представилась знакомая картина: обширная трапезная, входящія попарно сестры, громкое чтеніе легендъ. Вся былая жизнь воскресла въ памяти Беатрисы; ея коснулось какое-то знакомое вѣянье. Была минута, когда показалось ей, что послѣднія пятнадцать лѣтъ ея жизни — одинъ только сонъ, что она никогда не покидала своей кельи. Но скоро дѣйствительность разубѣдила ее: она, сама нищая, стояла въ толпѣ нищихъ, ожидавшихъ выхода

сестеръ, которыя раздавали имъ остатки отъ своего обѣда. Беатриса ждала также выхода сестеръ, думая при этомъ, что никто не узнаетъ ее до тѣхъ поръ, пока она не откроется сама. По окончаніи обѣда вышли къ нищенкамъ монахини и стали раздавать имъ обычныя порціи. Беатриса получила свою изъ рукъ инокини, бывшей когда-то ея подругой.

„Что ты такъ дрожишь, дитя мое“? спросила инокиня Беатрису, не узнавши своей прежней подруги.

— Я пришла издалека, отвѣчала Беатриса, я утомилась немного.—

Спустя минуту она овладѣла собою и спросила у монахини:

— Сестрица, вѣдь въ этомъ монастырѣ... жила когда-то бѣдная дѣвушка... по имени Беатриса?—

Инокиня посмотрѣла на нее съ нѣкоторымъ удивленіемъ, какъ будто не ожидала, чтобы обратились къ ней съ подобнымъ вопросомъ, а потомъ сама спросила ее:

„А развѣ ты знакома съ сестрой Беатрисой?“

— Да, я знала ее когда-то: она была такъ счастлива, украшая престоль Пресвятой Дѣвы...—

„Не краснѣй такъ, дитя мое, отвѣчала поспѣшно монахиня, замѣтивъ краску выступившую на лицѣ Беатрисы. Если ты знала когда-нибудь сестру Беатрису, это было большимъ счастіемъ для тебя“.

— Да, да... но въ эти пятнадцать лѣтъ... — пролепетала она и остановилась.

„Въ эти пятнадцать лѣтъ?“ повторила монахиня вопросительно.

— Извѣстно ли, какъ жила въ эти пятнадцать лѣтъ сестра Беатриса?—

„Кто же не знаетъ этого, отвѣчала монахиня. Видно, что ты пришла издалека, бѣдная женщина“.

Грѣшница поникла головой. „Все, все извѣстно“, мелькнуло у нея въ годовѣ.

Но отошедшая, было, монахиня снова подошла къ ней и сказала:

„Такъ какъ ты знала сестру Беатрису, то зайди въ нашу церковь, ты можешь тамъ повидать ее“...

— Какъ? Я могу повидать Беатрису? почти закричала она въ полномъ недоумѣннн. Но черезъ минуту она сообразила, что въ монастырѣ можетъ быть другая монахиня съ тѣмъ же именемъ, которое принадлежитъ ей.

— Но, вѣдь это не прежняя Беатриса, а другая?— спросила она у монахини.

„Та же самая, наша дорогая сестра Беатриса, которая въ продолженіе тридцати лѣтъ составляетъ настоящее украшеніе и славу нашего монастыря: она выросла здѣсь и уже семнадцать лѣтъ несетъ на себѣ обязанности ризничьей. Войдя въ церковь, попроси Беатрису помолиться о тебѣ: ея молитвы могутъ сдѣлать многое“.

Окончательно утративъ всякое пониманіе, сомнѣваясь, происходитъ ли все это во снѣ или наяву, Беатриса направилась къ церкви. Она пала на колѣни, на колѣняхъ вошла въ церковь и направилась къ алтарю Пресвятой Дѣвы. Тамъ ожидало ее великое чудо.

Испытывая невыразимое, захватывающее духъ чувство, она увидѣла предъ алтаремъ Дѣвы Маріи самое себя, совершенное подобіе свое, свой двойникъ; но увидѣла она себя не отцвѣтающею, какою она была теперь, а свѣжею, чистою, ангелоподобною, какою была она пятнадцать лѣтъ тому назадъ.

Прекрасный призракъ сталъ приближаться къ ней, его взоръ былъ исполненъ благиости. Подойдя къ Беатрисѣ, онъ протянулъ къ ней руку съ ключами, кото-

рые Беатриса положила въ роковую ночь у святыхъ ногъ Богоматери.

„Вотъ тѣ ключи,—промолвилъ онъ,—которые ты вручила Мнѣ, дочь моя. Чтобы никто не узналъ про твой грѣхъ, Я пятнадцать лѣтъ занимала твое мѣсто, исполняла дѣло твое. Ты вернулась ко Мнѣ навсегда, ты всецѣло Моя. Ступай въ свою келью и облачись тамъ въ свое иноческое платье“.

Лишь только прозвучали, какъ небесная симфонія, слова эти, призракъ медленно поднялся на алтарь, засіялъ лучами и скрылся. То была Она, Пресвятая Дѣва.

Беатриса мгновенно преобразилась: къ ней вернулись ея силы, ея свѣжесть и здоровье, ея молодость. Она устремилась въ свою келейку. Все въ ней было въ томъ же порядкѣ, въ какомъ она покинула ее. Ея иноческое платье лежало на томъ мѣстѣ, на которомъ она оставила его. Она снова надѣла его на себя.

Послѣ этого она отправилась къ старому иноку-исповѣднику. Послѣдній въ продолженіе пятнадцати лѣтъ привыкъ видѣть въ Той, которая выдавала Себя за Беатрису, небесную святость. Каково же было удивленіе его, когда онъ выслушалъ разсказъ Беатрисы. Но, такъ какъ Сама Св. Дѣва Марія желала, чтобы разсказъ о грѣхѣ Беатрисы оставался тайною, онъ рѣшилъ, что не наступило еще время для распространенія его среди людей, что обо всемъ совершившемся слѣдуетъ молчать, пока Беатриса жива.

Строгою, благочестивою жизнью Беатриса искупила свой грѣхъ и обрѣла милость Божию. Она жила еще многіе годы, и люди узнали обо всемъ разсказанномъ здѣсь только послѣ кончины ея, узнали изъ написаннаго ею самою для своего духовника подробнаго повѣствованія.

Среди книгъ.

Въ лучшую пору своего существованія западно-европейскіе монастыри гордились одинъ передъ другимъ своими книгохранилищами. Одинъ изъ средневѣковыхъ писателей сравниваетъ бібліотеку (armarium) съ арсеналомъ (armamentarium), считая такимъ образомъ книги духовнымъ оружіемъ, которое надлежитъ собирать для борьбы съ врагами Христовой вѣры. Въ среду духовныхъ книгъ рано проникли и книги свѣтскаго содержания. Въ половинѣ IX вѣка одинъ аббать просилъ папу о томъ, чтобы онъ выдалъ ему во временное пользованіе, для снятія копій, сочиненія Цицерона, Квинтиліана, комментаріи Доната къ произведеніямъ Теренція.

Подъ бібліотеку отводилась обширная зала въ верхнемъ этажѣ, обыкновенно со сводами. Существовали особыя постановленія о способѣ обращенія съ книгами: помѣщать ихъ считалось необходимымъ въ комнатѣ, обшитой изнутри досками, чтобы сырость не могла повредить рукописей; устанавливать книги — въ извѣстномъ порядкѣ, и такъ, чтобы онѣ не стѣсняли другъ друга, отъ чего облегчается трудъ разыскванія той или другой книги, а самыя книги предохраняются отъ неизбѣжной въ противномъ случаѣ порчи. На книги смотрѣли, какъ на величайшую драгоценность, да онѣ и были таковою. Въ IX вѣкѣ супруга графа Анжуйскаго заплатила за одинъ сборникъ проповѣдей двѣсти барановъ и сверхъ того извѣстное количество четвериковъ пшеницы, ржи и проса. Дорожа книгами, монахи тщательно стерегли ихъ. Не довольствуясь приписками въ рукописяхъ,

направленными противъ похитителей и имѣющими даже характеръ какихъ-то заклинаній, они прикрѣпляли цѣпями и замыкали каждую отдѣльную рукопись *).

Какъ и въ наше время составленіемъ каталога занимался бібліотекаръ (*armarius, librarius*) **). На немъ лежала также обязанность тщательно пересматривать книги и, въ случаѣ надобности, отправлять въ скрипторій ***) на исправленіе. Въ извѣстные, заранѣе назначенные часы онъ долженъ былъ бесѣдовать съ учениками, очевидно, по поводу прочитаннаго или выдаваемого на прочтеніе. Уже и въ ту пору существовало раздѣленіе бібліотекъ на ученическія и фундаментальныя. Изъ послѣднихъ получали книги монахи и, по всей вѣроятности, взрослые ученики. Разъ въ году особая коммиссія ревизовала бібліотеку. Бывали замѣчательные бібліотекари, которые привязывались къ своему дѣлу и относились къ своимъ книгамъ, какъ отцы къ своимъ дѣтямъ. Это сравненіе принадлежитъ одному изъ средневѣковыхъ писателей. Къ числу такихъ бібліотекарей принадлежалъ Регинбертъ, хранитель бібліотеки при Рейхенаускомъ монастырѣ. Онъ неустанно заботился объ увеличеніи своего книгохранилища. Въ 821 году онъ составилъ каталогъ, сохранившійся до настоящаго времени. Вотъ что приписалъ онъ въ концѣ всѣхъ экземпляровъ, лично имъ переписанныхъ: „чтобы какимъ-либо случаемъ не погибъ совершенный имъ трудъ (авторъ скромно отзывается о себѣ въ третьемъ лицѣ), онъ заклинаетъ всѣхъ возлюбленнымъ именемъ Господа, да никто не выдастъ этого сочиненія изъ мо-

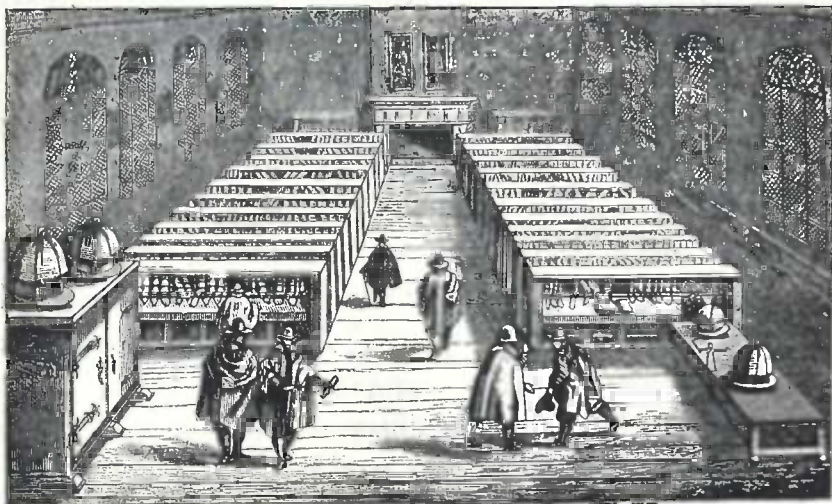
*) Снимокъ со старинной гравюры (на стр. 169) изображаетъ бібліотеку Лейденскаго университета, въ которой всѣ книги были прикованы еще въ XVII вѣкѣ.

***) Библіотекаръ наблюдалъ также за перепискою книгъ.

***). См. очеркъ „Монахи и рукописи“.

настырской библіотеки никому изъ постороннихъ лицъ, за исключеніемъ тѣхъ только случаевъ, когда просящій представить достаточное удостовѣреніе, а еще лучше залогъ; послѣдній долженъ оставаться въ монастырѣ до тѣхъ поръ, пока въ бібліотеку не будетъ возвращено въ цѣлости то, что было изъ нея взято. Милый другъ, обращай вниманіе на тяжелый трудъ переписки: бери себѣ книгу, открывай ее, читай, не порти, клади на преж-

нее мѣсто и замыкай“ *). Для такихъ обращеній было полное основаніе: бывали случаи, когда неосторожный читатель „блѣ сырѣ и фрукты надъ раскрытыми книгами и ставилъ на нихъ тарелку“. Кромѣ Рейхенаускаго каталога сохранились и другіе. Интересенъ древній каталогъ Сень-Галленскаго книгохранилища. На поляхъ

*) *Et ne forte labor pereat confectus ab ipso,
Adjurat cunctos Domini per amabile nomen,
Hoc ut nullus opus cuiquam concesserit extra,
Ni prius ille fidem dederit vel denique pignus,
Donec ad has aedes quae accepit salva remittat.
Dulcis amice, gravem scribendi attende laborem:
Tolle, aperi, recita, ne laedas, claude, repone.*

его находятся различныя примѣчанія въ родѣ слѣдующихъ: „отличный экземпляръ“, „безполезный“, „испорченный“. Противъ названій книгъ, содержащихъ въ себѣ легенды, есть такія замѣтки: „ложь“, „величайшая ложь“ и друг. Одна изъ приписокъ указываетъ на то, что книгами Сенъ-Галленской библіотеки пользовался король Карлъ (Толстой). Книгами изъ монастырской библіотеки пользовались и послѣдующіе государи. Такъ на примѣръ, Оттонъ II, незадолго до смерти своего отца, посѣтилъ Сенъ-Галленскій монастырь и пожелалъ заглянуть въ библіотеку. Онъ взялъ оттуда нѣсколько лучшихъ книгъ и держалъ ихъ такъ долго, что Сенъ-Галленскій аббатъ счелъ необходимымъ просить объ ихъ возвращеніи монастырю. Но бывали критическіе моменты въ жизни монастырей, когда и просвѣщенные аббаты налагали руку на монастырское книгохранилище. Такъ на примѣръ, въ 1025 году знаменитый аббатъ Дижонскаго монастыря Saint — Bénigne Гильомъ продалъ часть монастырской библіотеки, чтобы на вырученныя деньги кормить бѣдняковъ во время наступившаго голода.

Въ обоихъ названныхъ каталогахъ на ряду съ книгами духовнаго содержанія встрѣчаются и классическіе писатели: Овидій, Вергилій и друг.

Монастырскія библіотеки пополнялись или перепискою книгъ, или покупкой и обмѣномъ, или пожертвованіями. Извѣстны случаи, когда владѣтельные князья и даже императоры приносили цѣнныя рукописи въ даръ тому или другому монастырю. Расширеніе монастырскаго книгохранилища считалось своего рода событіемъ, и монастырскія лѣтописи отмѣчали на страницахъ своихъ хроникъ всѣ отдѣльные случаи увеличенія монастырской библіотеки.

Чуть ли не лучшею въ Германіи была библіотека при Лоршскомъ монастырѣ. О богатствѣ ея содержанія можно

судить по сохранившемуся до нашего времени каталогу. Онъ отпечатанъ кардиналомъ Маемъ и заключаетъ въ себѣ 1,250 нумеровъ, для того времени цифру очень большую *). Всѣ книги Лоршской библіотеки распределены въ 63 отдѣлахъ. Въ первомъ перечислены великолѣпные экземпляры богослужебныхъ книгъ, писанныхъ золотомъ и красками, въ переплетахъ изъ слоновой кости. За ними слѣдуютъ проповѣди, правила монастырей, толкованія на Библію, книги по церковной и гражданской исторіи, Отцы Церкви, біографіи императоровъ, королей, преимущественно святыхъ, представители классической литературы и медицинскія сочиненія.

Филологія и исторія многимъ обязаны Лоршскому монастырю. Здѣсь были найдены пять послѣднихъ книгъ исторіи Тита Ливія, о чемъ свидѣтельствуетъ предисловіе Эразма Роттердамскаго къ тому изданію (1531 года), въ которомъ впервые были напечатаны эти книги. Тамъ же была найдена часть исторіи римскихъ императоровъ Амміана Марцеллина. Въ той же библіотекѣ находилась древнѣйшая рукопись римскаго историка Флора. Къ числу лучшихъ украшеній Лоршской библіотеки принадлежали прекрасныя рукописи римскаго поэта Вергилія Марона и средневѣковаго историка Григорія Турскаго. Изъ книгъ драгоцѣнныхъ по своей отдѣлкѣ особенно выдѣлялась рукопись, заключающая въ себѣ евангельскія повѣствованія Луки и Іоанна **). Она написана чернилами пурпурнаго цвѣта и золотомъ. Верхняя крышка переплета сдѣлана изъ слоновой кости и отличается прекрасною рѣзною работою византійскаго происхожденія ***).

*) Напр. во Франціи библіотека Карла V, заключающая въ себѣ 900 рукописей, вызывала всеобщее удивленіе.

***) Эта рукопись теперь находится въ Ватиканѣ.

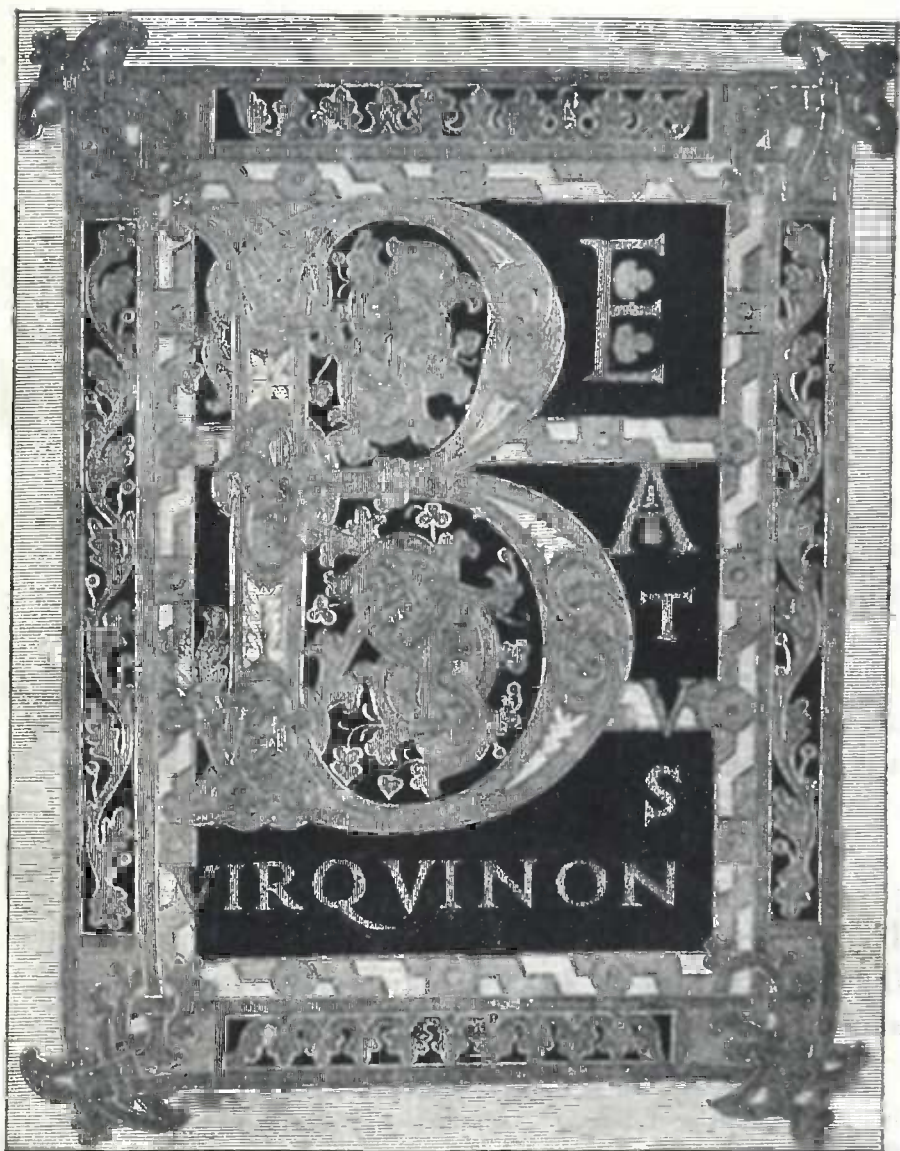
***) Посреди изображенъ Христосъ; правою рукою онъ благословляетъ, а въ лѣвой держитъ книгу; по сторонамъ его стоятъ ангелы съ посохами.

Знаменитый Сенъ-Галленскій монастырь въ VIII-мъ столѣтїи обладалъ еще немногими книгами. Первый, обнаружившій особенную заботливость объ увеличеніи монастырской бібліотеки, былъ аббатъ Готцбертъ. Его преемники слѣдовали показанному имъ примѣру. Между прочимъ, они увеличили монастырское книгохранилище, пожертвовавъ ему свои собственныя книжныя коллекціи. Тутъ были экземпляры Библии, Отцы Церкви, особенно же сочиненія Августина, Григорія, Иеронима, Исидора и Беды, историки гражданскіе и церковныя, легенды, собраніе различныхъ законовъ, какъ напр., римскихъ, аллеманскихъ, саксонскихъ и др., собранія франкскихъ капитуляріевъ, постановленія соборовъ, стихотворенія, грамматика, проповѣди, медицинскія сочиненія и около 30-ти книгъ, написанныхъ на англо-саксонскомъ нарѣчїи *). Въ числѣ книгъ, пожертвованныхъ преемниками Готцберта были произведенія Вергилія, Юлія Цезаря, біографія Карла Великаго, „о короляхъ-меровингахъ“, „о добротѣ Людовика“, „письмо Александра о положеніи Индіи“. Всѣ эти книги помѣщены въ указанномъ выше каталогѣ съ примѣчаніями. Библіотека пополнялась не очень быстро, но за то непрерывно. До нашего времени сохранились нѣкоторыя изъ лучшихъ книгъ Сенъ-Галленской бібліотеки, а именно: Евангеліе (*Evangelium longum*) и двѣ псалтири, одна *Фольхардова*, названная такъ по имени монаха Фольхарда, который написалъ ее, другая — такъ-называемая *золотая псалтирь* (*psalterium aureum*). Въ каталогахъ монастырскихъ бібліотекъ нерѣдко встрѣчаются названія: „бѣлая книга“, „черная

и свитками. Наверху парятъ два ангела, несущіе крестъ. Внизу находятся два изображенія: одно представляетъ волхвовъ у царя Ирода, а другое — поклоненіе ихъ Младенцу Іисусу.

*) Беда, Августинъ, Седулій, Ювенкъ, Боэцій и богослужебныя книги.

книга“, „волосатая книга“ и т. п. Обыкновенно эти названія объясняются матеріаломъ или цвѣтомъ переплета, иногда же и какою-либо особенностью въ написаніи.

Золотая псалтирь названа такъ или по богатому, украшенному въ изобилии золотомъ переплету, въ который она могла быть переплетена въ прежнее время (теперь

у нея безвкусный переплетъ изъ красной кожи), или по изобилію золота въ самомъ текстѣ ея: она почти вся сплошь написана золотыми буквами. Въ этомъ отношеніи она была единственной во всемъ Сень-Галленскомъ книгохранилищѣ. Книга украшена 16-ю рисунками, изъ которыхъ 9 занимаютъ цѣлую страницу, остальные же половину или треть. Рисунки изображаютъ или какое-либо событіе (изъ 1 и 2 книги Царствъ), или аллегорію, но всегда находятся въ близкой связи съ текстомъ. Въ этихъ рисункахъ встрѣчаются курьезы: такъ напр. лошади окрашены въ зеленый, пурпуровый или красный цвѣтъ; иногда лошадь выкрашена двумя красками, красною и зеленою; у человѣческихъ фигуръ волосы тѣхъ же цвѣтовъ, при чемъ концы волосъ, а также и пальцевъ позолочены, мечи у воиновъ — зеленые. Рисовальщику казалось, что такая окраска, хотя и не соотвѣтствуетъ дѣйствительности, но придаетъ изображаемымъ предметамъ извѣстную живость. Лица, костюмы, вообще обстановка — европейскія, современныя рисовальщику. Инициалы — великолѣпны; въ нихъ преобладаютъ пурпурный, зеленый и красный цвѣта и роскошная, вполне сохранившаяся до сихъ поръ, позолота *).

Въ библіотекѣ Прифлингскаго монастыря сохранился списокъ Гомера, въ Бенедиктобурманскомъ монастырѣ — Гораций, Вергилій, Саллюстій, Луканъ, Персій, Овидій, Цицеронъ и Сенека, въ Бамбергскомъ Михайловскомъ — много римскихъ поэтовъ.

*) Прилагаемый нами на стр. 173 рисунокъ изображаетъ уменьшенную букву В, начинающую псаломъ „блаженъ мужъ“ (beatus vir). Фонъ — пурпурнаго (фіолетоваго) цвѣта, вокругъ него — сквозная золотая рама, инициалъ — золотой съ красненькой каемочкой и красными же вѣточками; кое-гдѣ около внутренняго края рамы наложены зеленая и бѣлая краски; среди золотыхъ развѣтвленій инициала — также зеленая краска; всѣ прочія буквы вызолочены. Мы описываемъ по снимку (fac-simile) въ великолѣпномъ изданіи Рудольфа Рана (Rahn) „Das Psalterium aureum“, St. Gallen. 1878.

Но заслуги бенедиктинскихъ монастырей велики не только по отношенію къ классической древности, но и къ средневѣковой историографіи. Бенедиктинцы, можно сказать, были отцами ея. Ихъ бібліотеки были государственными, церковными и семейными архивами. Очень важныя извѣстія, касающіяся средневѣковой исторіи, сообщены бенедектинцами. Бенедектинецъ-бібліотекаръ, Анастасій, сообщилъ свѣдѣнія, весьма цѣнныя для исторіи папства. Оба біографа Карла Великаго были бенедиктинцы: и Эгингардъ, и неизвѣстный намъ монахъ Сень-Галленскаго монастыря *). Безъ сочиненія бенедиктинца Гильды (VI в.) о паденіи Великобританіи **) мы не имѣли бы разказа объ изгнаніи римлянъ изъ Британіи и о всѣхъ бѣдствіяхъ, послѣдовавшихъ за нимъ, безъ сочиненія Бэды Преподобнаго (VII—VIII вв.) ***)— о вторженіи англосаксовъ и древнѣйшей исторіи англійской церкви. Аббатъ Кройлендъ (Croyland ****) и Одерикъ Виталій *****) изобразили въ своихъ сочиненіяхъ полную и живую картину борьбы саксовъ съ норманнами. Вильгельмъ Мальмсбурійскій *****) основалъ цѣлую историческую школу. До самаго XII столѣтія историками Франціи были почти одни только бенедиктинцы *****).

*) De gestis Caroli Magni scriptis a quodam monacho Sancti Galli.

**) De excidio Brittanorum.

***) Historia ecclesiastica gentis Anglorum.

****) Historia Croylandensis, доведена до 1001 года.

*****) Historia ecclesiastica, доведена до 1141 года.

*****) Вильгельмъ Мальмсбурійскій, по прозванію Библіотекаръ, англійскій бенедиктинецъ XII вѣка. Его главное сочиненіе „Царственная книга или о дѣяніяхъ королей англійскихъ“ (Regalium sive de rebus gestis regum Anglorum) доведено до 1127 года. Ея продолженіемъ служить его же сочиненіе „De historia novella“, доведена до 1143 года.

*****) Есть предположеніе, что первый историкъ французскій Григорій Турскій былъ бенедиктинцемъ. Аббо изъ Сень-Жермень-де-Пре написалъ исторію царствованія Одона и подробно изобразилъ, какъ очевидецъ, осаду Парижа норманнами. Аббатъ Реймскаго монастыря во имя св. Ремигія Фло-

То же самое можно сказать и относительно Италіи *). Особенно же обязана имъ исторія Германіи **).

Огромное большинство монастырей лишились своихъ книжныхъ сокровищъ, но многіе еще обладаютъ драгоценными остатками. Заглянемъ съ однимъ французскимъ ученымъ путешественникомъ въ бібліотеку Монте-Кассинскаго монастыря. Помѣщеніе бібліотеки перестроено въ XVI вѣкѣ. Оно представляетъ обширную залу, отлично освѣщенную и уставленную прекрасными дубовыми шкафами. Въ настоящее время Монте-Кассинская бібліотека заключаетъ въ себѣ около 20,000 томовъ. Возникла она почти одновременно съ основаніемъ самой обители. Много она вынесла всякихъ невзгодъ, много понесла потерь. Навсегда утрачены, на примѣръ, рукописи, переписанныя монахами въ правленіе аббата Дезидерія и его ближайшихъ преемниковъ. Но и сохранившася до нашего времени достаточно для того, чтобы по этимъ остаткамъ судить объ ея славномъ прошломъ. Въ бібліотекѣ сохранилось, не смотря на всякія бѣдствія, до 800 грамотъ, выданныхъ монастырю императорами, папами, королями и князьями. Онѣ заключаютъ въ себѣ различ-

доардъ оставилъ послѣ себя исторію Реймской церкви и хронику французской исторіи, обнимающую большую часть X вѣка. Продолжателями его были также бенедиктинцы. Бенедиктинецъ Глаберъ написалъ хронику за періодъ времени съ восшествія на престолъ Гуго Капета до 1046 года. Гуго, аббатъ монастыря Флавины, описалъ очень обстоятельно событія XI вѣка.

*) Первые томы знаменитаго сборника Муратори (*Rerum italicarum scriptores*) заключаетъ въ себѣ почти исключительно труды бенедиктинцевъ. Особеннаго вниманія заслуживаютъ Монте-Кассинскіе бенедиктинцы: Іоаннъ Діаконъ (біографъ папы Григорія Великаго), Павелъ Варнефридъ (историкъ-лангобардовъ), Леонъ Остіійскій или Марсиканецъ и Петръ Діаконъ, его продолжатель. Исторія завоеванія Сициліи норманнами разсказана Аматою. Продолжателемъ его былъ бенедиктанецъ Малатерра.

***) Всѣ большія собранія источниковъ по исторіи Германіи, въ особенности же знаменитое собраніе Пертца, заключаютъ въ себѣ множество трудовъ монаховъ бенедиктинскаго ордена. Сдѣланныхъ нами указаній, кажется достаточно, чтобы понять великое значеніе этого ордена.

ныя права и льготы, даровавшіяся обители. Просвѣщенный человѣкъ, при одномъ видѣ этихъ грамотъ, испытываетъ чувство близкое къ благоговѣнію. „Впечатлѣніе, говоритъ нашъ авторъ, увеличивается еще болѣе, когда прикасаешься къ нимъ для изученія ихъ содержанія: кажется, что, притрогиваемся къ пыли вѣковъ. Подъ видомъ древности въ нихъ скрывается жизнь минувшихъ поколѣній. Чтобы воодушевить эти разрозненные и сухіе члены великаго тѣла исторіи, необходимо только дуновение мысли, и тотчасъ они сближаются, возрождаются снова вмѣстѣ съ людьми и эпохами, имъ современными“. Особенное вниманіе обращаютъ на себя лангобардскія грамоты, такъ какъ въ заголовкѣ каждой изъ нихъ помѣщаются миниатюры, на которыхъ изображены лангобардскіе правители посреди своихъ военныя и духовныя сановниковъ. Древнѣйшая изъ нихъ относится къ 884 году. Въ ряду папскихъ буллъ первою по времени является булла папы Захарія, сохранившаяся отъ первой половины VIII столѣтія. Кромѣ латинскихъ актовъ въ Монте-Кассинской библіотекѣ хранятся акты греческіе, свидѣтельствующіе о неусыпномъ стремленіи восточныхъ императоровъ подчинить своей власти Римъ и Италію. Изъ греческихъ рукописныхъ книгъ сохранились псалтирь и служебникъ. Зато латинскихъ рукописныхъ книгъ сохранилось много. Древнѣйшая изъ нихъ заключаетъ въ себѣ комментаріи Оригена на посланія Апостола Павла: она относится къ первой половинѣ VI вѣка. Между рукописными книгами VII и VIII столѣтій болѣе другихъ выдаются нѣкоторыя сочиненія Св. Амвросія и Св. Августина. Рядомъ съ богословскими твореніями схоластическаго направленія въ монастырской библіотекѣ находятся труды Абеяра, стремившагося построить науку на началахъ разума и ослабить церковный авторитетъ, надъ

нею тяготѣвшій. Но Монте-Кассинскія рукописи не ограничиваются исключительно богословскимъ кругомъ: среди нихъ вы найдете Юстиніановъ сводъ, Энеиду Вергилія и друг. книги свѣтскаго характера. Какъ въ другихъ монастырскихъ книгохранилищахъ, такъ и въ Монте-Кассинскомъ были рукописи, богато украшенныя миниатюрами. Въ этомъ отношеніи очень интересенъ грамматическій трудъ Рабана Мавра. Онъ украшенъ многочисленными миниатюрами, исполненными въ X вѣкѣ. Одна изъ этихъ миниатуръ изображаетъ двѣ темницы, расположенныя въ близкомъ сосѣдствѣ. Въ одной изъ нихъ полужитъ мужчина съ ногами, забитыми въ колодку (т. е. тяжелую деревянную доску съ двумя отверстіями, куда просовывались ноги узниковъ); въ другой тюрьмѣ — женщина, крѣпко привязанная веревками, прикрѣпленными къ желѣзнымъ кольцамъ; видъ ея свидѣтельствуешь о крайнемъ отчаяніи. Глубочайшее впечатлѣніе произвела на нашего автора рукопись, заключающая въ себѣ изложеніе Правила Св. Бенедикта, составленное извѣстнымъ лангобардскимъ историкомъ Павломъ Діакономъ. Вотъ въ какихъ выраженіяхъ говоритъ объ этомъ ученый путешественникъ: „произошло это спустя нѣсколько часовъ послѣ нашего прибытія, на исходѣ дня, когда солнце, склоняясь къ Гаэтскому заливу и изливая обильные лучи на западные склоны Аппенинъ, освѣщало своими косыми лучами залу, въ которую ввели насъ. Намъ казалось, какъ будто всѣ эти древнія рукописи одухотворились; какъ будто свѣтовыя волны, коснувшись ихъ, сообщили имъ жизнь и движеніе. Страхивая съ себя свою вѣковую пыль, онѣ какъ бы обнаруживали желанье раскрыть намъ тайны мыслей и чувствъ, выраженіе которыхъ сохранилось на ихъ страницахъ. Мы выбрали въ богатомъ книгохранилищѣ „Изложеніе Правила Св. Бенедикта“, со-

ставленное Павломъ Діакономъ одиннадцать вѣковъ тому назадъ; о сѣдой старинѣ его свидѣтельствуесть и самый почеркъ. Мы были охвачены чувствомъ глубочайшаго благоговѣнія, при взглядѣ на простую и строгую миниатюру, которая находится на заглавномъ листѣ рукописи и изображаетъ Св. Бенедикта, получающаго внушенія отъ ангела и вручающаго книгу Правила аббату Іоанну, который принимаетъ ее съ видомъ благоговѣйной благодарности“.

Можетъ быть, за нѣсколько столѣтій до этого, въ библиотечной залѣ Монте-Кассинскаго аббатства испытывалъ тѣ же самыя чувства, читая ту же самую рукопись, одинъ изъ обитателей знаменитаго монастыря. Та же миниатюра была передъ нимъ, тѣ же буквы, и такъ же ярко озаряло заходящее солнце своими красноватыми лучами библиотечную залу обители.

Монахи и природа.

Скажите, чья рука

Пробила здѣсь скалу, тамъ чашу прорубила?

Здѣсь лужа страшная заразою была:

Скажите, чья рука ту лужу запрудила?

Кто корни вытащилъ и пни дубовъ гигантскихъ?

Болото топкое кто въ садъ преобразилъ

И рядомъ съ флорою Европы насадилъ

Растеній Азіи, растеній африканскихъ?

Благочестивыхъ иноковъ рука

Все это сдѣлала *).

Такими словами характеризуетъ нѣмецкій поэтъ дѣятельность бенедиктинскихъ иноковъ. И дѣйствительно,

*) Нашъ переводъ изъ Гердера.

многимъ обязана Западная Европа бенедиктинцамъ. Они шли во всѣ концы ея, шли вооруженные лишь сознаниемъ своего небеснаго посланничества: тѣ знанія и орудія, которыми обладаютъ современные піонеры, не были въ ихъ распоряженіи. Смѣло шли они въ Британію, Галлію, Германію, позднѣе — въ Скандинавію, преодолевая всѣ преграды, которыхъ ставила на ихъ пути природа. Бенедиктинецъ заходилъ на снѣжныя вершины Альпъ и устраивалъ здѣсь свою гостепріимную келью. На крутыхъ берегахъ Бретани, на скалистыхъ Гебридахъ установилъ онъ первые маяки: пловцы, утомленные бурями, устремлялись къ яркимъ огнямъ и согрѣвались въ гостепріимныхъ монашескихъ кельяхъ. Бенедиктинцы исходили всю Западную Европу, отъ Гибралтарскаго пролива до залива Ботническаго, отъ крайнихъ оконечностей Шотландіи до устьевъ Дуная.

Западная Европа была сильно опустошена въ эпоху великаго переселенія народовъ. Многіе города были разрушены, и только развалины указывали на тѣ мѣста, гдѣ раньше кипѣли жизнь и дѣятельность. Непріятельскій мечъ и грозныя спутницы его — эпидемическія болѣзни — погубили много народа. Когда-то человѣкъ побѣдилъ природу; теперь природа снова стала брать верхъ надъ человѣкомъ, надъ культурой: снова поднялись густые лѣса тамъ, гдѣ человѣкъ когда-то уничтожилъ ихъ. Многіе владѣльцы отказывались отъ своей собственности, превратившейся въ пустыню. Въ такія-то запущенныя, заброшенныя мѣста и даже въ мѣста, недоступныя до того времени, приходили бенедиктинскіе монахи.

Сперва въ дикую, пустынную мѣстность являлись не всѣ иноки той или другой обители, основывавшей свою колонію, а только посланные, которымъ было

поручено выбрать подходящее мѣсто. Мѣсто найдено. Раздается торжественное пѣніе псалма тамъ, гдѣ до того времени шумѣли лѣса и потоки, да птицы небес-

ныя пѣли свои беззаботныя пѣсни. Въ центрѣ предполагаемаго поселенія намѣчается церковная площадка, на мѣстѣ алтаря сооружается простой деревянный крестъ.

На первыхъ порахъ месса служится подъ навѣсомъ изъ древесныхъ вѣтвей. Понемногу переселяются сюда монахи-колонисты, строятъ храмы и кельи, и колонія начинаетъ свое существованіе.

Бенедиктинцы умѣли выбирать мѣста для своихъ поселеній: любовь къ природѣ руководила ими. Ихъ монастыри, по выраженію одного протестантскаго писателя, ставились на возвышеніяхъ, какъ свѣточки на подсвѣчникахъ.

Переселившись въ то или другое мѣсто, иноки принимались за работу: падали вѣковыя деревья, на мѣстѣ ихъ возникала пашня. Неудачи не уменьшали ихъ усердія, нападенія враговъ не страшили ихъ. Аббаты и вообще монастырскіе начальники были первыми въ полѣ и своимъ трудолюбіемъ подавали примѣръ братіи. Про Бенедикта Аніанскаго, министра и совѣтника франкскихъ королей, жившаго въ IX вѣкѣ, хроника говоритъ, что онъ „съ пашущими самъ пахалъ, рылъ землю вмѣстѣ съ другими и жалъ со жнецами“ *). Въ діалогахъ Св. Григорія Двоеслова есть прекрасный разсказъ объ Эквиціѣ, настоятелѣ монастыря въ области Валерійской **). Въ виду его своеобразной прелести мы познакомимся съ нимъ подробнѣе. У Эквиціи было много враговъ, были враги и въ римской куріи, около папы; породили ихъ зависть и злоба. И стали враги наговаривать папѣ на Св. Эквицію. „Вотъ — говорили они, — святѣйшій отче, какой-то челоувѣкъ, лишенный всякаго образованія, незаконно присвоилъ себѣ право проповѣди, неученый предвосхитилъ обязанность, принадлежащую собственно твоему святѣйшеству. Не угодно ли будетъ тебѣ послать за нимъ, привести сюда

*) Cum arantibus ipse arabat, cum fodientibus socius erat, cum messoribus metebat.

***) Св. Григорій Двоесловъ. Собесѣдованія, I, 4.

и внушить ему понятіе о порядкѣ церковномъ?“ Папа согласился съ предложеніемъ окружающихъ его клирикомъ и отправилъ за Эквиціемъ дефензора Юліана *).

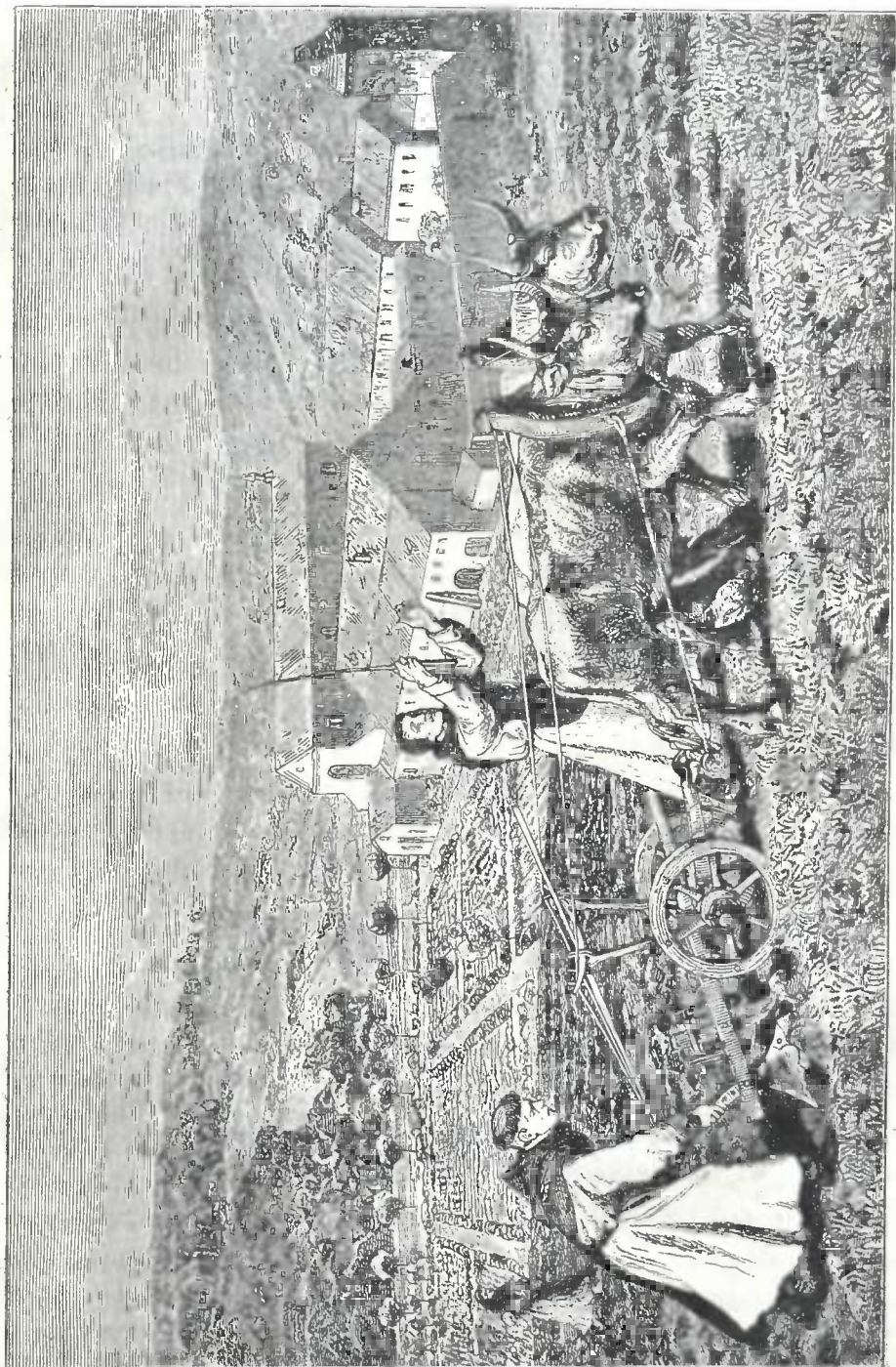
Послѣдній, побуждаемый врагами Эквиція, отправился поспѣшно въ путь и скоро прибылъ въ монастырь. Здѣсь онъ нашелъ нѣкоторыхъ иноковъ, занимавшихся списываніемъ книгъ, и спросилъ ихъ: „гдѣ вашъ настоятель?“ (Св. Эквиція не было дома).— Вотъ недалеко, на монастырскихъ лугахъ косить сѣно, — отвѣчали иноки. Съ Юліаномъ былъ прислужникъ, очень гордый и дерзкій, котораго самъ онъ едва могъ обуздывать. Юліанъ послалъ его поскорѣе привести къ себѣ настоятеля. Прислужникъ отправился, проворно дошелъ до луговъ и, обратившись ко всѣмъ, косившимъ сѣно, грубо спросилъ: „гдѣ Эквицій?“ Ему указали; увидѣвъ настоятеля еще издали, прислужникъ впалъ въ необыкновенный страхъ: дрожа и трепеща, онъ едва могъ итти. Съ трепетомъ приблизился онъ къ человѣку Божію, повергся передъ нимъ и, смиренно обнимая колѣна его, возвѣстилъ о приходѣ своего господина. Послѣ привѣтствія, угодникъ Божій сказалъ ему: „вотъ возьми свѣжаго сѣна и отнеси на кормъ конямъ, на которыхъ вы пріѣхали; я же, немного погодя, окончивъ свое дѣло, приду вслѣдъ за тобой“. Между тѣмъ посланникъ папы, дефензоръ Юліанъ много дивился: отчего слуга его не идетъ такъ долго? Какъ же скоро онъ увидѣлъ, что слуга возвращается съ луговъ со связкою сѣна за плечами, въ сильномъ гнѣвѣ началъ кричать на него: «что это значить? Я тебя посылалъ привести ко мнѣ настоятеля, а не

*) Дефензоры должны были заботиться о призрѣніи бѣдныхъ и охранять интересы римской церкви. Папы нерѣдко посылали ихъ съ различными порученіями.

сѣно косить“. — Онъ сейчасъ придетъ, — отвѣчалъ прислужникъ. Между тѣмъ, и человекъ Божій, одѣвшись и возложивъ на свои рамена связку сѣна, пошелъ въ монастырь. Когда онъ былъ еще вдали, слуга указаль своему господину, что это — тотъ самый человекъ, за которымъ они посланы. Юліанъ, какъ скоро увидѣлъ угодника Божія, то по его униженному виду приготовился и заговорить съ нимъ, т. е. строго и повелительно. Но едва угодникъ Божій приблизился, какъ сердцемъ Юліана овладѣла необыкновенная робость, такъ что онъ дрожалъ всѣмъ тѣломъ и едва былъ въ состояніи передать святому о причинѣ своего пріѣзда“. Впрочемъ, поѣздки въ Римъ не состоялось, такъ какъ второй посолъ папы, отправленный вслѣдъ за первымъ, просиль Св. Эквиція не беспокоиться и не ѣхать въ Римъ.

Изъ иноковъ, особенно много поработавшихъ плугомъ, отличался въ Галліи Теодульфъ. Онъ поселился въ одномъ монастырѣ, расположенномъ недалеко отъ Реймса, и немедленно же заявилъ о своемъ желаніи работать. Ему дали двухъ рабочихъ воловъ и плугъ. Онъ работалъ съ ними цѣлыхъ 22 года. Многіе подозрѣвали его въ безуміи: онъ былъ очень знатнаго происхожденія и могъ бы жить въ полномъ довольствѣ, а между тѣмъ избралъ себѣ такой тяжелый трудъ, безъ всякаго сторонняго побужденія къ нему. Работалъ онъ неумоимо: пока волы отдыхали, онъ принимался за мотыку или лопату. Этотъ непрерывный трудъ — по словамъ легенды — нисколько не мѣшалъ ему посѣщать всенощныя богослуженія. Когда этотъ замѣчательный труженикъ былъ избранъ аббатомъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на развитіе ручного труда въ своей обители и легко способствовалъ ея благосостоянію. Своими трудами онъ заслужилъ общее уваженіе. Крестьяне, послѣ его

Пашу щіє инюк.

смерти, повѣсили принадлежавшій ему плугъ въ церкви и почитали его за святыню *)).

Благодаря такому усердію аббатовъ и братіи, мѣста, занимаемая монахами, съ теченіемъ времени превращались въ цвѣтуція колоніи. Одинъ средневѣковой писатель **) , говоря объ извѣстномъ ему монастырѣ, сравниваетъ его съ раемъ. „Изъ болотъ, говоритъ онъ, поднялись безчисленныя стройныя деревья, вершины которыхъ, колеблясь въ небесной синевѣ, какъ бы устремляются къ звѣздамъ. Взоръ въ восхищеніи блуждаетъ вокругъ по волнующемуся океану зеленѣющихъ нивъ... Нѣтъ ни одной глыбы, которая осталась бы невоздѣланной, фруктовыя деревья осѣняютъ мѣстность, виноградныя лозы то выются у самой земли, то взбѣгаютъ вверхъ по высокимъ изгородямъ. Здѣсь постоянно соперничаютъ природа и разумное прилежаніе; то, что замедляетъ принести природа, прилежаніе вынуждаетъ у нея силою. Широкая, дорогая пустыня! Богъ далъ тебя инокамъ для того, чтобы ихъ земное существованіе съ каждымъ днемъ приближалось къ небесному“.

Къ оазисамъ, воздѣланнымъ монахами, естественно приливалось населеніе. И монастырь, и населеніе нуждались другъ въ другѣ. Лучше всего можно видѣть изъ разсказа Бенедиктобуранской хроники о дѣятельности мѣстнаго аббата Альберта, относящейся къ двумъ послѣднимъ десятилѣтіямъ XII вѣка. Въ 1185 году монахи принялись за рубку дремучаго первобытнаго лѣса. Прилившее къ монастырю населеніе стало помогать имъ. Отлично сознавая цѣну подобной помощи, аббатъ раз-

*) „Я думаю — говорилъ Монталамберъ, повѣствующій объ этомъ. — что я самъ пощлдовалъ бы этотъ плугъ такъ же охотно, какъ мечъ Карла Великаго или перо Боссюэта“.

**) Вильгельмъ Мальмсбурійскій.

рѣшилъ рабочимъ употреблять часть лѣса на свои нужды: онъ рекомендовалъ имъ строить хижины и окружать ихъ садами, цвѣтниками и огородами. При этомъ монастырь выдавалъ рабочимъ необходимыя для разводки сѣмена. Желая закрѣпить прилившее къ монастырю населеніе, аббатъ дарилъ имъ коровъ и овецъ, выдавалъ изъ монастырскихъ амбаровъ хлѣбныя зерна. Съ разрѣшенія монастыря поселяне разрабатывали всю окрестность, превращали еще необработанныя мѣста въ луга и пашни. Способствуя дальнѣйшему развитію благосостоянія, аббатъ построилъ на монастырскія деньги хлѣбную и пильную мельницы, постоянный дворъ и всячески содѣйствовалъ проведенію дорогъ. Между землями монастырскими и сельскими была проведена точная граница. Чтобы пощадить лѣса, принадлежавшія поселянамъ, монастырь разрѣшилъ имъ рубить для своихъ надобностей деревья изъ богатаго монастырскаго лѣса. Взамѣнъ всего этого, населеніе, прилившее къ монастырю, и развившее свое благосостояніе съ его помощью и при его постоянномъ руководствѣ, несло небольшой оброкъ и исполняло умѣренную барщину. Оброкъ рѣдко платили деньгами. Монастырь охотно сдавалъ свои земли въ арендное пользованіе, обязывая арендаторовъ поставлять монастырю известное количество выдѣланныхъ воловьихъ шкуръ*), посуду, бочки и тому подобные предметы. Жители Рейнскаго берега обязывались нести судовую службу т. е. обязывались перевозить монастырскіе товары на судахъ. Болѣе тяжелыми обязанностями были: обработка земли и доставленіе подводъ для монастыря. Но, вообще, на монастырскихъ земляхъ жилось несравненно легче, чѣмъ на земляхъ свѣтскихъ владѣльцевъ. До настоящаго

*) Одинъ арендаторъ платилъ Лоршскому монастырю 40 воловьихъ шкуръ ежегодно.

времени сохранилась у нѣмцевъ историческая пословица: подъ пастырскимъ жезломъ живетъ хорошо (*unter Krummstab ist gut wohnen*). Въ Бенедиктобуранскомъ округѣ поселяне приносили первые плоды въ монастырь и праздновали тамъ жатву. Въ той же области сохранился до настоящаго времени обычай, указывающій, повидимому, на высокое значеніе монастыря въ развитіи мѣстнаго земледѣлія. Въ праздничные дни окрестные жители, отправляясь въ монастырь, украшаютъ себя цвѣтами: у мужчинъ цвѣты на шляпахъ, у женщинъ — на груди. Невольно вспоминается при этомъ, что первые цвѣты въ садикахъ мѣстныхъ обывателей были выращены изъ монастырскихъ сѣмянъ.

Въ монастыряхъ разводились фруктовые сады, огороды и сады съ лѣкарственными растеніями. Въ Бретани цѣлые фруктовые сады насадилъ монахъ Телео въ сотрудничествѣ со Св. Самсономъ. Онъ ввелъ тамъ въ употребленіе лучшіе сорта яблонь. До него въ Бретани, кажется, совершенно не было яблонь. Долгое время послѣ смерти Телео и Самсона разведенные ими яблочныя сады назывались ихъ именами. Въ настоящее время Бретань славится своими яблоками, а яблочный сидръ сдѣлался національнымъ напиткомъ. Кромѣ яблонь бенедиктинцы разводили груши, сливы, садили рябину, каштановыя, орѣховыя и миндальныя деревья. Въ Германіи персики и абрикосы стали разводиться впервые въ бенедиктинскихъ монастыряхъ. Бѣлыя лиліи и махровыя розы, культивировавшіяся съ большою любовью въ Римѣ, появились въ Германіи только благодаря бенедиктинцамъ. Французскіе садовники до сихъ поръ считаютъ своимъ покровителемъ бенедиктинца Св. Фіакра. Это былъ ирландскій монахъ. Прибывъ во Францію, онъ просилъ у епископа г. Мо позволенія расчистить лежавшій вблизи

города и принадлежавшій епископу лѣсъ. Цѣлью его было развести огородъ и сажать въ немъ овощи для бѣдныхъ странниковъ. Епископъ разрѣшилъ ему вырубить такое пространство, которое онъ можетъ окружить ровомъ въ теченіе дневной работы. Ровъ дѣйствительно былъ проведенъ, и мѣстное населеніе долго показывало его всѣмъ заѣзжимъ. Народъ дивился плодотворной и скорой работѣ святого, и удивленье это сказалось въ сложившейся въ его средѣ легендѣ. Св. Фіакръ, намѣтивъ предварительно желаемое пространство, сталъ обходить его съ посохомъ въ рукѣ и проводилъ этимъ посохомъ борозду. Чудо не ограничилось только этимъ; деревья, при прохожденіи святого, сами падали направо и налево. Само небо, такимъ образомъ, помогало ему. То же удивленіе сказалось, по мнѣнію Монталамбера, и въ легендѣ о Св. Калэ и найденномъ имъ кладѣ, который слѣдуетъ понимать въ переносномъ смыслѣ, разумѣя подъ кладомъ богатые результаты работы. Врядъ ли, однако, необходимо прибѣгать къ такому объясненію. Въ тѣ времена мирному населенію грозили внезапныя варварскія нашествія. Опасаясь ихъ, не желая лишиться своего сокровища, обладатель зарывалъ его въ землю. Многіе изъ такихъ кладовъ, по различнымъ причинамъ, такъ и оставались зарытыми, и монахи, разрывавшіе землю, легко могли находить ихъ.

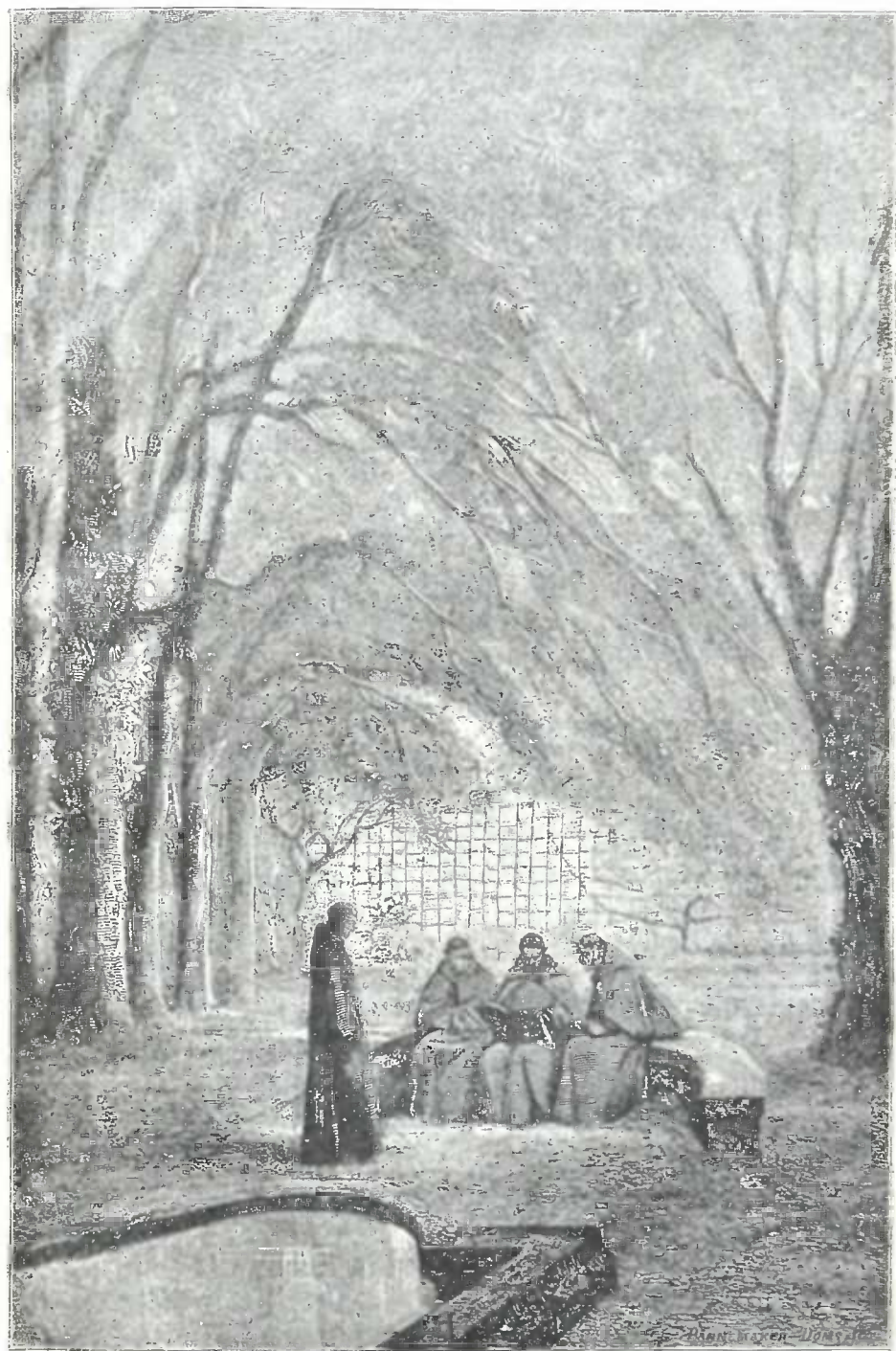
На сохранившемся до нашего времени планѣ Сенъ-Галленскаго монастыря (см. очеркъ „Монастырская школа“) отмѣченъ огородъ, расположенный между садомъ и птичьимъ дворомъ. Онъ представляетъ продолговатый четырехугольникъ съ 18-ю грядами. На нихъ росли, какъ показываютъ сдѣланные на грядахъ надписи, различные овощи. Все это наши старые знакомые, между которыми не упоминаются, впрочемъ, огурцы. Около огорода по-

мѣщалось жилище садовника (mansio hortolani): посреди двора стоитъ домъ: въ немъ — комната съ печью, предназначавшаяся для самаго садовника, двѣ спальни для его помощниковъ (cubilia famulorum), помѣщеніе для сохраненія заступовъ, мотыкъ и другихъ желѣзныхъ инструментовъ, а также и сѣмянъ овощей. Къ домику пристроено крылечко.

Въ діалогахъ Св. Григорія Двоеслова есть легенда о садовникѣ Фундисскаго монастыря, рисующаго живую картину изъ той области монастырскаго быта, которая интересуется насъ въ настоящемъ очеркѣ *). „Въ Фундисскомъ монастырѣ былъ одинъ инокъ, по занятію садовникъ, человекъ высокой жизни. Въ садъ къ нему привыкъ ходить воръ. Перелѣзая черезъ ограду, онъ тайно уносилъ овощи. Садовникъ скоро замѣтилъ, что садилъ онъ овощей много, но осталось очень мало; иное было потоптано, другое порвано. Обойдя весь садъ, онъ, наконецъ, открылъ и мѣсто, которымъ обыкновенно воръ пробирался въ садъ. Когда послѣ этого онъ опять шелъ черезъ садъ, то увидѣлъ змѣю и сказалъ ей повелительно: „ползи за мной“ и, подошедши къ мѣсту, которымъ проходилъ воръ, сказалъ змѣѣ также повелительно: „именемъ Иисуса Христа повелѣваю тебѣ беречь этотъ проходъ и не позволять вору проникать въ садъ“. Тогда змѣя легла поперекъ дороги, а инокъ возвратился въ свою келью. Въ полдень, когда вся братія отдыхала, приходитъ, по своему обыкновенію, воръ и начинаетъ перелѣзать черезъ ограду; но лишь только онъ перенесъ ногу въ садъ, вдругъ видитъ, что дорогу преградила ему змѣя. Воръ, сильно испугавшись, опрокинулся назадъ, но нога его увязла въ кольяхъ плетня, и въ этомъ

*) Св. Григорій Двоесловъ. Собесѣдованія, I, 3.

Средневъковой монастырскій салъ.

положеніи, съ закинутой назадъ головою, онъ пребылъ до прихода садовника. Въ урочный часъ приходитъ садовникъ, видитъ, что воръ повисъ на оградѣ, и говоритъ змѣѣ: „благодарю Бога, ты исполнила, что было приказано тебѣ, теперь удались“. Змѣя скрылась. Тогда садовникъ, обратившись къ вору, сказалъ: „что, братъ? Богъ предалъ тебя въ мои руки. Какъ ты дерзнулъ столько разъ похищать труды рукъ иноческихъ?“ Послѣ этихъ словъ, садовникъ освободилъ увязшую ногу вора, спокойно снялъ его съ ограды и пригласилъ итти за собой. Съ большимъ удовольствіемъ надѣливъ вора овощами, которые тотъ обыкновенно кралъ, садовникъ, довелъ его до воротъ сада и сказалъ: „ступай и послѣ этого не воруй, а когда будешь нуждаться, лучше приходи сюда ко мнѣ; я охотно буду тебѣ давать то, что ты доселѣ приобрѣталъ грѣхомъ“.

Кромѣ фруктовыхъ деревьевъ и овощей, монахи разводили еще лѣкарственныя травы, цѣлительныя силы которыхъ были имъ извѣстны. Подобно прочимъ научнымъ предметамъ, медицина также нашла себѣ безопасное убѣжище за стѣнами монастырей. Средневѣковые медики слѣдовали, главнымъ образомъ, Клавдію Галену, умершему въ Римѣ въ 200 г. по Р. Хр. Впрочемъ, нѣкотораго развитія начинаетъ достигать медицина только съ X вѣка. А въ слѣдующемъ столѣтіи въ монастыряхъ появляются медицинскія знаменитости. Къ таковымъ принадлежитъ монахъ Монте-Кассинской обители, Константинъ Африканецъ, хорошо знавшій не только Иппократа и Галена, но и арабовъ. Еще задолго до этого бенедиктинцы стремились облегчить человѣческія страданія, а съ этой цѣлью и разводили аптекарскіе сады. Описаніе такого сада въ Рейхенаускомъ монастырѣ сохранилось до настоящаго времени и принадлежитъ перу аббата назван-

наго монастыря Валафрида Страбона, жившаго до половины IX вѣка. Монастырскій садъ описанъ имъ совершенно прозаически въ стихотвореніи подъ заглавіемъ „садикъ“ (hortulus). Въ стихотвореніи этомъ *) перечисляются различные виды растений (шалфѣй, укропъ, мята и т. под.) и цѣлебныя свойства ихъ. Такъ, напр., укропъ показанъ, какъ полезное средство при болѣзни глазъ, какъ средство желудочное и останавливающее кашель. Растенія, описанныя Страбономъ, находились и въ саду Сень-Галленскаго монастыря. Въ XII вѣкѣ одинъ изъ помѣстныхъ соборовъ (въ Реймсѣ) запретилъ монахамъ заниматься медициной, а въ слѣдующемъ столѣтіи она вышла совершенно изъ за монастырскихъ стѣнъ. Но, конечно, къ лучшей порѣ ея пребыванія въ монастыряхъ относится слѣдующій рассказъ объ одномъ инокѣ-врачѣ, проживавшемъ въ глуши Пуату. Какъ-то разболѣлся аквитанскій герцогъ и послалъ за инокомъ-врачемъ. Последній явился на зовъ, поставилъ прекрасный діагнозъ, который сдѣлалъ бы честь иному современному врачу, и вылѣчилъ больного герцога. Не желая оставаться въ долгу передъ своимъ докторомъ, герцогъ Гильомъ спросилъ у него, чего онъ желаетъ въ награду? „Немногого — отвѣчалъ смиренный инокъ, — прикажите урѣзать въ мою пользу уголокъ земли отъ вашего огромнаго лѣса въ Мелльзэ, чтобы я могъ построить тамъ капеллу въ честь Св. Дѣвы, Матери Христа“. Герцогъ исполнилъ просьбу инока. Въ лѣсу, среди прогалины, была построена капелла, а при ней поселился врачъ-инокъ съ нѣсколькими своими товарищами. Поселившись здѣсь, онъ продолжалъ заниматься лѣченьемъ. Разъ позвали его на

*) Назвать его идилліей, а тѣмъ болѣе „предестной“ (das reizende Gärtchen) нѣтъ никакой возможности, хотя такъ и называется его *Baechtold* въ своей „Geschichte der deutschen Literatur in der Schweiz“, Frauenfeld, 1892.

помощь къ одному знатному человѣку, который жилъ далеко отъ его капеллы. Врачъ-инокъ отправился къ больному, прибылъ въ мѣстожительство его, началъ его пользоваться, но вдругъ самъ подвергся внезапному и сильному заболѣванью. „Скорѣе — говоритъ онъ своему слугѣ — постарайся истолочь вотъ этотъ лѣкарственный составъ, примѣшай къ нему вотъ этого соку и сахару, и отправимся въ дорогу. Я чувствую, что Господь призываетъ меня къ себѣ, но я не хочу умереть, не повидавши еще разъ капеллы, въ которой я служилъ Ему на землѣ“. Путники отправились. Дорога предстояла трудная; приходилось проходить цѣлые лѣса. Силы начинали покидать врача, но онъ принимаетъ тогда приготовленнаго лѣкарства и съ новой бодростью пускается въ дальнѣйшій путь. Однако, ему все хуже и хуже. Но, что это? Издали донесся какой-то звукъ, звукъ колокола. Онъ узнаетъ его: то—колоколь родной капеллы. Вотъ онъ, хотя и смутно, различаетъ знакомый фасадъ. Наконецъ, онъ коснулся совсѣмъ ослабѣвшими ногами ея порога. „Выройте мнѣ могилу, — говоритъ онъ своимъ товарищамъ—человѣческія средства теперь не помогутъ: приобщите меня“... Его просьба была исполнена. Послѣ этого онъ скончался. Типъ врача-инока стоитъ передъ нами, какъ живой; онъ не сочиненъ, а прямо выхваченъ изъ жизни. Недаромъ разводились въ монастыряхъ лѣкарственные травы: монахи выращивали ихъ на пользу страждущимъ.

Кромѣ поименованныхъ выше фруктовыхъ деревьевъ, овощей, лѣкарственныхъ растений, монахи усердно разводили виноградъ. Они засаживали виноградомъ все возвышеніе, на которомъ стоялъ ихъ монастырь. Изъ получаемаго въ изобиліи винограда они готовили вина: самая знаменитая виномъ страна, прирейнская, обязана

своею славой двумъ бенедектинскимъ монастырямъ: Johannisberg и Eberbach. Разумѣется, виноградъ не могъ разводиться повсюду съ одинаковымъ успѣхомъ. Гдѣ нельзя было заниматься винодѣліемъ, монахи находили себѣ другое полезное занятіе, какъ напр., пчеловодство. Въ такихъ случаяхъ монастыри могли мѣняться продуктами своѣй дѣятельности такъ же, какъ они мѣнялись рукописями (см. очеркъ „Монахи и рукописи“).

Слѣдующая бретонская легенда, очевидно, заключаетъ въ основѣ своей дѣйствительный фактъ. Разъ аббатъ Дольскій и епископъ Парижскій бесѣдовали о своихъ монастыряхъ. Св. Самсонъ хвалилъ хозяйственныя способности своихъ монаховъ и указалъ на успѣхи, которыхъ достигли они въ пчеловодствѣ: кромѣ огромнаго количества меду, они получаютъ еще столько воску, что не могутъ израсходовать его въ теченіе года. Между тѣмъ, почва ихъ страны совсѣмъ неблагоприятна для разведенія винограда, и они ощущаютъ большой недостатокъ въ винѣ. „Мы—сказалъ на это С. Жермень, напротивъ того, богаты виноградомъ, и вина у насъ больше, чѣмъ нужно монастырю, но намъ приходится покупать весь воскъ для церкви. Если вамъ угодно, мы будемъ давать вамъ ежегодно десятую часть изготовляемаго у насъ вина, а вы доставляйте намъ воскъ въ такомъ количествѣ, въ какомъ необходимо имѣть его для освѣщенія церкви“.

Преимущественно рыбный монастырскій столъ побуждалъ монаховъ къ рыболовству и разведенію рыбъ.

Но не слѣдуетъ представлять себѣ, что всѣ отношенія монаховъ къ природѣ ограничивались только извлеченіемъ изъ нея извѣстной пользы. Будучи въ такихъ близкихъ сношеніяхъ съ природой, монахи не могли не полюбить ея, не могли не замѣтить ея безсмертныхъ красотъ. Монахи, которые не любовались распутивши-

мися розами или бѣлыми лиліями, которыхъ не трогаль аромать цвѣтовъ, которымъ ничего не говорили небесныя звѣзды, небесныя птицы, конечно, представляли исключеніе.

Въ молитвахъ, составленныхъ монахами, Богоматерь нерѣдко сравнивается съ лиліей и розой:

Радуйся, лилія рай!
 Радуйся, роза чудесная!
 Радуйся, Матерь Земная,
 Вышнимъ Царица Небесная! *)

Въ монастырскихъ легендахъ сохранилось безчисленное множество разказовъ, подтверждающихъ высказанную мысль. Не говоритъ ли о горячей любви къ природѣ (въ обширномъ смыслѣ слова) слѣдующій прелестный разказъ? Разъ знаменитый проповѣдникъ Валарикъ совершалъ свою скромную трапезу на открытомъ воздухѣ. По обыкновенію, къ нему налетѣли со всѣхъ сторонъ жаворонки и начали расхватывать бросаемаыя имъ крошки хлѣба. Они привыкли къ Валарику, не боялись его, позволяли ему гладить ихъ мягкія перышки. Залюбовавшись этимъ прекраснымъ зрѣлищемъ, ученики Валарика стали приближаться къ нему и приближеніемъ своимъ произвели смятеніе среди пернатыхъ гостей. „Дѣти мои!“ сказалъ, обращаясь къ ученикамъ своимъ, Валарикъ, и знакомъ руки приглашая ихъ отойти подальше—не пугайте моихъ маленькихъ друзей, не причиняйте имъ зла: пусть насыщаются они нашими крохами!“ Интересна слѣдующая легенда. Бретонскій графъ,

*) Ave, coeleste lilium!
 Ave, rosa speciosa!
 Ave, mater humilium,
 Superis imperiosa!

вылѣченный однимъ монахомъ отъ проказы, подарилъ ему половину своего огромнаго владѣнія, расположеннаго на самомъ морскомъ берегу. Когда явился монахъ, чтобы принять указанную часть земли въ свое владѣніе, всѣ птицы, жившія въ графскихъ лѣсахъ, слетѣлись въ ту половину помѣстья, которая была отдана иноку. Всѣ рыбы, жившія въ прилегающей части моря, приплыли къ его берегамъ, какъ будто не желая имѣть своимъ господиномъ никого другого, кромѣ монаха, горячо любившаго природу. Опечалился графъ, особенно опечалилась его супруга. И торѣшили они помѣняться частями помѣстья съ монахомъ: отдали ему свою часть, а его часть взяли себѣ. Тогда рыбы и птицы переселились въ ту часть, которую графъ промѣнялъ монаху, и на которой уже возникнулъ монастырь. — Природа сочувствуетъ монахамъ, повинуется имъ; даже бездушные предметы оживляются для нихъ. По ихъ желанію, море отступаетъ отъ берега на четыре тысячи шаговъ, булыжники вырастаютъ въ скалы. У Полонскаго есть прекрасное стихотвореніе подъ заглавіемъ „Бѣда-проповѣдникъ“, какъ бы навѣянное средневѣковыми монастырскими легендами. Оно можетъ служить превосходной иллюстраціей къ нашимъ словамъ. Ослѣпшій Бѣда не палъ духомъ: въ груди его горѣлъ прежній огонь. Руководимый мальчикомъ, онъ продолжалъ ходить изъ вѣси въ вѣсь, проповѣдуя Христову вѣру.

Былъ вечеръ. Въ одеждѣ, измятой вѣтрами,
 Пустынной тропою шель Бѣда слѣпой;
 На мальчика онъ опирался рукой,
 По камнямъ ступая босыми ногами.
 И было все глухо и дико кругомъ;
 Одрѣ только сосны росли вѣковыя,
 Одрѣ только скалы торчали сѣдыя,
 Косматымъ и влажнымъ одѣтыя мхомъ.

Захотѣлъ ли провожавшій Бѣду мальчикъ посмѣяться надъ нимъ или полакомиться свѣжими ягодами, только онъ сказалъ ему:

„Я пойду отдохнуть,

А ты, если хочешь, начни проповѣдать—

Съ вершинъ увидали тебя пастухи;

Какіе-то старцы стоятъ на дорогѣ;

Вонъ, жены съ дѣтьми! говори имъ о Богѣ,

О Сынѣ, распятомъ за наши грѣхи“.

Бѣда повѣрилъ, воодушевился и началъ говорить; онъ говорилъ, воображая передъ собою народныя толпы...

Но вотъ ужъ сгорѣла заря золотая,

И мѣсяца лучъ блѣдный въ горы проникъ;

Въ ущелье повѣяла сырость ночная...

И вотъ, проповѣдуя, слышитъ старикъ,

Зоветъ его мальчикъ, смѣясь и толкая:

„Довольно, пойдемъ! Никого уже нѣтъ“...

Замолкъ грустно старецъ, главой поникая;

Но только замолкъ онъ — отъ края до края:

Аминь! ему грянули камни въ отвѣтъ.

Любя цвѣты и, вообще, растительность, монахи засаживали ими ннутренніе монастырскіе дворы. Вокругъ такихъ дворовъ строились обыкновенно портики или крытыя галереи, иногда совершенно глухія, окруженныя стѣнами, съ дугообразными окнами и дверьми, выходящими во внутреннюю сторону двора, иногда же открытыя, отдѣляемая отъ двора лишь колоннами и баллюстрадой *). Такіе портики были любимыми мѣстами прогулокъ въ часы отдыха. Они были прекрасны днемъ, когда солнечные лучи врываются въ окна и рисовали ихъ рѣзкія изображенія на каменномъ полу или отпечатывали движущіяся тѣни вѣтвей кустарника, листьевъ виноградной

*) Прилагаемый на стр. 199 рисунокъ изображаетъ портикъ и внутренній дворъ въ аббатствѣ Moissac въ Гиеннѣ (Guyenne), XII вѣка.

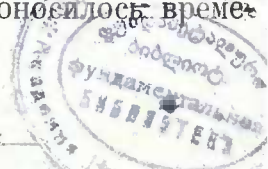

лозы или плюща. Они были прекрасны позднимъ вечеромъ, когда загоралась въ синемъ небѣ вечерняя звѣзда, въ воздухѣ неслись прохлада и ароматы цвѣтовъ, изъ

за монастырской башни выглядывалъ серебряный полумѣсяцъ, а изъ монастырскихъ стоекъ доносилось времянами протяжное мычаніе воловъ.

— ✕ — КОНЕЦЪ. — ✕ —

Оглавленіе.

	СТР.
Предисловія.	
Св. Бенедиктъ Нурсійскій.	1
Правило жизни монашеской	25
Монте-Кассино.	42
Легенда о Тассилонѣ	68
Монастырская школа	77
Школьная жизнь	111
Монахи и рукописи	129
Въ женской обители	147
Беатриса.	159
Среди книгъ	167
Монахи и природа	179

ТОГО ЖЕ АВТОРА

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

1) Средневѣковой замокъ и его обитатели. Изд. 2-е, дополненное, съ 37-ю рисунками. Содержаніе: Предисловіе къ 1-му изд. — Предисловіе ко 2-му изд. — Внѣшній видъ замка. — Посвященіе въ рыцари. — Внутренность замка. — Пиръ. — Охота на кабана. — Рыцарское вооруженіе. — Турниръ. — Судебные поединки. — Среди семьи. — Именемъ фазана. — Заключение. Ц. 75 к.

2) Средневѣковой городъ и его обитатели. Изд. 2-е, дополненное, съ 22 рисунками. Содержаніе: Предисловіе къ 1-му изд. — Предисловіе ко 2-му изд. — Городъ спитъ. — Городъ пробудился. — Городской совѣтъ. — Бюргерскій домъ. — Свадьба. — Цехи. — Самобичевальщики-флагелланты. — Городскія увеселенія. — Волшебство и тайная философія. — Списокъ рисунковъ. Ц. 75 к.

3) Средневѣковая деревня и ея обитатели. Съ 30-ю рисунками. Содержаніе: Предисловіе. — На развалинахъ Рима. — Рабочій день въ деревнѣ. — Воскресенье въ деревнѣ. — Изъ эпохи Жакеріянская свадьба. — Исторія Гельмбрехта. — Деревенскіе п Фландрскій графъ и крестьянинъ. (средневѣковая леген

2 K 32

4) Трубадуры, труверы и миннезэнгеры. Съ 43 рисунками. Содержаніе: Предисловіе. — Трубадуры и жонглеры — Борнъ. — Менестрель Богоматери (средневѣковая легенда). — Труверы и поэзія ихъ. — Пѣснь о Роландѣ. Рютбефъ. — Романы Круглаго Стола. — Миннезэнгеры и судьба миннезанга. — Вальтеръ фонъ-дербургъ. — Вольфрамъ фонъ-Эшенбахъ. — Лоэнгринъ, сынъ Парцивала. — Тристанъ и Изольда. Цѣна 1 р. 50 коп.

5) Исторія древняго міра. (курсъ учебный) издание 2-е, исправленное, съ 50 рисунками, ц. 80 коп.

6) Исторія среднихъ вѣковъ (курсъ учебный), издание 4-е, ц. 80 коп.

ПЕЧАТАЕТСЯ

и въ теченіе мая мѣсяца поступитъ въ продажу: **НОВАЯ ИСТОРИЯ** (курсъ учебный), ц. 80 коп.

Цѣна 1 рубль.